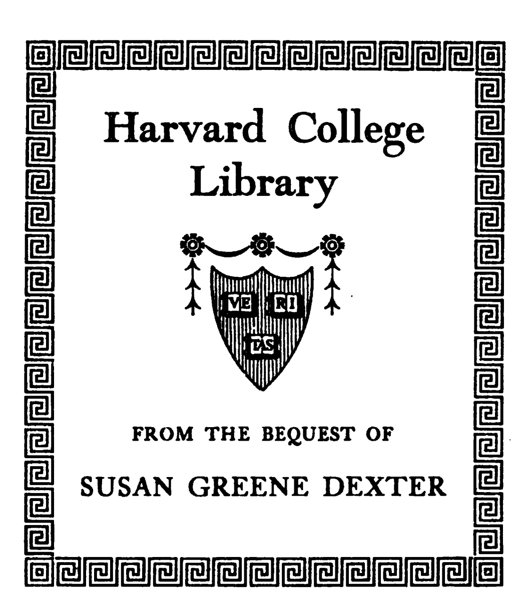

Harvard College
Library
VE RI TAS
FROM THE BEQUEST OF
SUSAN GREENE DEXTER

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи Департ. Внѣш. Торг.
1830.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О продолженіи Отечественныхъ Записокъ въ настоящемъ 1830 году.

Ласкаюсь надеждою, что почтенные Соотечественники мои отдадутъ справедливость усердію и постоянству, съ коими я выдержалъ изданіе *Отечественныхъ Записокъ* въ продолженіе *десяти лѣтъ*, несмотря на величайшія затрудненія, сопряженныя съ принятою цѣлію — говорить въ нихъ объ одномъ Русскомъ, отечественномъ. Но признаюсь, что нестолько пріисканіе матеріяловъ для замѣщенія ежегодно 80-ти и болѣе печатныхъ листовъ однѣми Русскими, оригинальными статьями, сколько размѣщеніе оныхъ въ видѣ разнообразномъ и привлекательномъ, приводило меня въ крайнее затрудненіе. И сего одного было бы достаточно, чтобъ отказаться впредь отъ сей тягостной обязанности, если бы стеченіе великаго множества любопытныхъ матеріяловъ, полученныхъ мною въ послѣднее время изъ разныхъ мѣстъ Россіи, невозлагало на меня обязанности передать ихъ для свѣдѣнія Публики, а потому и продолжать изданіе Отечественныхъ Записокъ въ настоящемъ 1830 году.

Цѣль и планъ ихъ остается по прежнему. Позволяю себѣ только, для большаго разнообразія, помѣщать иногда сцены изъ оригинальныхъ характерныхъ Русскихъ трагедій и комедій въ стихахъ, національныя Русскія пѣсни и баллады, съ историческими примѣчаніями, и т. п.

Отечественныя Записки въ настоящемъ 1830 году ознакомятъ Читателей и съ шести-

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

Генварь 1830. № 117.

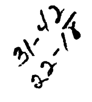
ВЗГЛЯДЪ НА ОДЕССУ.

(*Изъ живописнаго путешествія по Россіи Изд. Отеч. Зап. 1825 г.*)

14-го Августа, возвратясь въ Севастополь изъ любопытнаго путешествія по южному берегу Крыма, я узналъ, къ крайнему своему удовольствію, что на другой день отправлялся къ эскадрѣ, крейсировавшей въ 30 миляхъ отъ порта, бригъ *Гонецъ*, и горя желаніемъ обозрѣть на самомъ дѣйствіи Черноморскій флотъ, славящійся своею красотою, я безъ труда исходатайствовалъ себѣ мѣстечко на бригѣ.

Въ 10 часовъ поутру Гонецъ, мастерски, при сильномъ вѣтрѣ подошелъ подъ корму Адмиральскаго корабля и Командиръ онаго Капитанъ-Лейтенантъ Щербаковъ, отрапортовавъ въ рупонъ о благополучномъ состояніи своего судна, донесъ о моемъ прибытіи. Тотчасъ спущенъ былъ катеръ съ Императора Франца *) и какъ я удивился, найдя на кораблѣ Графа Михаила Семеновича Воронцова съ супругою и большою свитою, прибывшихъ за нѣсколько часовъ до меня изъ Одессы, проѣздомъ въ прелестный Юрзуфъ свой! День сдѣлался прекрасный, вѣтерокъ ровный, свѣжій, Адмиралъ воспользовался онымъ для угощенія насъ самымъ пріятнымъ, а для многихъ совершенно новымъ зрѣлищемъ — морскихъ эволюцій и примѣрнаго сраженія. Сдѣланы были сигналы: построиться эскадрѣ въ двѣ

*) Имя Адмиральскаго корабля.

Видъ города Пскова.

колонны, потомъ поворотиться двумя же колоннами на другой галсъ черезъ фордвиндъ, тамъ построиться въ линію баталіи одному за другимъ. Съ симъ послѣднимъ — въ минуту сіи громады скрылись за Пименомъ, слѣдовавшимъ за Адмиралтейскимъ кораблемъ. Скорость и правильность таковыхъ движеній доказали, до какой степени совершенства доведенъ Черноморскій флотъ попеченіемъ Адмирала Грейга, а намъ представили удивительное, ни съ чѣмъ несравненное зрѣлище, такъ что оно припомнило мнѣ слова Петра Великаго, который, командуя тремя соединенными флотами, сказалъ: »Еслибъ я не былъ Императоромъ, то старался бы быть Адмираломъ.« Наконецъ легкимъ судамъ: бригу *Орфею*, бригантинѣ *Елисаветѣ*, яхтѣ *Утѣхѣ* и шлюпу *Діанѣ*, дано было повелѣніе вступить между собою въ сраженіе — и мы увидѣли, какъ слабѣйшія суда, давъ

полный залпъ по сильному непріятелю, старались уходить, обманывать его смѣлыми, внезапными оборотами своими, или старались зайти ему подъ корму; какъ и тотъ, угадывая намѣренія своего поборника, громилъ его, слѣдуя за всѣми его движеніями, прибавляя и убавляя безпрестанно паруса свои, обращая все вниманіе къ отбитію у него такелажа; ибо потомъ легко было бы овладѣть самимъ судномъ. Прекратилась война, утихли громы, съѣхались Командиры со всѣхъ судовъ, и мы, при звукѣ прелестной музыки, пошли за мирный обѣдъ, который сколько былъ изобиленъ, столько и веселъ. Сему послѣднему легко повѣрить, когда узнаешь, что за столомъ сидѣло болѣе 40 особъ, что въ числѣ оныхъ были пришельцы съ отдаленнѣйшихъ краевъ свѣта, люди различныхъ званій и службы, кои столкнулись страннымъ случаемъ въ одинъ тѣсный кругъ! Можно вооб-

разить сколь разнообразна, жива и занимательна была сія беседа — за вкусными, избранными блюдами, приправленными нектаромъ Крыма и Франціи. Въ свитѣ Графа Михаила Семеновича, я встрѣтилъ двухъ извѣстныхъ писателей Гг. Л. и Н. Хвала русскому Боярину, покровительствующему русскіе таланты и русскую словесность.

Слава о Черноморскомъ флотѣ нисколько не увеличена: корабли одинъ другаго величественнѣе, стройнѣе! Алексѣй Самойловичъ избираетъ для судовъ, строющихся въ здѣшнихъ портахъ, чертежи съ извѣстныхъ Англійскихъ ходоковъ и боевыхъ судовъ. Такимъ образомъ стопушечный корабль Императоръ Францъ построенъ по размѣру знаменитаго *Victory*, на коемъ Нельсонъ одержалъ Трафальгерскую побѣду. Увеличивъ его нѣсколько въ длину и ширину, онъ усугубилъ еще достоинство

и выгоды сего корабля, почитавшагося лучшимъ во всемъ Британскомъ флотѣ.

Такъ какъ Гонецъ назначался въ крейсерство, то Адмиралъ безъ затрудненія далъ ему приказаніе отвести меня въ *Одессу;* а сіе избавило меня отъ скучнаго переѣзда черезъ степи Перекопскія и доставило случай покататься по Черному морю — четвертому, находящемуся въ предѣлахъ Россіи,

23-го мы вышли изъ Севастополя при благополучномъ вѣтрѣ, останавливались на нѣсколько часовъ при эскадрѣ и 25-го послѣ обѣда кинули якорь на Одесской рейдѣ подлѣ брандвахты. Плаваніе наше кончилось весьма благополучно, не смотря, что мы испытали почти всё, что можно встрѣтить на морѣ: штиль, ужасную качку, шквалы, грозу, дожжикъ и наконецъ со вчерашняго вечера прекрасную погоду, ровный вѣтерокъ,

который скоро успокоилъ волненіе моря и несъ бригантину нашу на всѣхъ парусахъ, между тѣмъ какъ мы нечувствовали ни малѣйшаго движенія. Сегодня съ разсвѣтомъ показался маякъ на большемъ Бабасѣ, потомъ лѣсъ мачтъ въ карантинѣ; но городъ открылся не прежде того, какъ мы стали уже на якорь. Стоянка здѣсь весьма невыгодна, ибо бухта некругла и суда открыты для всѣхъ вѣтровъ. За то грунтъ очень крѣпокъ и рѣдко случалось, чтобъ самый сильный шквалъ подрейфовалъ корабль; напротивъ, суда часто теряютъ якоря свои, ибо рвутся канаты при поднятіи оныхъ. Грунтъ состоитъ изъ крѣпкаго ила, составляющаго сверху родъ коры, подъ коею онъ жидокъ, такъ что якори какъ будто въ него всасываются.

Видъ съ рейда на городъ не весьма живописенъ, хотя оный стоитъ на высокомъ берегу и тѣмъ болѣе, что

не видно внутренности его за первымъ рядомъ домовъ, а потому очень затруднительно для артиста составить изъ онаго пріятный рисунокъ. Получивъ, въ слѣдствіе клятвеннаго обьявленія нашего за подписаніемъ всѣхъ Офицеровъ, что во время плаванія мы не встрѣчались ни съ однимъ кораблемъ и т. п, позволеніе съѣхать на берегъ, мы вышли на пристань военной гавани. По длинному покатому спуску всходишь на широкую, великолѣпную улицу и съ первымъ шагомъ видишь себя посреди богатаго многолюднаго города. Удостовѣреніе сіе увеличивается по мѣрѣ приближенія Ришельевскою улицею къ центру города: по обѣимъ сторонамъ оной встрѣчаешь огромные домы въ 2 и 3 этажа, магазейны, блестящіе сокровищами Европы и Азіи, и роскошные казино, полные посѣтителей.

Занявъ въ клобѣ *) No 14-й, имѣющій балконъ на Ришельевскую и де Рибасовскую улицы, я на первый разъ удовольствовался наблюденіемъ оттуда безпрерывнаго движенія, продолжавшагося на улицахъ далѣе полуночи. Прекрасныя кареты, коляски, кабріолеты, верховые, возы съ товарами, разнощики, разноцвѣтныя, разнородныя группы гуляющихъ по тротуарамъ смѣняли попеременно сцены, являли благотворныя слѣды торговли, съ властью и могуществомъ коей можетъ равняться одно очарованіе, которая одному велитъ сходить въ нѣдра земли или спускаться на дно морское, другому подниматься выше облаковъ, которая назначаетъ кругъ дѣйствія Гренландскому рыбаку и Готентотскому звѣролову; которая была началомъ всѣхъ

*) Лучшая гостинница въ Одессѣ. За двѣ комнаты платилъ я по 10 рублей въ день.

важныхъ открытій и усовершенствованій, которая, наконецъ, не съ большимъ въ 30 лѣтъ сіи дикія пустыни насѣлила многолюдными деревнями и сотворила городъ богатый, великолѣпный, неуступающій многимъ древнимъ столицамъ Европы. Этому едвали найдемъ подобный примѣръ даже въ Сѣверной Америкѣ.—Когда я предавался симъ размышленіямъ, посѣтилъ меня И. А. С., (коего я тотчасъ увѣдомилъ о своемъ пріѣздѣ), одинъ изъ ближайшихъ свидѣтелей счастливаго возвышенія Одессы. Достаточно замѣтить слова его, чтобъ представить вѣрный взглядъ на исторію сего города.

Страна, гдѣ лежитъ Одесса, пріобрѣтена Россіею въ силу мирнаго трактата съ Турціею, подписаннаго въ Яссахъ 1792 года. Находясь между устьями Буга и Днѣстра на пространствѣ 50 миль ширины и немного болѣе въ длину, она представляла не-

обозримую степь, гдѣ не встрѣчалось ни одного обиталища, и война изгнала даже народы, кочевавшіе на оной съ давнихъ временъ съ своими стадами. На мѣстѣ самаго города находился старинный замокъ Турецкій — *Гаджи-бей* называемый, который взятъ былъ у Турокъ въ 1789 году Адмираломъ Рибасомъ и по заключеніи мира съ Портою, приступлено было къ устроенію здѣсь порта, столь важнаго по близости отъ Украйны неимѣвшей до того возможности сбывать избытки своихъ богатствъ. Сколько въ уваженіе сихъ удобствъ, столько и потому, что гавань Одесская не всегда замерзаетъ, мудрая Екатерина предпочла сіё мѣсто всѣмъ прочимъ, не смотря на представлетельства многихъ сильныхъ того времени людей, утверждавшихъ, что торговые порты должно учреждать при впаденіи большихъ рѣкъ въ море, гдѣ кораблямъ безопаснѣе стоять и спо-

собнѣе нагружаться, что продукты Государства могутъ удобнѣе и дешевлѣ приходить извнутри воданымъ сообщеніемъ и наконецъ, въ случаѣ войны, непріятельскій флотъ встрѣтилъ бы болѣе затрудненія войти въ рѣку, чѣмъ сдѣлать нападеніе на мѣсто приморское. Не смотря на сіи, въ нѣкоторомъ отношеніи полусправедливыя истины, Императрица не поколебалась въ своемъ выборѣ — махнула творческимъ жезломъ своимъ и въ 1796 году открылся Одесскій портъ, къ коему въ концѣ того же года пришло до 60 Австрійскихъ, Итальянскихъ, Турецкихъ и Греческихъ кораблей, вокругъ пустыннаго замка образовались улицы, возникли хорошіе казенные домы и многіе иностранные купцы установили свои конторы. Европейскія Державы, увидя вскорѣ выгоды, которыя должна была доставить сія торговля, употребили свои усилія, чтобъ полу-

чить право свободнаго плаванія по Черному морю. И когда Порта даровала оное, въ 1802 году, послѣ Амьенскаго мира, сперва Французамъ, потомъ Англичанамъ, тамъ Прусакамъ, Голландцамъ, Рагузинцамъ и Республикѣ семи острововъ; то Одесса сдѣлалась главнымъ портомъ и средоточіемъ торговыхъ дѣлъ на Черномъ морѣ. Къ счастію сего города управленіе оныхъ поручено было въ слѣдующемъ 1805 году Дюку де Ришилье, съ полною властію, необходимою въ краю столь отдаленномъ отъ Столицы; и сей почтенный, благонамѣренный мужъ — вполнѣ оправдалъ довѣренность къ нему Монарха, доведя мѣрами кроткими и благоразумными торговлю Одессы до самаго цвѣтущаго положенія. Онъ не упустилъ воспользоваться всѣми средствами къ усиленію и распространенію сей важнѣйшей отрасли Государственнаго благосостоянія. По его

предспательству уменьшенъ таможенный сборъ, учреждены: Коммерческій Судъ, Банки промѣна и учетовъ, Купеческій Судъ, преобразованъ Карантинъ, опредѣлены иностранные Консулы, предоставлены городу доходы виннаго откупа и пятая часть таможеннаго сбора. Сіи незначущіе при вступленіи Дюка капиталы, ибо первый простирался не свыше 14 тысячь руб. въ годъ, а послѣдній 28 тысячь руб., возведены имъ были вскорости — винный откупъ до 375,000 т., а таможенный болѣе милліона! Въ сей прогрессіи двинулись впередъ и прочія части благосостоянія Одессы. Городъ нуждался въ пресной водѣ для напоенія скота, стекающагося въ великомъ множествѣ съ возами разнаго хлѣба — Дюкъ устроилъ огромное водохранилище, удалившее совершенно сіе неудобство. Не только воздвигнуты имъ великолѣпные храмы, для раз-

ныхъ вѣроисповѣданій, но домы страннопріимные и госпинницы для вспоможенія страждущему человѣчеству. Ришелье основалъ и довелъ до цвѣтущаго состоянія Гимназію и Училища для наставленія и воспитанія юношества. Его попеченіемъ устроена большая плотина для охраненія кораблей отъ бурь, рынки, казармы для гарнизона. Самыя удовольствія и увеселенія публики обращали особенное вниманіе Дюка: имъ выстроенъ прекрасный театръ, разведенъ публичный садъ, воздвигнута великолѣпная зала для баловъ и каменные тротуары, осѣненные деревьями; наконецъ недоставало ремесленниковъ въ раждающейся колоніи, и Ришелье поселилъ въ ней многія семейства трудолюбивыхъ Нѣмцевъ, выбранныхъ изъ числа пришедшихъ тогда обитать въ краю новой Россіи. Скоро населеніе Одессы возвысилось до 35,000 обитателей, и имя Дюка до

Ришелье будетъ навѣкъ благословляемо въ здѣшней странѣ.

По любви моей къ Археологіи, я поставилъ себѣ первою обязанностію на другой день посѣтить Г. Бларамберга, знаменитаго здѣшняго Антикварія. Его собраніе древностей особенно достойно примѣчанія по множеству достойныхъ предметовъ, извлеченныхъ изъ развалинъ древней Ольвіи. Г. Бларамбергъ въ короткое время умѣлъ собрать самый любопытный въ своемъ родѣ кабинетъ, въ коемъ заключаются слѣдующіе предметы:

1.) Собраніе мраморовъ съ надписями Греческими, статуй и барельефовъ, къ несчастію вообще поврежденныхъ. Между ними особенно замѣчательна одна небольшая статуя женщины, высокой работы. Въ числѣ надписей, нѣкоторыя въ честь Аполлона, другія посвящены Ахиллесу Понтарху, т. е. покровителю море-

плавателей въ Понтѣ Евксинскомъ. Сіи послѣднія найдены на островѣ Березинѣ, находящемся противъ устья Днѣпра, на коемъ Ольвійскіе Греки имѣли храмъ, посвященный Ахиллесу: плаватели приносили тутъ жертвы для испрошенія себѣ счастливаго пути.

2.) Великое число предметовъ изъ глины (terre cuite), какъ то: амфоръ и другихъ родовъ вазъ, лампъ, статуй, и проч. Нѣкоторыя изъ сихъ вещей въ совершенной цѣлости, но большая часть состоитъ изъ обломковъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ примѣчательно многочисленное собраніе ручекъ, оставшихся отъ глиняныхъ кувшиновъ, въ коихъ, вѣроятно, хранилось вино. На всѣхъ ручкахъ видны различныя изображенія и имена ихъ мастера, или чиновника, мастерами завѣдывавшаго (астинама.) Между обломками вазъ замѣчательны многіе куски съ лѣпными и живописны-

ми изображеніями изящной работы, принадлежащей къ лучшимъ временамъ искусствъ въ Греціи.

3.) Множество различныхъ металлическихъ и другихъ вещей, бывшихъ въ употребленіи у древнихъ обитателей Ольвіи.

4.) Богатое и единственное собраніе монетъ города Ольвіи. Въ каталогѣ, изданномъ Г. Бларамбергомъ въ 1822 году въ Парижѣ, описано 200 различныхъ монетъ Ольвійскихъ; но собраніе сіе съ тѣхъ поръ еще увеличилось. Мало есть Греческихъ городовъ, которые бы въ монетахъ своихъ представляли подобное разнообразіе. Полагая, что каждой описанной монеты Г. Бларамбергъ имѣетъ по 2 или по 3 экземпляра, собраніе его должно состоять изъ 500 и до 600 однѣхъ Ольвійскихъ монетъ, въ числѣ коихъ есть многія, до появленія его Каталога никѣмъ неописанныя, какъ на примѣръ: золотыя и сереб-

ряныя, съ изображеніемъ Аполлона и лиры, Геркулеса и палицы, и проч. Въ числѣ мѣдныхъ трудно бы было изчислить всѣ, по его Каталогу сдѣлавшіяся извѣстными Ученому свѣту. Ольвійскія монеты съ изображеніемъ Императоровъ Римскихъ, въ кабинетѣ Г. Бларамберга находящіяся, представляютъ Септимія Севера, Юлію Домну, Каракаллу, Гету, Александра Севера и мать его Юлію Мамею. Симъ кончается послѣдованіе Императорскихъ монетъ: что и заставляетъ Г. Бларамберга думать, что Ольвія была разрушена варварами вскорѣ послѣ Александра Севера.

5.) Прекрасное собраніе древнихъ монетъ, въ различныхъ мѣстахъ по берегамъ Чернаго моря и собственно въ Ольвіи найденныхъ и принадлежащихъ разнымъ Царямъ, городамъ и народамъ, вокругъ Чернаго моря обитавшимъ. Собраніе сіе Г. Бларамбергъ называетъ *Нумисматическимъ Периn-*

ломъ Понта Евксинскаго. Тутъ замѣчательны многія драгоцѣнныя монеты, удивительной сохранности, найденныя въ 1824 году на островѣ Тендрѣ, древнемъ *Ахиллесовомъ ристалищѣ*; далѣе, монеты, доселѣ еще бывшія неизвѣстными, *Скилура*, Царя Скиѳо-Тавровъ, современника Митридатова, и Царя *Инѳимея*, совершенно въ Исторіи неизвѣстнаго, но который, вѣроятно, предводительствовалъ Скиѳами въ окрестностяхъ Ольвіи, гдѣ и монета сія была найдена. Въ числѣ монетъ Царей Воспорскихъ, особенное вниманіе заслуживаетъ прекрасная и рѣдкая монета Царя Левкона, жившаго во времена Филиппа, отца Александра Великаго, найденная въ одной древней гробницѣ въ Керчи.

6.) Небольшое собраніе мраморныхъ и глиняныхъ обломковъ, съ надписями и изображеніями, найденныхъ на островѣ Тендрѣ. На одномъ мраморѣ видно изображеніе Ахиллеса

въ шишакѣ и со щитомъ въ рукѣ; на другихъ начертано имя сего героя.

7.) Мраморное изображеніе во весь ростъ Потамона Александрійскаго, учредителя школы Эклектической, избиравшей изъ прочихъ сектъ все лучшее и полезнѣйшее. Драгоцѣнный сей памятникъ, превосходной Греческой работы, найденъ въ развалинахъ Халкидона, противъ Константинополя, гдѣ вѣроятно Потамонъ кончилъ дни свои и былъ погребенъ.

8.) Большое собраніе бронзовыхъ кумировъ, лампъ и другихъ вещей древнихъ, найденныхъ въ развалинахъ Геркулана и Помпеи и пріобрѣтенныхъ Г. Бл. въ Одессѣ отъ одного путешественника.

Г. Бларамбергъ, не довольствуясь тѣмъ, что богатое собраніе его открыто для всѣхъ любителей Наукъ и особенно Исторіи и древностей, сдѣлалъ еще отъ избытковъ своихъ значительное пожертвованіе для по-

ложенія основанія учрежденному въ Одессѣ, по распоряженію Правительства, публичному Музеуму, который и былъ открытъ 9-го сего Августа. Пожертвованіе его состоитъ: 1.) Изъ собранія разныхъ древностей Египетскихъ; 2.) Собранія разныхъ кумировъ и вещей изъ бронзы, найденныхъ въ Геркуланумѣ и Помпеѣ; 3.) Собранія золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ разныхъ Императоровъ Римскихъ, начиная отъ Августа; 4) Собранія монетъ разныхъ Греческихъ Царей и городовъ, особенно странъ Понтійскихъ; 5.) Собранія отборныхъ книгъ, касающихся до Исторіи и Археологіи.—Надобно надѣятся, что и другіе хранители древнихъ вещей послѣдуютъ Г. Б. и вскорѣ обогатятъ сіе раждающееся заведеніе подобными пожертвованіями. Музеумъ сей помѣщенъ, на первый разъ, въ небольшой бесѣдкѣ его сада, отдѣланной въ приличномъ для сего видѣ.

Другое подобное собраніе, не менѣе любопытное и характеристическое, принадлежитъ Ивану Алексѣевичу Стемпковскому. Оно состоитъ изъ монетъ числомъ болѣе 1000, собранныхъ большею частію по берегамъ Чернаго моря. Въ нынѣшнемъ году оно получило приращеніе нѣсколькими любопытными медалями, найденными на островѣ Тендрѣ. Собраніе сіе заключаетъ въ себѣ значительное количество монетъ: Ольвійскихъ, Херсонскихъ, Пантикапейскихъ, Фанагорійскихъ и Тирасскихъ. Императорскія монеты сего послѣдняго города, въ сосѣдствѣ Ольвіи на берегу Днѣстра (гдѣ нынѣ Аккерманъ) стоявшаго, простираются отъ временъ Домиціана до Александра Севера. Выше замѣчено, что и Ольвійскія оканчиваются также на Александрѣ Северѣ, почему ясно видно, что Ольвія и Тира почти въ одно время существовать перестали. Полковникъ

Стемпковскій особенное стараніе прилагаетъ о собраніи монетъ древнихъ Царей Воспорскихъ, для объясненія исторіи оныхъ, и успѣлъ уже соединить изрядное количество таковыхъ монетъ. Между ними особенное вниманіе заслуживаетъ одна очень рѣдкая Царя Митридата III, съ изображеніемъ Царицы его супруги *), и три монеты Царя Радамеадиса, о коихъ Полковникъ Стемпковскій напечаталъ въ 1822 году особенное извѣстіе, и которыя до того времени совершенно были неизвѣстны. Радамеадисъ царствовалъ во времена Константина Великаго **).

---

*) Описаніе сей исторической монеты, было помѣщено въ *Одесскомъ Вѣстникѣ* 1827 года, Февраль.

**) Богатѣйшія собранія монетъ Царей Воспорскихъ, кромѣ Эрмитажнаго, находятся въ Вѣнѣ, куда поступилъ славный кабинетъ Тевполо изъ Венеціи, въ Парижѣ и Минхенѣ. Сей послѣдній составился изъ драгоцѣннаго кабинета Казинери, бывшаго Фран-

Полковникъ Стемпковскій имѣетъ также у себя прекрасную вазу *), въ родѣ Этрурскихъ, съ изображеніями, найденную въ 1823 году въ Одессѣ. Она особенно любопытна, какъ единственный памятникъ пребыванія древнихъ Грековъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Одесса. Полк. Стем. сдѣлалъ сей вазѣ особое описаніе, съ присовокупленіемъ изысканій о древнихъ Греческихъ поселеніяхъ по берегу Чернаго моря, между Днѣпромъ и Днѣстромъ существовавшихъ **). Изъ изысканій сихъ

цузскаго Консула въ Смирнѣ и Салоникѣ. Между частными собраніями Босфорскихъ монетъ, извѣстно въ Парижѣ собраніе Г. Алье д'Отерошъ, находившагося нѣсколько лѣтъ Консуломъ въ Иракліи Понтійской (нынѣ Пендераки).

*) Ваза сія находится нынѣ въ Одесскомъ Музеѣ; вмѣстѣ съ ней хранится другая, еще любопытнѣйшая, найденная также въ Одессѣ въ 1826 году, и описанная въ От. Зап. Іюнь 1827.

**) Изслѣдованія сіи помѣщены въ Майской книжкѣ 1826 года Отеч. Зап.

видно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ построена Одесса, находился въ древности такъ называемый Истріянскій портъ (Istrianorum portus), упоминаемый въ Арріяновомъ Периплѣ Понта Эвксинскаго.

Остальное время дня посвящено было мною обозрѣнію любопытныхъ храмовъ Богослуженія.

Соборъ здѣшній можетъ почесться однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Русскомъ Царствѣ. Полъ изъ бѣлыхъ мраморныхъ досокъ, а алтарь устланъ Марсельскими кафелями на подобіе мозаику. Мѣстные образа хорошей Академической работы и покрыты серебряными ризами ярко вызолоченными, утвари и ризы церковныя поддерживаютъ гармонію прочаго богатства. У сѣверныхъ дверей замѣчателенъ образъ Божіей Матери, высокой Итальянской кисти, онъ пожертвованъ покойнымъ И. К. Фродингомъ. На бронзовой доскѣ описана

исторія сего отличнаго произведенія Palmo vecchio, а въ недавнія времена одна незнакомка, пришедшая подъ вуалемъ, принесла на образъ сей и серебряную ризу. Плащаница унизанная крупнымъ жемчугомъ, а вѣнецъ драгоцѣнными каменьями, — есть также пожертвованіе частнаго человѣка. Съ особеннымъ удовольствіемъ можно послушать и соборныхъ пѣвчихъ, кои голосами своими уступаютъ развѣ однимъ Черноморскимъ и дѣлаютъ особенную честь своему попечителю, отцу Протоіерею Петру Семеновичу Куницкому, знаменитому сподвижнику и другу Преосвященнаго Экзарха Гавріила.

Въ *Греческой* церкви съ благоговѣніемъ покланялся бреннымъ останкамъ Патріарха Григорія, замученнаго Турками въ Константинополѣ въ день Св. Пасхи 1821 года и брошеннаго съ камнемъ въ море, но чудеснымъ образомъ спасеннаго на Грече-

комъ кораблѣ, шедшемъ въ Одессу, который и привезъ его невредима отъ тлѣнія. Внутренность храма распещрена разными сказаніями изъ Апоколепсиса, а въ папертѣ замѣчательно изображеніе Ада, написанное въ Іерусалимѣ какимъ-то Русскимъ художникомъ Димитраки, который превзошелъ кажется воображеніе самаго Данта, напустивъ въ томъ числѣ на употребляющихъ румяна змѣй, кои сосутъ щеки у грѣшницъ!

Католическая церковь невелика, но убрана съ немалымъ великолѣпіемъ. Въ ней замѣчателенъ прекрасный образъ Богоматери, кисти Карла Дольче, присланный въ церковь сію отъ М. А. Нарышкиной.

Старообрядческая сдѣлана по плану собора въ меньшемъ размѣрѣ и кромѣ старинныхъ книгъ и нѣкоторыхъ иконъ, не заключаетъ ничего достойнаго замѣчанія.

Лютеранскую, къ крайнему удивленію, я нашелъ устроенною въ вѣтхомъ магазинѣ. (Это было временно: нынѣ построена прекрасная Лютеранская церковь и открыта для Богослуженія въ 1827 году). Напротивъ того *Синагога* — въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, какъ по числу, такъ и по богатству прихожанъ.

Успѣнскій монастырь, находящійся на Бабасѣ въ 10 верстахъ отъ Одессы, если не заключаетъ никакихъ достопамятностей, то дѣлаетъ честь своему основателю Г. *Теутулу*, который пожертвовалъ сіе прекрасное мѣсто, со всѣми садами, для Архіерейскаго подворья, между тѣмъ, какъ Католики предлагали ему за оное 50 тысячъ рублей. Исполнилось и желаніе сего почтеннаго мужа: заложенный имъ маякъ, на который онъ также пожертвовалъ 14 тысячъ рублей, нынѣ конченъ и освѣщается лампами. Любопытна исторія сего

маяка: въ одну бурную, осеннюю ночь, Теупулъ слышитъ стукъ у дверей своего хутора, бывшаго на семъ мѣстѣ *) и предъ нимъ является бѣловласый старецъ. »Ты видишь, сказалъ онъ, одного изъ мореходцевъ, пострадавшихъ у береговъ сихъ отъ тебя: огонь въ хуторѣ твоемъ принятъ мною за городской и я направилъ корабль мой на камень, о который онъ разбился. Грѣхъ и проклятія падутъ на тебя отъ многихъ подобныхъ мнѣ, если ты не воздвигнешь здѣсь маяка, для отвращенія бѣдныхъ мореходцевъ отъ вѣрной погибели.«

Слѣдующій день я началъ посѣщеніемъ Ришельевскаго Лицея, принесшаго въ весьма короткое время столь много пользы просвѣщенію. Питомцы первыхъ годовъ его основанія особенно отличались своею образованностію, и не могло быть иначе: Дюкъ де Р. былъ привязанъ душею къ своему

твореню, посѣщалъ почти ежедневно сіе заведеніе, поощрялъ дѣтей къ соревнованію, такъ что отличныхъ изъ нихъ приглашалъ къ себѣ въ праздники на обѣдъ и удостоивалъ ихъ разговорами. Воспитанники, при такомъ поощреніи, дѣлали чудесные успѣхи, родители получали неограниченное довѣріе, и вскорѣ комплектъ Лицея, на 120 человѣкъ, наполнился; но вскорѣ и сіе прекрасное заведеніе по удаленіи Герцога, имѣло, какъ и прочія подобныя учрежденія — свой упадокъ. Я нашелъ въ немъ не болѣе 63 воспитанниковъ, изъ коихъ каждой платилъ за ученіе и содержаніе свое 1200 рублей. Строеніе Лицея хотя довольно огромно, но замѣтно, что было временное. Ришелье намѣренъ былъ воздвигнуть для сего великолѣпное зданіе за крѣпостію у моря, которое бы стоило нѣсколько милліоновъ. Уже и планъ онаго сдѣланъ Монфераномъ за 15 тыс. рубл.

Раздѣленіе дѣтей по возрастамъ, мнѣ весьма нравится; не только ученіе, но и самыя забавы принаровлены къ лѣтамъ, а потому, у каждаго возраста свой классъ и свой дворъ для забавъ. Нѣсколько воспитанниковъ обучаются на пожертвованныя Дюкомъ де Ришелье деньги, составляющія до 16 тыс. годоваго дохода отъ аренды, за службу ему отъ щедротъ Государя пожалованной, и которыя онъ предоставилъ на воспитаніе бѣдныхъ Дворянъ, и въ особенности сиротъ, оставшихся послѣ отцевъ, которые убиты въ прошедшую компанію противъ Французовъ. Сіи воспитанники называются Педагогами и должны, по окончаніи курса, прослужить 6 лѣтъ Надзирателями и Адъюнктами при Лицеѣ. По ходатайству основателя онъ сравненъ съ Университетами и выходящимъ съ хорошими аттестатами, отлич-

нымъ воспитанникамъ предоставлены права Студентовъ.

О *военной гавани* нѣсколько сказано мною выше. Присовокуплю къ тому, что какъ оная, такъ и *купеческая*, ограждены высокими насыпями или мулами, вдавшимися въ море саженъ на 200. Онѣ обложены камнемъ и такъ широки, что по нимъ повозки безъ затрудненія подъѣзжаютъ къ кораблямъ для нагрузки или разгрузки оныхъ. Глубина купеческой гавани отъ 23 до 8 футовъ, и какъ она годъ отъ году примѣтнымъ образомъ мѣлѣетъ, то собираются нынѣ ее чистить *). Мула ограждена высокою каменною стѣною, за коею на самомъ берегу морскомъ выстроена прекрасная ресторація для пассажировъ и капитановъ, живущихъ на корабляхъ и остающихся въ карантин-

*) Работа сія производится уже, и очень успѣшно. Пр. 1829 г.

номъ положеніи. Тушъ стоитъ и ботъ для спасенія отъ кораблекрушенія съ полнымъ экипажемъ при Офицерѣ, готовомъ подать руку помощи при малѣйшей надобности кораблю, идущему съ моря.

Карантинъ занимаетъ все пространство уничтоженной крѣпости. Магазины для прокурки и провѣтриванія иностранныхъ товаровъ довольно пространны, а пассажирскіе домики, числомъ 23, гдѣ выдерживаютъ положенный срокъ, хорошо расположены на горѣ и обсажены деревьями, отъ чего въ нихъ, при самомъ большемъ жарѣ, бываетъ пріятная прохлада. Для переговоровъ находится нѣсколько домиковъ, гдѣ за рѣшетками, отдѣленными довольно большею пустотою, имѣютъ свиданіе городскіе жители съ пассажирами, невыдержавшими срокъ карантина; нынѣ строится для сего же весьма красивая галлерея, отъ коей недалеко и

харчевня, снабжающая карантинъ всякими кушаньями и виномъ, за весьма умѣренную цѣну: по 30 коп. порція и рубль за бутылку хорошаго вина. Чумное отдѣленіе выстроено совершенно вновь и съ большими удобствами и предосторожностями, найденными необходимыми послѣ ужаснаго опыта прошедшаго 1812 г., когда въ четыре мѣсяца отъ сего ужаснаго бича рода человѣческаго, Одесса лишилась десятой части своихъ жителей и торговля возстановилась не ранѣе 1814 года. Доселѣ еще неузнано совершенно отъ чего возникла эта язва въ городѣ. Разсказываютъ различнымъ образомъ, въ томъ числѣ я слышалъ будто она распространилась отъ сундука, брошеннаго на улицѣ, съ платьемъ и разными пожитками, кои растасканы были народомъ прежде, чѣмъ дошло сіе до свѣденія Полиціи: и сіе ужаснѣйшее злоумышленіе приписывали Наполеону, силившемуся

въ то время ослабить, уничтожить Россію *). Одесскіе жители вспоминаютъ съ благоговѣніемъ о попеченіяхъ, оказанныхъ при семъ несчастномъ случаѣ добрымъ Ришелье страждущему человѣчеству. Тогда, какъ Одесса представлялась обширною гробницею, тогда какъ всякой помышлялъ о самомъ себѣ, одинъ Дюкъ де Ришелье презиралъ опасности и подвергая жизнь свою безпрерывно оной, пекся о спасеніи другихъ: однѣ неисповѣдимыя Судьбы могли сохранить его для счастія тысячь его согражданъ **).

*) Никакъ нельзя вѣрить, чтобы сіе было слѣдствіемъ умысла. — Чума въ то время свирѣпствовала ужасно въ Константинополѣ; въ 4 мѣсяца умерло тамъ до 200 тыс. человѣкъ. Корабли приходятъ оттуда въ Одессу иногда въ 2 и 3 дни. Мудрено ли было завезти чуму, которая вѣроятно прокралась посредствомъ какого нибудь контробанда.

**) Дюкъ де Ришелье нѣсколько разъ входилъ въ больницы, наполненныя зачумленными людьми. Въ 1813 году онъ не оставилъ ни одного

Брантвахта стоящая въ верстѣ отъ берега, дѣлаетъ предварительный осмотръ всѣмъ судамъ и при малѣйшемъ сомнѣніи на счетъ чумы, не допуская до гавани, отправляетъ таковое судно въ карантинъ.

Послѣ сего заходилъ я въ городскую гошпиталь, которая существуетъ съ 1808 года и содержится въ такомъ же порядкѣ и чистотѣ, коими славятся всѣ человѣколюбивыя заведенія въ Россіи.

Вечеръ провелъ пріятно въ Театрѣ, давали Россиніеву Оперу Italiana in Algieri, — и весьма порядочно для нестоличнаго города, которому стоитъ сія забава, какъ я слышалъ до 30,000 рублей въ годъ! Театръ снаружи гораздо лучше чѣмъ внутри. Онъ кажется построенъ по рисунку знаменитаго Парѳенона, хотя съ

зачумленнаго мѣста въ Херсонской губерніи, непосѣщивъ онаго. Провидѣніе невидимо охраняло его.

большими измѣненіями и упущеніями. Ложи въ три яруса, и еще раекъ; парперъ начинается у оркестра, а кресла за нимъ идутъ амфитеатромъ. Мѣста въ сихъ послѣднихъ по 3 р., а ложи въ первомъ ярусѣ 20 р.

Бульваръ здѣшній, по мѣстоположенію своему, можетъ назваться однимъ изъ прекраснѣйшихъ въ Европѣ! Онъ расположенъ по возвышенному берегу моря, которое представляется отсюда во всей красотѣ своей съ обѣими гаванями и карантиномъ, усѣянными кораблями. Съ другой стороны обращенъ къ нему рядъ прелестнѣйшихъ домовъ, кои сдѣлали бы украшеніе и самой столицѣ Сѣвера, каковы: Генерала Орлова, Гр. Болеслава Потоцкаго, Кн. Лопухина и пр; но онъ несказанно выиграетъ еще когда кончится постройка великолѣпнаго дворца Графа М. С. Воронцова, воздвигаемаго у самаго конца бульвара, и когда внизъ по крутой горѣ отъ полукруж-

ной коллоннады до военной гавани — разобьется прелестный садъ въ Англійскомъ вкусѣ *). Наконецъ на будущее лѣто ожидаютъ изъ Петербурга и великолѣпный бронзовый памятникъ Дюку Ришелье, которой воздвигаетъ ему благодарная Одесса и которой поставится на площади, оставленной нарочно предъ бульваромъ **).

---

*) Какъ тотъ, такъ и другой, съ утонченіемъ роскоши и вкуса, уже кончены и составляютъ лучшее украшеніе города, а пребываніемъ въ семъ замкѣ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Өеодоровны, останется оный незабвеннымъ въ лѣтописяхъ исторіи. (Пр. 1829 г) См. видъ сего Дворца на прилож. картинкѣ.

**) И монументъ также поставленъ на своемъ мѣстѣ и открытъ прошедшаго 22 Апрѣля, при подобаемомъ торжествѣ. Памятникъ сей есть одно изъ примѣчательныхъ произведеній знаменитаго Скульптора нашего Мартоса, и изображаетъ на гранитномъ подножіи покойнаго Дюка де Ришелье во весь ростъ, держащаго въ одной рукѣ свертокъ, а другою указывающаго на портъ имъ созданный.

Одесса не можетъ похвалиться своими окрестностями, кои доселѣ представляютъ гладкія, безводныя степи; только покатости или лучше сказать крутизны морскаго берега, измѣняютъ нѣсколько картину монотонности и скудости природы, и доставляютъ возможность развѣсти пріятныя загородныя мызы и хуторы. Лучшимъ изъ оныхъ можетъ почесться дача Г. Рено *). Прекрасное, живописное положеніе сіе весьма легко можно обратить въ романтическое обиталище Фей — и съ небольшими издержками. Матеріалы готовы для подземныхъ глубокихъ гротовъ, шумящихъ каскадовъ, великолѣпныхъ фонтановъ, для уединенныхъ морскихъ купаленъ — между дикими скалами, для разнаго рода храмовъ, бесѣдокъ, капризовъ; нуж-

---

*) Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА изволила занимать ее, в время пребыванія Своего въ Одессѣ.

ны больше всего: добрая воля и вкусъ. Здѣсь замѣчательна мраморная колонна, взятая, вѣроятно, изъ Турецкой мечети, посвященная памяти добраго Ришелье. Высокій берегъ, какъ стѣною окружаетъ сіе владѣніе, такъ, что только приближась къ самому краю онаго, вы можете усмотрѣть сады и домы подъ ногами вашими. Не въ дальнемъ разстояніи отъ онаго, ближе къ городу, хорошенькая дача Генерала Кобле *), въ коей всего замѣчательнѣе длинная крытая лѣстница, ведущая съ горной дороги къ самому дому, стоящему неподалеку отъ моря

Возвращаясь предъ захожденіемъ солнца въ городъ, за версту встрѣчены мы были пыльною атмосферою, плавающею въ видѣ тумана надъ Одессою. Не смотря на сіе, утвер-

*) Нынѣ принадлежащая Генералу Курису, сподвижнику Суворова.

ждаютъ, что какъ пыль, такъ и грязь несравненно уменьшились въ городѣ со времени вымощенія главныхъ улицъ по Мак-Адамвой системѣ. Къ сожалѣнію работа сія не можетъ итти успѣшно за неимѣніемъ крѣпкаго камня въ окрестностяхъ Одессы. Для поощренія корабельщиковъ привозить оный вмѣсто баласту, сдѣланы нѣкоторыя облегченія: въ томъ числѣ свозится съ ихъ судовъ таковый баластъ казенными судами, между тѣмъ, какъ для песчанаго отвѣдено отдаленное мѣсто.

Попеченіемъ незабвеннаго Дюка де Ришелье, разведенъ и публичный садъ. Онъ невеликъ, но заключаетъ много тѣни и служитъ подобно Петербургскому Лѣтнему саду, единственною отрадою и укрытіемъ отъ лѣтняго зноя, людямъ, не имѣющимъ возможности отлучаться на дачи. Въ немъ есть бесѣдки и палатки, гдѣ можно во всякое время найти

прохладительные напитки, фрукты и мороженое.

Близъ самаго города устроены купальни въ морѣ, что доставляетъ немалое удовольствіе и выгоды здѣшнимъ жителямъ и пріѣзжающимъ пользоваться полезнымъ морскимъ купаньемъ.

Въ клубѣ, имѣющемъ прекрасную, довольно пространную залу, построенную во время Дюка де Ришелье, на подобіе Московской залы Благороднаго Собранія, даютъ по воскресеньямъ и праздникамъ балы, кои бываютъ блестящи, особливо во время стеченія многихъ фамилій изъ Польскихъ губерній нашихъ для коммерческихъ оборотовъ и лѣченія морскими ваннами. Вообще же можно легко замѣтить, что Одесскіе жители ведутъ жизнь болѣе на манеръ иностранный, чѣмъ Русскій, то есть — живутъ болѣе на улицѣ, чѣмъ въ домахъ, бо-

лѣе участвуютъ въ публичныхъ собраніяхъ, чѣмъ угощаютъ у себя.

Наконецъ, чтобъ довершить картину Одессы, должно сказать съ нѣкоторою подробностію о здѣшней торговлѣ. Она состоитъ почти изъ одного торгу *пшеницею*, коею снабжается отсюда южная Европа, и которая отъ самой низкой цѣны: 6 и 7 рублей за четверть, возрастаетъ иногда до 40 и 50 руб., судя по требованію! Вотъ отъ чего въ 1816, 17 и 18 годахъ, помѣщики вокругъ лежащихъ имѣній и купцы, сдѣлали неимовѣрныя фортуны на одной пшеницѣ, а теперь она имѣетъ мало сбыту. Хлѣбъ же привозится въ Одессу наиболѣе изъ губерній: Подольской, Волынской, Кіевской, Екатеринославской и Херсонской. Ежедневно приходятъ въ городъ несмѣтные обозы, коими заставлена большая часть улицъ и площадей; магазейны, находящіеся почти

при каждомъ домѣ *) наполнены пшеницею: здѣсь ее ссыпаютъ, тамъ перечищаютъ или *грохотятъ* **), такъ что на каждомъ шагу вы видите сей продуктъ, бывшій единственнымъ источникомъ богатства сего порта, превращающійся на самомъ мѣстѣ въ чистое серебро и золото. Въ 1817 году Одесса получила за оный до 50 милліоновъ звонкою монетою и болѣе 1,100 кораблей приходило сюда за пшеницею, которой вывезено было до 1,200,000 четвертей. Съ нѣкотораго времени начинаютъ вывозить изъ

*) Оии составляютъ славнѣйшій доходъ здѣшнихъ домовъ.

**) Главное правило къ сохраненію пшеницы есть, какъ можно чаще ее пересыпать, что дѣлается каждые 10 дней — съ одной стороны магазейна на другую, для чего оставляется по двумъ стѣнамъ пространства аршина два. Въ кучу кладется не болѣе 700 четвертей, болѣе было бы тяжело для самого зерна. Два человѣка легко пересыпаютъ сіе количество въ одинъ день, а просѣять въ грохотъ не могутъ болѣе 500 четв.

Одесскаго порта, въ довольно большомъ количествѣ, сало говяжье, воловьи кожи и нѣкоторые другіе товары Россійскаго произведенія. Надобно надѣяться, что выпускъ сихъ различныхъ продуктовъ будетъ годъ отъ году увеличиваться, и что чрезъ то упрочится торговля Одесская, коей благосостояніе зависѣло доселѣ отъ весьма непостояннаго и частымъ измѣненіямъ подверженнаго торга пшеницею.

ДОГОВОРНАЯ

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА,

*при державѣ Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, въ 1634 году, у рѣчьки Поляновки, при дорогѣ Вяземской и Дорогобужской, составленная и подписанная полномочными Послами—Русскими: Бояриномъ и Псковскимъ Намѣстникомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметьевымъ, да Окольничимъ и Намѣстникомъ Суздальскимъ Алексѣемъ Михайловичемъ Львовымъ, и Польскими: Ксендзомъ Якубомъ Жадикомъ Вискупомъ Хелминскимъ и Померанскимъ, Канцлеромъ Каруннымъ, Хриштопомъ Кихтателъ на Биржахъ и Дубинкахъ, Воеводою Виленскимъ, полнымъ Гетманомъ Княжества Литовскаго и Старостою Жижморскимъ, Быстрицкимъ, Шейвенскимъ и Пошировенскимъ и прочими — объ отреченіи Владислава Короля Польскаго отъ престола Московскаго и отъ всѣхъ Царскихъ титуловъ Россійскаго Государства *).*

Божіею милостію Великаго Государя Царя, и Великаго Князя Михаила

---

*) Грамота сія доселѣ не была нигдѣ напечатана. *Изд.*

Өедоровича, всея Руссіи Самодержца, Владимерскаго, Московскаго, Новгородскаго, Царя Казанскаго, Царя Астраханскаго, Царя Сибирскаго, Государя Псковскаго и Великаго Князя Тверскаго, Югорскаго, Пермскаго, Вятскаго, Болгарскаго, Ростовскаго и иныхъ, Государя и Великаго Князя Новагорода Низовскіе земли, Резанскаго, Ростовскаго, Ярославскаго, Бѣлозерскаго, Удорскаго, Обдорскаго, Кандинскаго, и всея Сиверныя страны Повѣлителя и Государя Иверскія страны, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскія земли и Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ Государя и Обладателя, Его Царскаго Величества и всѣхъ великихъ Россійскихъ Государствъ великіе Послы Язъ Царскаго Величества Бояринъ и Намѣстникъ Псковской Өедоръ Ивановичь Шереметевъ, Язъ Царскаго Величества Окольничей и Намѣстникъ Суз-

дальской Князь Олексѣй Михайловичь Львовъ, азъ Царскаго Величества дворянинъ и Намѣстникъ Шатской Степанъ Матвѣевичь Проестевъ; Мы Царскаго Величества Діяки Григорей Ивановичь Нечаевъ, Василей Прокоѳьевъ, по велѣнію Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца, Его Царскаго Величества за Его Государевою вѣрющею грамотою съѣзжалися есмя, промежь Вязьмы и Дорогобужа, на рѣчькѣ на Поляновкѣ, Великаго Государя Владислава четвертаго Божіею милостію Короля Польскаго Великаго Княжества Литовскаго, Рускаго, Пруского, Моинцкаго, Замоветскаго, Свевскаго, Волынскаго, Подольскаго, Смоленскаго, Черниговскаго, Полотскаго, Витебскаго, Мстиславскаго, Лифлянскаго, Лотонскаго и иныхъ, а Шлетцкаго, Кеотскаго, Вандалскаго Дѣдичнаго Короля, Княжа Ѳин-

ляндскаго, и иныхъ Его Королевскаго Величества Каруны Польскія и Великаго Княжества Литовскаго Пановъ родъ и всее рѣчи посполитыя Духовныхъ и швецкихъ съ великими Послы Панырадою Ксендзомъ Якубомъ Жадикомъ Бискупомъ Хелминскимъ и Померанскимъ Канцлеромъ Карунныиъ съ Христопомъ Родивиломъ Княжатемъ, на Биржахъ и Дубинкахъ, съ Воеводою Велинскимъ, Гетманомъ полнымъ великаго Княжества Литовскаго, старостою Жижморскимъ, Быстрицкимъ, Шейвенскимъ и Поширвенскимъ, Гетманомъ полнымъ Карунныиъ Тлумцкимъ, Нижинскимъ, съ старостою съ Олександромъ Корвинымъ, Часедскимъ Воеводою и писаремъ полнымъ Великаго Княжества Литовскаго, Пунскимъ, Купижскимъ старостою съ Олександромъ Песочинскимъ, Каштюляномъ Каменецкимъ, съ старостою Улановскимъ, съ Ксендзомъ Марцыяномъ

Трылною, реѳерендаремъ и писаремъ Великаго Княжества Литовскаго— Кгеранонскимъ Троцкимъ пробощемъ съ Ондрѣемъ Знакгловинъ дворениномъ покоевымъ Королевскимъ, старостою Либужскимъ, съ Миколаемъ Гневышемъ Хорунжимъ Любенскимъ, съ Олександромъ Окгинскимъ Хорунжимъ *Троцкимъ*, старостою Логачевьскимъ, и говорили есмя съ ними о давно зашлыхъ дѣлѣхъ, о Государскомъ титлѣ, что прежнихъ Великихъ Государей нашихъ Царей и Великихъ Князей всея Руссіи прежніе Государи ихъ Короли Польскіе и Великіе Князи Литовскіе, въ титлехъ ихъ Государскихъ описывали Великими Государи, безъ Царскаго именованія, а доброе сходство на вѣчное докончанье межъ ими Государи давно не бывало, а потомъ говорили есмя Мы Царскаго Величества Бояре, великіе Послы Каруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго, съ

Панырадою и Великими Послы братьею нашею о чести и титлѣ Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи Самодержца и многихъ Государствъ Государя и обладателя, что прежній Государь ихъ Жигимонтъ Король Польскій и Великій Князь Литовскій, сынъ его, а нынѣшній Государь ихъ, Владиславъ Король Польскій и Великій Князь Литовскій, и они Панырада Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Руссіи Самодержца его Государскимъ Царскимъ именованіемъ не описывали за многими незгодами и войнами, а Государь ихъ нынѣшній, Владиславъ, Король Польскій и Великій Князь Литовскій описывался Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи и многихъ Государствъ Государемъ, причаяся къ Московскому Государству по прежнему договору Московскаго Государства

Бояръ и всякихъ чиновъ людей съ Гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ, что было его Королевича Владислава, а нынѣшняго Государя ихъ Короля по присылкѣ отца его Жигимонта, Короля обрали на Московское Государство, чая Московское Государство отъ междоусобія тѣмъ упокоить и во умиреніе привести, и то дѣло волею Божіею въ тѣ поры не сталось, а Царство Московское и самый царствующій градъ Москва была въ разоренье. А какъ по волѣ и по милости Всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога нашего и по племени прежнихъ Великихъ Государей нашихъ и Великихъ Князей Россійскихъ, а за многимъ слезнымъ моленіемъ и прошеніемъ Россійскаго Государства Митрополитовъ и Архіепископовъ и всего Священнаго чину, а за многимъ челобитьемъ Царей и Царевичевъ и Государскихъ дѣтей разныхъ Государствъ, которые служатъ въ Мо-

сковскомъ Государствѣ, и насъ Бояръ и Окольничихъ и Воеводъ и всякихъ чиновъ всѣхъ Великихъ Государствъ Россійскаго Царства, отъ множественнаго народу людей учинился на великихъ и преславныхъ Государствахъ Російскаго Царствія Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи Самодержцемъ Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичь всеа Русіи Самодержецъ, и при немъ Великомъ Государѣ нашемъ Царѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ всеа Русіи Самодержцѣ Его Царскаго Величества съ Коруною Польскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ ссора и война была многое время до лѣта 7127; а во 127 году съ повелѣнія Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца, Его Царскаго Величества Бояре и великіе Послы: Язъ Бояринъ и Намѣстникъ

Псковской Өедоръ Ивановичь Шереметевъ, съ товарищи, съѣзжались Каруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго съ Панырадою и Великими Послы со Княземъ Адамомъ Новодворскимъ Пискупомъ Каменецкимъ съ товарищи, и о добрыхъ дѣлехъ и о покоѣ Христіанскомъ говорили и становили, и договорили есмя, обои Великіе Послы, межъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества Великихъ Російскихъ Государствъ, и межъ Великихъ же Государствъ съ Коруною Польскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ перемирья на четырнатцать лѣтъ и на шесть мѣсяцъ, лѣта отъ созданія міра 7127 году, отъ Рождества Христова мѣсяца Декабря 25 числа до лѣта 7141 мѣсяца Іюня по 25 день. А въ тѣ бы перемирные лѣта межъ Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича, всеа Руссіи Самодержца

Его Царскаго Величества Великихъ Государствъ и межъ Коруною Польскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ рашѣ и войнѣ не быть и на обѣ стороны земель невоевати и не засѣвати, и то перемирье за многими ссорами не довершено, война вщалась и городы Царскаго Величества, которые отъ Московскаго Государства для добраго дѣла и покою крестьянскаго къ Польшѣ и къ Литвѣ во 127 году поступлены были, на перемирныя лѣта поиманы и повелѣнія Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца, Его Царскаго Величества бояръ и его думныхъ людей, по ссылкѣ съ панырадою коруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго, мы Царскаго Величества Бояра и всѣхъ Великихъ Государствъ Россійскихъ великіе послы, Царскаго Величества Бояринъ и Намѣстникъ Псковской Ѳедоръ Ивановичь Шере-

мѣтевъ, Окольничей я Намѣстникъ Суздальской Князь Алексѣй Михайловичь Львовъ, дворянинъ и Намѣстникъ Шатцской Степанъ Матвѣевичь Проестевъ, мы Царскаго Величества Дiяки Григорей Ивановичь Нечаевъ да Василей Прокоѳьевъ на нынѣшнемъ съѣздѣ Каруны Польскiе и Великаго Княжества Литовскаго съ панырадою и великими послы съ Ксендзомъ съ Якубомъ Жадикомъ Бискупомъ Хелминскимъ и Померанскимъ Канцлеромъ Каруннымъ съ Хриштовомъ Родиволомъ, Княжетемъ надъ Биржахъ и Дубинкахъ, съ Воеводою Виленскимъ Гетманомъ полнымъ Великаго Княжества Литовскаго старостою Жижморскимъ, Быстрицкимъ, Шеивейскимъ и Поширвенскимъ съ Мартыномъ Козаковскимъ, Воеводою Подольскимъ Гетманомъ полнымъ Каруннымъ Тлумаицкимъ Ниженскимъ старостою съ Олександромъ Корвинымъ Часевскимъ,

Воеводою и Писаремъ полнымъ Великаго Княжества Литовскаго Пунскимъ Купунскимъ Старостою съ Александромъ Песочинскимъ, Каштяляномъ Каменецкимъ съ старостою Улановскимъ Ксендзомъ Марцыяномъ трызною рееендаремъ и писаремъ великаго Княжества Литовскаго Гераноскимъ Тровскимъ пробощемъ Ондрѣемъ знакъ-гловинъ дворяномъ покоевымъ Королевскимъ Старостою Любижскимъ съ Миколаемъ Гнѣвышемъ, Хоружимъ Любецкимъ съ Олександромъ Окгинскимъ, Хоружимъ Троцкимъ старостою Рогачевскимъ, говорили есмя и становили бы какъ тѣ всѣ прежнія ссоры на обѣ стороны отставити и учинити бы межъ великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи Самодержца Его Царскаго Величества и межъ Великаго Государя ихъ Владислава Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго

братственную дружбу и любовь и соединеніе, а межъ великими Государствы ихъ покой и тишину, а паны-рада и великіе Послы говорили о давно зашлыхъ дѣлѣхъ, о городѣхъ ихъ, и о земляхъ, будто отъ Каруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго при прежнихъ Государехъ Царехъ и Великихъ Князехъ Россійскихъ къ Московскому Государству поиманы и о иныхъ давно зашлыхъ дѣлехъ и обидахъ, что учинилось вновь въ нынѣшней войнѣ, и о тѣхъ городѣхъ, которые прежъ сего во 127 году съ повелѣнія Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества къ корунѣ Польской и Великому Княжеству Литовскому поступленыя, а въ нынѣшнюю войну Царскаго Величества отъ людей поиманы къ Московскому Государству и о полоненикѣхъ о Польскихъ и о Литовскихъ людяхъ, которые въ нынѣшнюю войну на боѣхъ въ городѣхъ и вездѣ поиманы, чтобъ

ихъ въ Польшу и въ Литву отпустити не задерживаючи; а потомъ говорили есмя мы обои великіе Послы и о иныхъ всякихъ Государственныхъ дѣлехъ, которые къ вѣчному покою Христіанскому належатъ, и милостію и благословеніемъ Пресвятыя единосущныя и животворящія Троице, Отца, и Сына, и Святаго Духа Бога нашего договорили и постановили есмя обои великіе Послы межь Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи Самодержца Его Царскаго Величества, и межь Великаго Государя Владислава Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго и его Королевскаго Величества и межъ ихъ великихъ государствъ вѣчное докончаніе на томъ быти имъ великимъ Государемъ: Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Өеодоровичу всеа Русіи Самодержцу Его Царскому Величеству и

Великому Государю Владиславу Королю Его Королевскому Величеству межъ собою и дѣтемъ ихъ и наслѣдникомъ въ братской дружбѣ и въ любви и въ соединенiи и въ вѣчномъ докончанiи, а великихъ Государствъ ихъ всякихъ чиновъ людемъ потомужъ межъ собою въ дружбѣ и въ любви на вѣки неподвижно, а что говорили о давно зашлыхъ дѣлѣхъ и о городѣхъ и о земляхъ чтобъ дати прежнее докончанiе у Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей всеа Русiи съ прежними Государи Короли Польскими и Великими Князи Литовскими и о иныхъ давно зашлыхъ дѣлѣхъ и обидахъ и что учинилось вновь въ нынѣшней войнѣ и о томъ обои Великiе Послы приговорили есмя, обѣ стороны отставити и замирити, и впередъ тѣхъ мимошедшихъ дѣлъ не всчинати и недружбы никакiе не мыслятти и впередъ тому ни съ которую сторону николи во вѣки вспо-

мяновену не быти, а Великаго Государя нашего Царя и Великаго. Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи Самодержца и Его Царскихъ дѣтей и внучатъ Государей нашихъ и впредь будущихъ великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Россійскихъ Великому Государю Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Литовскому и впредь будущимъ Государемъ, Княземъ Литовскимъ и паномрадѣ и всей рѣче посполитой каруны Польской и Великаго Княжества Литовскаго, всякихъ становъ людямъ, Духовнымъ и швецкимъ описывати и именовати какъ въ сей окончальной Грамотѣ написано: Божіею милостію Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ всея Русіи Самодержцемъ Московскимъ, Новгородскимъ, Царемъ Казанскимъ, Царемъ Астраханскимъ, Царемъ Сибирскимъ, Государемъ Псковокимъ, Великимъ Княземъ Тверскимъ, Югор-

скимъ, Пермскимъ, Вятскимъ, Болгарскимъ и иныхъ, Государемъ и Великимъ Княземъ Новагорода Низовскіе земли, Резанскимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Бѣлозерскимъ, Удорскимъ, Обдорскимъ, Кандинскимъ, и всея Сиверныя страны повелителемъ и Государемъ Иверскіе земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ многихъ Государствъ Государемъ и Обладателемъ, а Великаго Государя Владислава Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго и впредь будущихъ Государей Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ писать по прежнимъ, съ полными ихъ Государскими титлы, какъ въ сей окончальной Грамотѣ написано: Великій Государь Божіею милостію Король Польскій и Великій Князь Литовскій, Рускій, Пруcкій, Жемоцкій, Мозовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій,

Витебскій, Мстиславскій, Лифлянскій, Естонскій и иныхъ, Швецкій, Игоцкій, Вандалскій, дѣдиничный Король Княжъ Финлянскій и иныхъ, а по прежнему договору и утвержденію великихъ бояръ и всякихъ чиновъ людемъ Московскаго Государства съ Воеводою Кіевскимъ съ Гетманомъ карунным Станиславомъ Желковскимъ Рогатинскимъ съ товарищи, какъ было Королевича Владислава, а нынѣшняго Государя и Короля, обрали на Московское Государство, именовали Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи, а на Царство Московское не приняли, и тотъ прежній договоръ для покою Христіанскаго нынѣ отставленъ и Государь ихъ Владиславъ Король то Царское именованіе съ себя сложилъ и впредь тѣмъ царскимъ именованіемъ именовать себя и писать не хочетъ, и посему вѣчному докончанію Великаго Государя Короля Владислава его Королев-

скаго Величества паномрадѣ и всей рѣчи посполитой Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи не описывать и тотъ договоръ и грамоты и записи, утвержденные укрѣпленіемъ за руками и печатьми боярскими и всякихъ людей Московскаго Государства и всей земли, отдати Царскаго Величества великимъ Посломъ и впередъ Великому Государю Владиславу Королю и его братьемъ и дѣтямъ и внучетамъ къ Московскому Государству причитанія ни въ чемъ не имѣти, и Царемъ и Великимъ Княземъ всеа Русіи титлы Московскаго Государства неописыватися и того Великаго государства подъ великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ всеа Русіи Самодержцемъ и подъ его Государскими дѣтьми и наслѣдники не подыскивать и недруга никакого не наводити и ратью и никакою помочью и нарядомъ и казною не вспомогати, отступи-

пись того пипла и именованія во вѣки неподвижно и сему вѣчному мирному поспановленію нерушиму содержану бызпи съ обѣ спороны на вѣки и впредь великому Государю нашему, Его Царскому Величеспву, и Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Липовскому, Его Королевскому Величеспву, межь себя во всякихъ мѣрахъ двора хопѣпи и другъ другу лучшаго иекапи и во всемъ правда чинипи и бызпи Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи Самодержцу и Его Царскаго Величеспва Наслѣдникомъ и попомъ будущимъ Россійскимъ Великимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ съ великимъ Государемъ Владиславомъ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Липовскимъ и Его Королевскаго Величеспва съ наслѣдники и попомъ хопящими бызпи Великими Государи Короли Польскими

и Великими Князи Литовскими, также и Великому Государю Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Литовскому и Его Королевскаго Величества наслѣдникомъ и потомъ будущимъ Великимъ Государемъ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ съ Великимъ Государемъ нашимъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ всеа Русіи Самодержцемъ и Его Царскаго Величества съ дѣтьми и со внучаты и по нихъ съ наслѣдниками ихъ въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ соединеніи, также и Государствамъ ихъ быть на обѣ стороны въ дружбѣ и въ любви и въ тишинѣ и въ покоѣ и лиха и недружбы на обѣ стороны не чинити ни которыми дѣлы, и Царскаго Величества въ городы и въ земли не вступатися и причитанія къ Московскому Государству ничѣмъ не имѣти и Царемъ и титломъ Московскимъ не пи-

сатися и не именоватися и ни въ какихъ мѣрахъ къ Московскому Государству причитанія не имѣти и прежняго договору Гетмана-Каруннаго Станислава Желковскаго не починати и титлами Московскими, которые имѣетъ великое Російское Государство въ своемъ Государствѣ и въ чужихъ Государствахъ, не именоватися ни которыми дѣлы и тѣхъ мимошедшихъ дѣлъ не всчинати и письмо и укрѣпленіе, которое у Государя ихъ Владислава Короля за руками Московскаго Государства бояръ и всякихъ чиновъ людей, отдати и прислати къ Царскому Величеству и быти тому письму у нихъ нечево для, писатися на великомъ Московскомъ Государствѣ и на всѣхъ Государствахъ Россійскаго Царствія Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Русіи Самодержцу съ полнымъ Его Царскимъ именованіемъ и Самодержцемъ

по Государскому достоинству, что Ему Государю дано отъ всемогущаго Бога и отъ прародителей его Великихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ, а великому Государю Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Литовскому Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества въ титлахъ его, въ грамотахъ своихъ и во всякихъ письмахъ описывати по Его Царскому достоинству, како онъ Государь самъ себя описуетъ, какъ въ сей докончальной грамотѣ выше сего описано, отъ нынѣ и до вѣка и впредь не подвижно безо всякаго премѣненія, а для того добраго дѣла титла именованія Царскаго и для покою Христіанскаго мы Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи Самодержца Его Царскаго Величества бояра и всего Великаго Російскаго Государства Великіе Послы съ повелѣнія Царскаго Величест-

ва и съ совѣту Его Царскаго Величества бояръ и всего великаго Російскаго Государства всякихъ чиновъ людей поступались есмя Великому Государю Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Литовскому на вѣчное докончаніе отъ Великаго Московскаго Государства городовъ, тѣхъ, которые на прежнемъ перемиріи во 127 году отъ Московскаго Государства къ Карунѣ Польской и Великому Княжеству Литовскому для покою Христіанскаго были поступлены, а въ нынѣшнюю войну Царскаго Величества объ людяхъ, которые поиманы къ Московскому Государству, а иные и не поиманы города Смоленска съ уѣздомъ и съ волостьми, города Бѣлые съ уѣздомъ и съ волостьми, города Дорогобужа съ уѣздомъ и съ волостьми, города Рославля съ волостьми, городища монастыревска и моровска тожъ съ волостьми, города Чернигова съ воло-

стьми, города Стародуба съ волостьми, города Поповы горы съ волостьми, города Новагородска-сиверскаго съ волостьми, города Почепа съ волостьми, города Трубчака съ волостьми, города Невла съ волостьми, города Себежа съ уѣздомъ и съ волостьми, города Краснаго съ волостьми, да волости Велижскія и съ тѣмъ, что къ той волости изстари потягло, и тѣ городы со всѣми уѣзды ихъ и волостьми какъ къ нимъ было изстари и которые городы нынѣ взяты были къ Московскому Государству и сидѣли въ нихъ Царскаго Величества Воеводы и ратные люди, и тѣ всѣ городы, которые выше сего поимянованы, намъ Царскаго Величества великимъ Посломъ отдати Государю ихъ Королю Владиславу Его Королевскаго Величества и къ корунѣ Польской и къ Великому Княжеству Литовскому, опричь города Серпѣй-

ска съ уѣздомъ и съ волостьми, и опричь тѣхъ людей, которые на Государя нашего имя изъ Польши и изъ Литвы пріѣзжали и которые въ тѣхъ городѣхъ здавалися; отдати тѣ городы съ нарядомъ и со всякими пушечными запасы съ тѣмъ, которой нарядъ и пушечные запасы были въ нихъ напередъ сего, съ чемъ тѣ городы взяты были въ Царскаго Величества сторону, а которые городы до взетья позжены и нарядъ обгорѣлъ и тотъ нарядъ таковъ и отдати каковъ взятъ, а которой будетъ нарядъ въ тѣхъ городахъ взятъ, а послѣ взетья вывезенъ въ иные городы, и въ то мѣсто отдать иной нарядъ таковже, каковъ взятъ, а которые люди въ воинское время пріѣхали къ Царскому Величеству и тѣмъ всѣмъ людямъ также и гостемъ и торговымъ людемъ во всѣхъ городѣхъ, которые прибыли послѣ

взетья, дати воля кто въ которую сторону похочетъ, а Архимандритовъ и Игуменовъ и весь Духовный чинъ, поповъ и дьяковъ и весь причетъ, которые прибыли послѣ взетья, и Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества воеводъ и приказныхъ людей и дворянъ и дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ и казаковъ и пушкарей и затинщиковъ и всякихъ служилыхъ людей, также которые прибыли послѣ взятья, изъ тѣхъ изо всѣхъ городовъ выпустить Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества Московскаго Государства въ городы, гдѣ кому ближе со всѣми ихъ животы, что у кого есть безо всякія зацѣпки и хитрости надъ ними никакіе и грабежу въ городѣхъ и въ дорогѣ никакого неучинити; и очистити и отдати тѣ городы въ нынѣшнемъ во 142 году. Ближніе городы—Дорогобужъ Бѣлую, Рославль отдати послѣ того

числа, какъ мы обои великіе Послы докончательные грамоты напишемъ и крестъ съ обѣ стороны поцѣлуемъ, двѣ недѣли спустя, Іюня въ 18 день а по Римскому въ 28 день, а достальные городы отдать послѣ того числа, какъ крестъ поцѣлуемъ, четыре недѣли спустя, Іюля во 2 день, а по Римскому Іюля въ 12 день, съ нарядомъ и со всѣми пушечными запасы съ тѣмъ, съ чемъ тѣ городы взяты и съ посацкими людьми и съ пашенными крестьяны, которые въ тѣхъ городѣхъ до взетья были, а изъ церкви образы и книги и колокола и всякое церковное строеніе и розрядныя дѣла и нарядъ и всякое разное ружье и пушечныя запасы, что прибавлено въ тѣ городы вновь, послѣ того взетья, всякую Государеву казну и хлѣбные всякіе запасы и то все отдать Великаго Государя нашего Царскаго Величества въ сторону, со всѣмъ въ цѣлѣ безъ всякія обманы, и въ чу-

жіе не вступатца; а которое церковное строеніе въ тѣхъ городахъ было до взетья, и того не вывозить, а быть тому въ тѣхъ городехъ по прежнему какъ было до взетья.

(Продолженіе впредь).

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ

Василия Александровича Нащокина *).

1716.

Я приѣхалъ въ Санктпетербургъ и былъ въ школѣ: въ Санктпетербургѣ весьма было малолюдно полковъ; кромѣ гарнизону ничего не было; а были всѣ съ Государемъ въ Нѣмецкихъ краяхъ.

*) Памятныя Записки должны считаться лучшими, вѣрнѣйшими матеріялами для современной Исторіи. Къ сожалѣнію мы весьма мало находимъ оныхъ касательно любопытныхъ Царствованій Императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветъ Петровны; а потому тѣмъ Записки Василья Александровича Нащокина драгоцѣннѣе для всякаго любителя отечественной старины, ибо онъ былъ не только свидѣтелемъ, но и участникомъ многихъ Дворскихъ и политическихъ произшествій тѣхъ временъ. *Изд.*

Въ началѣ онаго году Государь изволилъ быть въ Нѣмецкихъ краяхъ и во Франціи; тогожъ году въ Мартѣ мѣсяцѣ изъ Академіи выбраны Гардемарины изъ знатнаго шляхетства, въ томъ числѣ взятъ братъ мой Федоръ Александровичъ, и тогожъ Марта мѣсяца опредѣленъ въ Ревельскую Ескадру, а поѣхалъ въ Ревель съ Княземъ Михайломъ Бѣлосельскимъ и служилъ на морѣ компаніи на кораблѣ Перлѣ и были при Готландѣ и взяли на морѣ Шведскую шнаву.

Октября 21 числа Государь изволилъ съ Государынею изъ Франціи возвратиться въ Санктпетербургъ; а при первомъ Его Величества пріѣздѣ на яхтѣ изъ Кроншпата, какъ приближился рѣкою Невою, тогда изъ пушекъ пальба была изъ города и Адмиралтейской крѣпости, и по пріѣздѣ изволилъ, немѣшкавъ ни сколько во Дворцѣ, итти въ Адмиралтей-

ство, гдѣ довольно изволилъ по работамъ ходить, а за нимъ мастера корабельные, такожъ и Иванъ Михайловичь Головинъ, и я тогда имѣлъ счастіе видѣть своего Монарха въ первые, и хотя молодъ былъ, однако съ несказаннымъ порадованіемъ остался, увидя своего Государя, наслышась довольно о славныхъ и великихъ дѣлахъ его. Зело насъ много было тогда малолѣтныхъ дворянъ и какъ мы по дѣтцкости, неоднажды заходя, смотрѣли въ очи Его Величества, что Государь спросилъ о насъ Полковника Герасима Ивановича Кошелева, которой донесъ, что мы дворяне, пріѣхавшіе къ смотру, а другіе опредѣленные въ Академію. Изъ Адмиралтейства уже при самой ночи Его Величество изволилъ итти во Дворецъ и за нимъ поѣхалъ Иванъ Михайловичь Головинъ. Государь тогда былъ въ платье синемъ, покроя Шведскаго, и въ картузѣ; волосы

имѣлъ маленкіе и зачесаны маленькою косою гребенкою, и какъ сперва увидѣли дивились шой первой модѣ, что гребешокъ у Государя въ волосахъ

Декабря 13 числа. По прибытіи Государя изо Франціи публикованъ указъ, чтобъ золота и серебра не носить; что весьма было прекращено.

Тогожъ мѣсяца Лейбъ Гвардіи Семеновскаго полку Маіоръ Князь Волхонской разтрѣленъ близь Церкви Живоначальныя Троицы за преступленіе, которое было тогда указомъ обьявлено.

1718.

Въ Москвѣ изволилъ Государь быть и привезенъ былъ Царевичь Алексѣй Петровичь изъ Нѣмецкихъ краевъ, и тогда производились немалые розыски, а въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ за преступленія по сему дѣлу получили казнь Степанъ Глѣбовъ и Александръ Кикинъ. Сей послѣдній прежде былъ въ великой милости у Государя.

Изъ Академіи другой выборъ во флотъ въ Гардемарины, взятъ тогда братъ Иванъ Александровичь и того же году пошелъ въ другую компанію на морѣ.

Весною было погребеніе съ великимъ церемоніяломъ покойному первому Россійскому ГенералъФельдмаршалу, Апостола Андрея и Малтійскаго Орденовъ Кавалеру, Борису Петровичу Шереметьеву; тѣло его для погребенія изъ Москвы привезено и отъ двора его въ препровожденіи до Александроневскаго Монастыря Его Императорское Величество Всемилостивѣйшій Государь самъ трудится изволилъ идти пѣшъ, со всѣми Министрами; а передъ гробомъ шли два полка Лейбъ Гвардіи Преображенской и Семеновской, и при погребеніи все убрано было глубокимъ трауромъ и погребенъ во ономъ Монастырѣ. По отправленіи церковной процессіи окон-

чалось погребеніе троекратною пальбою изъ мѣлкаго ружья.

Въ томъ же Монастырѣ, по Высочайшему указу, погребенъ Генералъ Аншефъ и Кавалеръ Андреевскаго Ордена Адамъ Адамовичь Вендъ, и при гробахъ оныхъ персонъ выставлены портреты на знаменахъ.

Въ томъ же году Государь со флотомъ корабельнымъ и галернымъ изволилъ ходить во Швецію до Ламеланта, а оттуда возвратиться изволилъ со флотомъ корабельнымъ въ Ревель; а Генералъ Адмиралъ Графъ Апраксинъ на галерахъ ходилъ съ Гвардіею и съ другими полками далѣе во Швецію за Стокгольмъ до Никопина, а близь Стокгольма на сухомъ пути у Шведовъ баталія была съ нашимъ небольшимъ корпусомъ, которымъ съ Россійской стороны командовалъ Полковникъ за Бригадира, Князь Иванъ Федоровичь Борятинскій; гдѣ хотя съ нашей стороны съ

немалымъ урономъ находились, однако Шведовъ сбили; за которую баталію всѣ Штабъ и Оберъ Офицеры повышены чинами, а Ундеръ Офицеры и солдаты награждены жалованьемъ, а онъ Господинъ Князь Борятинской пожалованъ Бригадиромъ; въ тожъ время Генералъ Порутчикъ Лассій съ корпусомъ ходилъ галерами за Стекольной, гдѣ многіе мѣстечки взялъ, деревнижъ раззоря пожгли, и возвратили Адмирала въ Ревель, а Лассія въ Абовъ.

1720.

Англійскій флотъ, которымъ командовалъ Адмиралъ Норисъ, приходилъ къ Наргину острову, что отъ Ревеля недалеко, и къ самому Ревелю и бывъ нѣсколько на рейдѣ, имѣлъ съ Россійскимъ Генераломъ Адмираломъ и кавалеромъ Графомъ Апраксинымъ переписку и возвратился въ Англію безъ всякаго дѣйства. Тогдажъ Кавалерія Россійская великое движеніе

имѣла и шла со всякимъ поспѣшеніемъ къ Ригѣ отъ Смоленска, а осенью паки въ Малороссію и въ другія мѣста возвратилась по квартирамъ.

Іюля 27. Генералъ Аншефъ и Ордена Святаго Андрея Кавалеръ Князь Михайла Михайловичъ Голицынъ имѣлъ морскую баталію въ Финляндіи при Гренграмѣ: съ нѣсколькими галеры атаковалъ Шведскій корабль, на которомъ былъ Шаубенахтъ, и 14 фрегатовъ, изъ коихъ взялъ сильною атакою 4 фрегата, а корабль ушелъ, получа многіе раны; съ которою вѣдомостью къ Государю въ Санктпетербургъ отправленъ былъ Генералсъ Адьютантъ Князя Голицина Никита Михайловъ сынъ Шиповъ, и оной за привозъ той щастливой вѣдомости пожалованъ Полковникомъ и возвращенъ въ Финляндію; а бывшій при той баталіи Генералитетъ особливыя милости отъ Государя получилъ:—Штабъ Офицерамъ на цѣпяхъ

золотыхъ жалованы медали золотыя, которыя на шеѣ носили; а Оберъ Офицерамъ золотыяже медали на голубой неширокой лентѣ, которыя прикалывали къ кафтаннымъ петлямъ, Унтеръ Офицерамъ и солдатамъ серебреные портреты на бантѣ голубой ленты, приколотые къ кафтанной же петлѣ, нашивали, съ надписью на тѣхъ медаляхъ о той баталіи.

Оные взятые въ полонъ 4 фрегата отъ Князя Михайла Михайловича Голицына отправлены, за Россійскимъ конвоемъ, со всѣми взятыми на нихъ служителями, въ Санктпетербургъ и приведены въ Августѣ мѣсяцѣ къ самой пристани на Петербургскую сторону противъ церкви Живоначальныя Троицы и Сената, съ которыхъ фрегатовъ, по обычаю военному, Шведскіе флаги спущены въ низъ, что значило военное плѣнничество. Противъ Сенату сдѣлана была великая пира-

мида, на которой изображено было надписью взятіе на морѣ галерами 4 фрегатовъ, точное дѣйствіе всей оной атаки и какъ нашелъ фрегатъ на галеру съ Троицкимъ пѣхотнымъ полкомъ и потопилъ ея; только люди съ оной всѣ спаслись, и большой азартъ принявъ отъ потопленія, полезли на Шведской фрегатъ, а другіе на близъ идущія галеры свои спаслись. При проводѣ оныхъ фрегатовъ къ пристани поставлены были на оной, по обѣ стороны дороги, два Лейбъ Гвардіи полка: Преображенской и Семеновской къ Церкви Троицкой, и съ фрегатовъ плѣнные сведены были на пристань. И по учрежденіи самимъ Его Императорскимъ Величествомъ какъ итти за плѣнными конвою. оной полонъ веденъ въ Санктпетербургскую крѣпость:—впереди взводъ шелъ Преображенской, за нимъ часть плѣнныхъ, а позади взводъ Семеновской, и такимъ порядкомъ нѣсколько взводовъ

одинъ за другимъ, а между ими плѣнные въ самую крѣпость маршировали и по приводѣ, для содержанія оныхъ плѣнныхъ принялъ въ гарнизонъ той крѣпости Комендантъ Яковъ Кирсантьевъ сынъ Бухвостовъ. Когда оныхъ плѣнныхъ вели, и какъ выше явствуетъ, самъ Государь будучи въ мундирѣ Гвардіи учреждалъ конвой какъ итти съ плѣнными до крѣпости; то Лейбъ Гвардіи Семеновскаго полку Капитанъ старшій Петръ Ивановичь Вельяминовъ въ то учрежденіе своимъ умничаніемъ вмѣшался, и Государь при всей той оказіи изволилъ наказывать его тростью. Тогоже дня въ вечеру въ Сенатѣ былъ балъ, а салдатамъ близь той пирамиды, гдѣ военное дѣйствіе написано, выставленъ погребъ, дабы о томъ счастливомъ взятіи всѣ подданные веселились!

Того же году Князь Папа Петръ Ивановъ сынъ Бушурлинъ женился; свадьба его была прекуріозная: всѣ были

въ маскерадскомъ платье; Государь былъ въ черномъ бархатномъ матросскомъ камзолѣ и Голланской шляпѣ и шедъ съ барабаномъ, изволилъ бить бой; въ такомъ же точно уборѣ и съ барабаномъ шелъ Свѣтлѣйшій Князь Менщиковъ. Въ скороходы выбраны были самые толстые люди: Петръ Павловичь Шафировъ, Иванъ Федоровичь Бутурлинъ и Иванъ Степанычь Собакинъ, Офицеръ Семеновскаго полку. И прочее все убранство было весьма странное: шлюпки, коими буксированъ былъ плотъ, сдѣланный изъ бочекъ, обвиты были хвощомъ, на немъ ѣхалъ Князь Папа; а подклетъ молодыхъ устроена была въ пирамидѣ, сдѣланной на площади для вышесказаннаго торжества счастливаго взятья 4 фрегатовъ. Вышедъ на берегъ ѣздили поѣздомъ цуками на медвѣдяхъ, на собакахъ и свиньяхъ, и ѣздили по большимъ улицамъ, чтобы могъ весь народъ видѣть и весе-

литься, смотря на куріозные уборы и на звѣрей и скотъ, обученыхъ такъ, что весьма послушно въ запряжкѣ ходили.

1721.

По имянному Его Императорскаго Величества указу, въ Санктпетербургѣ противъ Адмиралтейства растертъ былъ на рѣкѣ Невѣ ледъ и спущенъ корабль, которому дано званіе Фриде - Макеръ; во ономъ же году Государь пожаловалъ изъ гардемариновъ россійскаго дворянства во флотъ 60 человѣкъ въ Подпоручики; въ томъ числѣ и брата моего Федора Александровича.

Тогожъ году весною Государь съ Государынею пошелъ въ Прагу, и тамо весну изволилъ продолжатся, и обучались при Его Величествѣ полки Армейскимъ экзерциціямъ на пескахъ; командовалъ Господинъ Генералъ Аншефъ Рѣпнинъ; а оттуда изволилъ возвратиться въ Ревель, а изъ Реве-

ля Государь пошелъ моремъ въ Кронштатъ и Государыня сухимъ путемъ въ Санктпетербургъ.

Въ Нейштатѣ, неподалеку отъ Абова, будучи на конгресѣ Россійскіе полномочные Министры Яковъ Вилимовичъ Брюсъ и Андрей Ивановичъ Остерманъ, заключили миръ съ Шведскими Министрами между Россійкою и Шведскою Коронами и со оною вѣдомостію присланъ былъ отъ Министровъ Лейбъ гвардіи Преображенскаго полку Капралъ Иванъ Обрѣсковъ, которою вѣдомостью нашъ Всемилостивѣйшій Монархъ зело обрадованъ былъ и о томъ публиковано было въ Санктпетербургѣ, ѣздя по всемъ улицамъ, давая знакъ на трубахъ; а помянутой Обрѣсковъ изъ Капраловъ во оной Преображенской полкъ за тою вѣдомость въ Прапорщики пожалованъ и посланъ со объявленіемъ того вѣчнаго мира въ Сибирскую Губернію; которой тамо получилъ, въ бытносиъ Губернато-

ра Князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, денегъ тысячь до семи, да золотую шпагу, у которой какъ ефесъ такъ и клинокъ было все золотые. Тогдажъ велѣно Господину Генералу Аншефу и кавалеру Князю Голицину со всѣмъ корпусомъ изъ завоеванныхъ городовъ изо всего Княжества Финляндскаго выступить и прибыть въ Санктпетербургъ, которой галернымъ флотомъ и пришелъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, и на Нѣвѣ рѣкѣ оной корпусъ построился на галерахъ въ три колонны, и по благодареніи Бога, въ церкви Живоначальныя Троицы, учинено было въ Сенатѣ того миру торжество Октября 22 числа. Сдѣланъ былъ великій фейерверкъ, на которомъ сдѣланы были растворенные вороты, а какъ зажженъ былъ фейерверкъ: то два Царя съ обѣихъ сторонъ затворили ворота, то есть въ знакъ заключенія мира; за щастливой миръ сей въ то торжество ве-

ликая была перемѣна чиновъ: многіе жалованы деревнями и винынымъ свобожденіемъ; о всемъ же томъ произхожденіи любопытный можетъ видѣть изъ выданной тогда печатной реляціи, и какое при ономъ торжествѣ Государю отъ Сенаторовъ принесено благодареніе и что просили всемъ Сенатомъ, чтобъ Государь изволилъ воспріять Императорской титулъ, которой Онъ тогожъ времяни Всемилостивѣйше и принялъ, какія же по поздравленіи нашъ Всемилостивѣйшій Монархъ говорилъ рѣчи къ Сенаторамъ сіи ниже объявляются:

1. Зело желаю, чтобъ весь народъ нашъ прямо узналъ, что Господь Богъ прошедшею войною и заключеніемъ сего мира намъ сдѣлалъ.

2. Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить, однакожъ надѣясь на миръ ненадлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ стало какъ съ Монархіею Греческою?

3. Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, которой Богъ намъ предъ очьми кладетъ, какъ внутрѣ такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ.

Для объявленія того мира, во всѣ Губерніи посланы заслуженные въ тою войну гвардіи и морскіе офицеры, которые за то важное награжденіе подарками въ губерніяхъ, при объявленіи миру, получили.

Вышедшіе изъ Финляндіи полки тоюжъ осенью по винтерквартирамъ размѣщены. Въ тоже самое время въ Санктпетербургѣ зело великая вода была, которую я засвидѣтельствую, что по Морской и Переведенской и другимъ улицамъ ѣздили въ шлюбкахъ и лодкахъ перваго дня, а приходу оной было водѣ по три дня, только послѣдніе два дня гораздо мельче приходило, и какъ начнетъ приходить тогда бьютъ въ колокола и въ барабаны тревогу, чтобъ люди убира-

лись; однако тогда скота великое множество потонуло и не малой убытокъ отъ раззоренія водянаго причинился. А еще въ то время въ самую глубокую осень гвардія пошла въ Москву и Государь со всею высокою фамиліею въ Декабрѣ тудажъ изволилъ идти, и собравши подъ Москвою въ Тресвяцкомъ два полка гвардіи, вступилъ въ Москву въ великомъ тріумфѣ о мирѣ съ Шведскою короною. Самъ Государь изволилъ идти предъ Преображенскимъ полкомъ въ полковничьемъ мѣстѣ, ружье несли въ знакъ окончанія войны, съ поля, шли Тверскою улицею въ Кремль; съ такимъ весьма благополучіемъ оной счастливой въ мирѣ 1721 годъ, съ великою государству славою и пользою окончался, за что Россія вся должна благодарить Бога и своего Монарха, что все то изліяніе милостію Всевышняго Творца и неусыпными трудами въ той долголѣтной войнѣ,

окончалось въ пользу Россіи и славу Всемилостивѣйшаго нашего Императора Петра Перваго, отца отечества.

1722.

Сначала сего году Его Императорское Величество изволилъ быть со всею высокою фамиліею въ Москвѣ и еще о мирѣ Шведскомъ учинено въ Москвѣ торжество: фейерверкъ былъ сдѣланъ за Москвою рѣкою на лугу, что слыветъ Царицынъ лугъ, и въ началѣ Генваря и Февраля ѣздили по Москвѣ маскерадомъ, какова никогда не бывало, на сдѣланномъ кораблѣ, которой воженъ былъ по большимъ улицамъ и для онаго Тверскіе ворота проломаны были, а у Воскресенскихъ воротъ въ низъ глубоко прорыто было, чтобъ воротъ для старинной работы не портить, а въ оныхъ кораблю со всею оснасткою свободно пройтить было, на которомъ сидѣли люди въ маскерадѣ; былижъ и другіе суда устроены и за кораб-

лемъ ѣздили, и тако многому тогда веселію и весьма граждано мъ куріозному дѣлу, что не малой корабль со всею оснасткою и пушками зело устроенъ былъ изрядно и легко былъ воженъ, что великое всѣмъ удивленіе и приохочиваніе къ смотрѣнію было. Когда насталъ великой постъ Его Величество трудиться изволилъ: разбиралъ все отставное дворянство, годныхъ опредѣлялъ къ дѣламъ, а другимъ за старостію вольные пашпорты даваны для житья въ домахъ, со увольненіемъ отъ всѣхъ дѣлъ; недорослей тогдажъ по силѣ указа не малое число явилось и определены были въ разные службы. Въ оной же великой постъ велѣно отъ нѣкоторыхъ армейскихъ полковъ итти по баталіону въ города, кои по Волгѣ рѣки: въ Тверь, Ярославль, а въ Нижнемъ Новѣгородѣ главное рандеву было, и приготовили въ вышеозначенныхъ мѣстахъ суда. Послѣ

праздника Святые Пасхи, Его Величество, оставивъ въ Москвѣ Ихъ Высочества Государынь Цесаревенъ Анну Петровну и Елизавету Петровну, Великую Княжну Наталію Алексѣевну, Государя Великаго Князя Петра Алексѣевича, Царевенъ Екатерину Іоанновну и Прасковью Іоанновну; а Герцогиню Курляндскую Анну Іоанновну проводивъ въ ея резиденцію въ Курляндію, съ Государынею изволилъ изъ Москвы итти съ батальонами Гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, да съ полками Ингерманландскимъ и Астраханскимъ, которые всегда были при Гвардіи; (а оные при Гвардіи полки укомплектованы были изъ вольницы холопей боярскихъ лучшими людьми). и сѣвъ на Москвѣ рѣкѣ въ учрежденныя суда, поплыть до Нижняго, и оттуда Его Величество изволилъ вступить въ походъ для военныхъ дѣйствъ всѣмъ собраніемъ за Астра-

ханъ въ Персидскія границы для разспространенія земли взятьемъ городовъ Персидскихъ и приращенія Россійскаго Государства, и о томъ походѣ извѣстно все изъ военныхъ журналовъ, а я едино для памяти своей записываю, что могъ видѣть и свѣдать; ибо я въ томъ походѣ самъ не былъ, а только при отправленіи онаго находился въ дѣйствіи.

По отсутствіи Его Императорскаго Величества изъ Москвы, при высокой Его Величества фамиліи остался Свѣтлѣйшій Князь Меншиковъ. Въ то время я отъ Генерала и Кавалера Барона Фон-Алларта отправленъ былъ въ Нарву въ полкъ Бѣлогородской, при которомъ служилъ, а въ Маѣ мѣсяцѣ послѣднихъ числахъ отъ Генерала Порутчика Бона отпущенъ въ домъ свой на 6 мѣсяцовъ. На дорогѣ встрѣтилъ я Государынь Цесаревенъ и всю Его Величества фамилію, ѣдущихъ въ Санктпетербургъ и

при нихъ его Свѣтлость Князь Меншиковъ, въ селѣ Городнѣ, отъ Твери въ 30 верстахъ; а Сенатъ въ Москвѣ остался, и такъ оное лѣто, какъ довольно извѣстно было, зело въ трудномъ воинскомъ походѣ препровождено и взятъ старинный городъ Персидской Дербентъ Его Величествомъ и тамо впредь для военныхъ дѣйствъ оставленъ Генералитетъ съ арміею.

Тогожъ году Государь съ тѣми полками, съ которыми изволилъ съ Москвы итти, возвратился изъ Персидскаго походу въ Астрахань; изъ Астрахани изволилъ итти въ Мосвву и въ Декабрѣ въ послѣднихъ числахъ Его Величество, не въѣзжая въ Москву изволилъ пребывать, пока всѣ зберутся изъ походу,. въ подмосковной *Строгонова*, что слыветъ *Мѣльница*, послѣ чего вступилъ въ Москву изъ онаго Персидскаго походу тріумфомъ: Лейбъ Гвардія ѣхала верьха-

ми и везли публично города Дербента ключи отъ воропъ.

1723.

Изволилъ Государь быть въ Москвѣ и нѣкоторое веселье въ маскерадахъ по торжествѣ, о благополучномъ возвращеніи происходило, а въ Февралѣ мѣсяцѣ Его Величество изволилъ итти чрезъ городъ Ярославль на Олонецъ къ Марціальнымъ водамъ для пользованія своего дражайшаго здоровья, и пробывъ тамо, въ Санктпетербургъ прибылъ послѣднимъ зимнимъ путемъ. Тожъ весны весь корабельный флотъ былъ вооруженъ и чинена была военная экзерциція у Красной горки всемъ флотомъ, что такой славной екзерциціи цѣлымъ флотомъ, гдѣ было 23 корабля линейныхъ, кромѣ фрегатовъ, никогда прежде не бывало, а съ онымъ флотомъ изволилъ итти въ Ревель, и будучи въ Ревелѣ случилось мнѣ видѣть, что Государь изволилъ быть

у Ревельскаго мѣщанина на свадьбѣ и по окончаніи свадьбы былъ чрезвычайной дождь; Его Величество, вышедъ въ самой большой дождь, селъ верхомъ, надѣвъ синій плащъ, распустя шляпу и поѣхалъ; а за нимъ Господа нѣкоторые намѣрены были сѣсть въ коляски, но видя своего Монарха верхомъ, не взирая на дождь, поѣхали также верхами и безъ епанечъ; Государь, смотря на нихъ изволилъ смѣяться и говорилъ, что отъ дождя не развалятся. Его Величество изволилъ ѣхать на гавань и во флотъ, а на другой день весь флотъ въ море пошелъ и Его Императорское Величество во флотѣ изволилъ присутствовать и ходили для гулянья къ острову Догерорту; я тогда случился въ Ревелѣ быть, былъ присланъ изъ Нарвы съ денежною казною, которая отправилась въ Стокгольмъ по мирному трактату съ Шведскою Короною изъ двухъ милліонной суммы.

Тогожъ лѣта какъ Его Императорское Величество возвратиться изволилъ въ Ревель со флютомъ и пошелъ сухимъ путемъ въ Нарву и къ прибытію Его Императорскаго Величества изготовлена для караула Бѣлогородскаго пѣхотнаго полку рота съ знаменемъ, Капитанъ Алексѣй Ивановъ сынъ Мещериновъ съ надлежащимъ числомъ Офицеровъ, а я, возвратясь изъ Ревеля, былъ притомъ караулѣ Сержантомъ. Его Величество прибывъ въ Нарву, изволилъ кушать у Коменданта Михайла Андреевича Сухатина и тогожъ дня Его Величество изволилъ отправится въ Петербургъ; потомъ ѣхалъ Князь Меньщиковъ и тому рота съ знаменемъ была командирована; оной, ночевавъ поѣхалъ далѣе; а Великій Канцлеръ и кавалеръ Графъ Гаврило Ивановичь Головкинъ только отужиналъ у Коменданта и паки отправился въ путь свой.

Въ томъ же году осенью Его Императорское Величество изволилъ прибыть въ Кронштатъ съ Государынею, и всѣ были Министры; указалъ заложить крѣпость и въ началѣ той работы самъ Его Величество лопатку взялъ и нѣсколько земли положилъ, потомъ всѣ знатные тожъ чинили и вся Гвардія употреблена была въ работѣ.

Его Императорское Величество изволилъ идти въ Москву и въ Маѣ мѣсяцѣ, по Высочайшему соизволенію, вселюбезную Супругу, нашу Всемилостивѣйшую Государыню Екатерину Алексѣевну изволилъ короновать, при которой коронаціи выбраны были изъ Армейскихъ полковъ Оберъ Офицеры и лучшіе люди числомъ 60 человѣкъ, которые были верхами въ богатомъ мундирѣ, въ бѣлыхъ порукахъ и съ ружьемъ. Корпусъ сей нарѣченъ былъ Кавалергардскимъ, а послѣ коронаціи опять распущенъ въ свои полки; многіе знатные при торжествѣ корона-

ціи пожалованы чинами: Князь Никита Ивановичь Репнинъ Генераломъ Фельдмаршаломъ и кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго, въ Военную Коллегію опредѣленъ Президентомъ; Павлу Ивановичу Ягушинскому пожалованъ орденъ Святаго Андрея, нѣкоторые награждены деревнями.

Изъ Москвы Государь изволилъ итти чрезъ городъ Ярославль на Олонецъ къ Марціальнымъ водамъ для пользованья отъ болѣзни: ибо тогда Его Императорское Величество, какъ мнѣ довольно Его Величество случалось видѣть въ Москвѣ, весьма отъ болѣзни слабъ былъ, и бывъ у водъ тогожъ лѣта въ Августѣ изволилъ прибыть въ Санктпетербургъ и тогожъ Августа 30 числа мощи святаго Александра Невскаго во имя его построенной Монастырь въ Санктпетербургѣ, на берегу рѣки Невы, перенесли, которые отъ Шлиссельбурга въ Петербургъ везены водою

и какъ пришли, тогда подняли мощи Лейбъ-Гвардіи старшіе Капитаны; несли до мѣста и для встрѣчи оной великое собраніе было, и тако совершалось перенесеніе мощей изъ города Владиміра въ Санктпетербургъ.

(Продолженіе впредь).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

НОВЫЙ ПОЭТЪ-КРЕСТЬЯНИНЪ
Егоръ Алипановъ.

Между тѣмъ, какъ стихотворенія нашего добраго и почтеннаго Слѣпушкина пріобрѣли себѣ Европейскую извѣстность, и переводятся въ Англіи, во Франціи и Германіи, имя его сдѣлалось любезно для Русскихъ поселянъ, которые гордятся его дарованіемъ; во многихъ селахъ знаютъ наизусть его стихи, и книга Слѣпушкина переходитъ, какъ драгоцѣнность, изъ рукъ въ руки. Каждый желаетъ насмотрѣться на портретъ его, чтобы сохранить въ памяти своей черты человѣка, дѣлающаго честь своему званію —

своими дарованіями и примѣрною доброю жизнію. Послѣ сего не удивительно, что сочиненія его возбуждают въ простолюдинахъ соревнованіе и любовь къ просвѣщенію. Этаго еще мало. Сіи стихотворенія исполненныя добродушіемъ Поэта, и уроками въ преданности къ Богу, Царю и Отечеству разсѣвають въ сердцахъ благотворныя семена добрыхъ нравовъ, питают прекрасныя чувства любви семейной, чистой Вѣры, почтенія къ старости, сострадания къ ближнимъ, усердія къ Отечеству и къ Государю *).

Изъ щастливыхъ послѣдователей Слѣпушкину извѣстенъ крестьянинъ *Суханов*. Нынѣ является еще новое дарованіе. Одинъ крестьянинъ И. А Мальцова —

*) Слѣпушкинъ недавно окончилъ описательную Поэму: *Четыре времяни года*, исполненную превосходныхъ красотъ піитическихъ, и представляющую блистательное усовершенствованіе его дарованія. Поэма сія, которой двѣ Пѣсни читаны на Литтературныхъ вечерахъ Его Высокопревосход. *А. С. Шишкова*, нынѣ печатается.

Егоръ Алипановъ, читая сочиненія Слѣпушкина, вдругъ почувствовалъ въ себѣ призваніе къ Поэзіи и не получивъ никакого образованія, кромѣ того, что съ дѣтства любилъ читать духовныя книги, — сталъ писать стихи въ минуты досуга, руководствуясь Словаремъ Г-на Остолопова. Первымъ сочиненіемъ его было посланіе къ Слѣпушкину — съ которымъ онъ не былъ знакомъ, но послалъ стихи свои черезъ почту въ Рыбацкую — къ нашему Поэту.

Вскорѣ послѣ сего, благодарность внушила Алипанову стихи въ честь благодѣтельнаго господина его, а побѣды соотечественниковъ возбудили въ немъ желаніе воспѣть переходъ Россійскаго Монарха черезъ Дунай и подвиги Русскихъ Героевъ.

Сообщая читателямъ Отеч. Зап. нѣкоторыя изъ стихотвореній *Алипанова*, дабы ознакомить съ первыми порывами его таланта еще незрѣлаго, еще неразвернувшагося, скажемъ нѣсколько словъ и о жизни его.

Егоръ Алипановъ нынѣ 28 лѣтъ отъ рода, сынъ мастероваго при Чугунномъ заводѣ Ивана Акимовича Мальцова, родился въ 1801 году въ семъ же заводѣ, Калужской губерніи въ Жиздренскомъ уѣздѣ.

Чтеніе духовныхъ книгъ возбудило въ немъ въ молодыхъ лѣтахъ желаніе къ уединенной жизни; онъ просилъ о дозволеніи идти въ монастырь, но добрый господинъ его, представя ему всѣ трудности избираемаго имъ званія, совѣтовалъ ему повременить и осмотрѣться. Алипановъ, который всегда руководствовался благоразуміемъ — принялъ съ покорностію сей совѣтъ — и убѣдясь, что во всякомъ званіи при усердіи и добрыхъ нравахъ — можно быть полезнымъ себѣ и другимъ, сталъ неутомимо трудиться по своей должности. Изъ положеннаго ему жалованья, 250 р., по прозьбѣ его, выдается его матери, сестрѣ и въ помощь обремененному семействомъ брату, себѣ же добрый сынъ и братъ оставляетъ не

болѣе ста рублей, необходимыхъ для его содержанія. Примѣрная скромность, умѣренность желаній, трезвость жизни, простота сердца, при умѣ и дарованіяхъ, отличаютъ Алипанова. Поступки его свидѣтельствуютъ доброту души, и въ разговорѣ его видна осмотрительность благоразумія. Онъ совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, радуется своему жребію, не желаетъ ничего излишняго и вся цѣль трудовъ его — есть усердіе къ пользамъ господина, и попеченіе объ матери, сестрѣ и объ семействѣ своего брата.

Алипановъ, каждый годъ ѣздитъ въ Петербургъ, на баркѣ, находясь при продажѣ заводскаго чугуна. Симъ лѣтомъ онъ также пріѣзжалъ въ Петербургъ — и за нѣсколько дней предъ симъ отправился въ *Зубцовъ*, гдѣ онъ обыкновенно проживаетъ, находясь при пріемѣ товара.

Удивительная, необыкновенная легкость его стихотвореній, и способность сочинять различными мѣрами, тѣмъ замѣчательнѣе, что не болѣе двухъ лѣтъ, какъ

онъ началъ писать стихи. Онъ написалъ также нѣсколько прекрасныхъ дѣтскихъ стихотвореній, которыя Издатель Новой Дѣтской Библіотеки помѣстилъ въ своемъ журналѣ.

Кстати сказать, что Алипановъ однажды имѣлъ счастіе спасти жизнь двухъ утопавшихъ малютокъ, бросясь за ними въ воду. Произшествіе сіе, счастливѣйшее для него въ жизни, описано имъ въ стихахъ; пріѣхавъ въ Петербургъ — Алипановъ прежде всего показалъ свои стихи своему знакомцу—Книгопропавцу В. В. Заикину, который съ похвальнымъ доброжелательствомъ обратилъ его съ ними къ одному Литтератору, принявшему въ немъ особенное участіе.

ВИДѢНІЕ

НА ПРИБЫТІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА ЗА ДУНАЙ ВЪ АРМІЮ.

Лишь уснулъ я ночью темной,
Вдругъ я слышу предо мной
Раздавался громко, стройной
Звукъ музыки боевой;
Русски воины ступили
За Дунай съ своимъ Царемъ
И знамена преклонили
Предъ вѣнчаннымъ ихъ Вождемъ;
Вдругъ разверзся сводъ небесной,
Вѣтеръ съ Сѣвера дышалъ,
Шевелился листъ древесной —
И Дунай струей сверкалъ.
Облаковъ не видно бурныхъ,
Разглашалось лишь ура!
Вотъ паритъ, съ небесъ лазурныхъ,
Тѣнь Великаго ПЕТРА;
Геній сей, какъ въ колесницѣ
Легкимъ облакомъ несомъ,
И держалъ въ своей десницѣ —
Вѣтвь сплетенную вѣнкомъ,

Тихо облакомъ спустился,
Сонму воиновъ предсталъ;
Русской славою гордился
На Праправнука взиралъ.
Рекъ: я посланъ Провидѣньемъ
НИКОЛАЮ возвѣстить,
Что напрасно съ дерзновеньемъ
Хочетъ Россовъ поразить
Музульманинъ величавый;
Не затмится вѣчною мглой
Блескъ Россійскія Державы;
Твой вѣнецъ — блеститъ Тобой!

Такъ Онъ рекъ; и надъ главами —
НИКОЛАЙ сквозь мглу узрѣлъ:
Молньеносными крылами
Озарилъ полки Орелъ!
Изъ за облакъ показался
Рогъ блѣднѣющей луны,
Надъ вселенной величался —
Гордымъ блескомъ, съ вышины!
А Орелъ нашъ быстроокой
Въ безднѣ воздуха парилъ,
И стрѣлой взлетѣвъ высоко —
Онъ крыломъ — луну затмилъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПІЭСЫ:

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОРКА.

Звучитъ балалайка,
Тамъ слышно гудитъ и двуструнной гудокъ.
Подайка, подайка,
Такъ дѣдушка крикнулъ: мнѣ звонкой рожокъ.
Вонъ пѣсни запѣли,
А дѣдъ заигралъ
На звонкой свирѣли;
Тереша играя, въ ладъ звука плясалъ.

Здѣсь радость, веселье;
Дѣвицы собравшися пѣсни поютъ,
На нихъ ожерелья,
Отъ солнца блистая лучь яркой лiютъ:
Платки злашоткапы
Вились ветеркомъ,
Блестятъ сарафаны
Кумачны, нарядным златымъ галуномъ.

Въ кафтанахъ зеленыхъ
Толпа подходила ребятъ молодыхъ,
Шутливыхъ, проворныхъ,
Краснѣли рубашки бумажны на нихъ,
И запонки блещутъ,
Какъ часть огонька,

Повязки трепещутъ
На шляпахъ, отъ тихаго вѣтру слегка.

Вотъ шляпы снимали
И дѣвушкамъ краснымъ отдали поклонъ,
Попарно плясали —
Съ Анютой Гаврюша, съ Парашей Миронъ;
Сошлись изъ селенья
На пляску глядѣть:
Вотъ всѣмъ въ удивленье —
Старушка, съ клюкою, туда же бредетъ.

Заря догарала
И сумрачный легъ ужъ на землю туманъ,
Роса упадала
На мирныя кровли веселыхъ крестьянъ.
Окончивъ гулянья
Пошли все домой;
Прощай до свиданья —
Забава! и я — вотъ иду на покой.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.

Военныя трубы намъ звукъ подаютъ,
Гремя барабаны—насъ къ битвѣ зовутъ.
Друзей и прекрасныхъ, сей часъ оставляемъ,
Къ сраженью стремимся и сердцемъ пылаемъ!

* * *

Намъ въ мысль представляетъ лишь топотъ коней,
Свистъ ядеръ летящихъ, звукъ ратныхъ мечей;
Нашъ духъ наполняетъ военная слава,
Бѣгите отъ насъ вы — нѣга, забава.

* * *

Намъ скучно, любезныя, васъ покидать!
Но милыхъ должны мы мечемъ защищать;
Неволею съ вами должны мы разстаться,
Злодѣи зовутъ насъ съ собою сражаться.

* * *

Мы рады бы жить въ любви, въ тишинѣ,
Но съ ними сражаться — должны мы въ огнѣ.
Отечества счастье они возмущаютъ;
Они жить въ покоѣ прекраснымъ мѣшаютъ.

* * *

Летимъ соколами злодѣевъ разить
И будемъ любезныхъ покой мы хранить;
Къ намъ, милыя, прежней любви некидайте,
Скорѣе конца войнѣ пожелайте!

* * *

Вотъ звукъ раздается, оружья гремятъ,
А наши сердца — всѣ геройствомъ кипятъ,
И мысли всѣ наши ко славѣ стремятся,
Простите, настало намъ время разстаться.

* * *

Разлуки съ любезной несноснѣе нѣтъ:
Труднѣе сраженья, труднѣе побѣдъ!
Сердца говорятъ: съ любезной останьтесь;
А слава твердитъ: съ врагами сражайтесь.

ЧУВСТВА КРЕСТЬЯНЪ — ДОБРОМУ ПОМѢЩИКУ.

Пріятно, други, намъ на полѣ
Пройтися въ праздникъ, погулять,
Плоды узрѣвъ въ счастливой долѣ
Мы можемъ радостно дышать.

Пріятно, весело трудиться,
Лѣтитъ за трудъ награда намъ;

О попечителѣ молиться
Всегда должны мы къ небесамъ.

Бывало вставши мы весною,
Влачились съ плугомъ по полямъ,
Всегда съ вечернею зарею
Брели; намаявшись къ домамъ.

Въ дни лѣтни зноемъ утомлялись,
И бремя тяжестей несли,
Зимой работой утруждались;
Но малый плодъ пріобрѣли.

Серпы и плуги притуплялись,
Волы устали отъ трудовъ,
Овечки гладомъ истощались,
Млеко скудѣло отъ коровъ.

Взошли на небо стоны наши,
Къ Престолу Вышняго Творца,
Отвелъ отъ насъ онъ горьки чаши
Заботой барина — отца.

Онъ благотворное вниманье
Склоня на трудъ нашъ, сострадалъ,
На нивахъ хлѣба засѣванье
Онъ намъ оставить приказалъ.

И мудрый далъ приказъ: съ денницей
Загоны сельскіе вс пахать
И плодоносной свекловицей
Велѣлъ намъ нивы засѣвать.

Устлали землю семенами,
Нашъ трудъ Господь благословилъ,
Земля покрылася ростками,
Ихъ дождикъ влажный оросилъ.

Теперь насъ трудъ неутомляетъ,
Стремимся съ радостью къ нему,
И плодъ пріятный созрѣваетъ —
Трудовъ, отечеству всему!

А барину благодаренье
Отъ устъ признательныхъ летитъ,
И Богъ за то въ вознагражденье
Весь родъ его благословитъ.

II.

ПЕРВЫЙ ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ

КОМЕДІИ

СВѢТСКІЙ БЫТЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе X.

ГРАФИНЯ ВЗДОРОВА (*звонитъ*).

Эй, Лиза, подавай скорѣе одѣваться;
Давно тамъ ждутъ меня, пора мнѣ собираться.

Явленіе XI.

ЛИЗА (*входя*).

Я видѣла, къ крыльцу подъѣхалъ Генералъ.

ГРАФИНЯ.

Бѣги, скажи скорѣй, Швейцаръ чтобъ отказалъ.

Явленіе XII.

ГРАФИНЯ И ГЕНЕРАЛЪ РАЗМЫСЛОВЪ.

РАЗМЫСЛОВЪ.

Простите, что вошелъ я прямо, безъ доклада.

ГРАФИНЯ.

А какъ бы иначе? напротивъ, очень рада,
Что вы обходитесь какъ старый другъ, родня.
Давноль здѣсь, Генералъ? Мы каждый день со дня
Васъ ждали съ Сонюшкой и не могли дождаться.

РАЗМЫСЛОВЪ.

Сей часъ — и къ вамъ; но здѣсь на силу могъ продраться
Я сквозь толпу людей (съ насмѣшкою): ужь не въ осадѣль домъ?
Ужь не поздравить ли съ Министромъ иль Посломъ?

ГРАФИНЯ.

Вы шутите . . . .

Явленіе XIII.

Тѣ же и Княгиня Вистина.

КНЯГИНЯ.

Bon jour! къ тебѣ я залетѣла
На полминуточки — узнать лишь я хотѣла:
Въ чемъ ты покажешся сегодня въ вечеру
У Раздуваловой? ты знаешь ко Двору
Всѣ ѣздятъ въ черномъ . . . .

ГРАФИНЯ (*въ сторону*).

Уфъ! какъ къ стати посѣщенье,
А злой старикъ меня привелъ было въ смущенье.

(Къ Княгинѣ).

Тѣмъ болѣ должно мнѣ — вся въ троурѣ семья:
Гофмейстерина мнѣ приходится своя;
И больше насъ никто сей смертью не теряетъ.

РАЗМЫСЛОВЪ.

Такъ Баронесса умираетъ?

КНЯГИНЯ.

Отчаянно больна и Дворъ страхъ огорченъ.
По истинѣ, никто здѣсь не былъ такъ почтенъ.

ГРАФИНЯ.

Ни кто и не былъ же почти лѣтъ сорокъ ровно
Тремъ царственнымъ главамъ столь постоянный другъ:
Ихъ волю исполнять такъ свято, безусловно,
Ни чѣмъ не огорчать — не мало тутъ заслугъ!

КНЯГИНЯ.

А какъ друзей своихъ, родныхъ она любила,
Всѣхъ вывела въ чины, всѣхъ такъ обогатила,
Къ мѣстамъ пристроила — вѣкъ станутъ поминать.

РАЗМЫСЛОВЪ.

Коль ваши похвалы въ прямомъ взять смыслѣ, строго,
Для друга Царскаго въ нихъ почести не много.
А лучшебъ вамъ сказать,
Что Баронесса тѣмъ достойна уваженья,

Что бѣдный, скорбный къ ней имѣлъ свободный
входъ,
Несчастный находилъ покровъ и огражденье.
Вотъ почему любилъ ее народъ,
И съ нею потерялъ защитницу у Трона.
Она была гонимымъ оборона,
Не рѣдко обнажавъ предъ Трономъ лесть и ложь.
Вотъ Царскихъ долгъ друзей, обязанность Вельможъ.

КНЯГИНЯ.

То правда сущая; при ней бы не имѣло
Хирагрина послѣдствій жалкихъ дѣло;
Теперь же то и жди, что брата отзовутъ
Изъ Рима отъ Посольства.
И нищто: эти господа берутъ
Ужъ на себя большія своевольства:
Въ вистъ къ Раздуваловой, подумайте, нейтить,
Самъ пятъ тузъ козырей, да двѣ фигуры масти!
О это ужасъ, стыдъ, измѣна — и простить,
Какъ ни добра она, не можетъ, не во власти!
И братъ ея, Министръ, припомнить обѣщалъ.

РАЗМЫСЛОВЪ (*съ усмѣшкою*).

По истинѣ, предлогъ не малъ,
Чтобъ отомщать обиду на поротвѣ.

КНЯГИНЯ.

А какъ бы иначе? Въ знакомствѣ
Возможно все простить, окромѣ картъ однихъ,

Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ изъ нихъ
Ссоръ болѣ, чѣмъ въ любви и дружбѣ,
Манкировать въ игрѣ безчестнѣй, чѣмъ по службѣ;
Да и вчерашняя дуель
Имѣла туже цѣль.

ГРАФИНЯ.

Пустое, быть не льзя, не можетъ это статься,
Чтобъ стали въ трехъ шагахъ изъ картъ однѣхъ стрѣляться.
Нѣтъ, чувства высшія: иль ревность или честь
Могли отчаянье такое произвесть.

КНЯГИНЯ.

Э! нынѣ молодежъ не селадонитъ болѣ.
И впрямъ! что есть святѣй, желалабъ знать — въ чьей волѣ
Долгъ карточный хоть днемъ замедлить уплатить?
Графъ и Графиня то намъ могутъ подтвердить.
Они и почтены за это уваженьемъ . . . .

РАЗМЫСЛОВЪ *(въ сторону).*

Да съ этой честностью ужъ скоро квитъ имѣньемъ.
Для картъ сто на сто здѣсь съ залогами даютъ,
Другіежъ должники — въ пустынѣ вопіютъ!

(Къ нимъ).

За чтобы ни дрались, а я бы далъ рѣшенье:
Такого храбреца отправить на смиренье
Въ домъ желтой — тамъ дрова пускай себѣ пилитъ.
О это, вѣрьте мнѣ, кровь славно прохладитъ!

А для кампаніи, я бъ посадилъ въ придачу
Душъ двадцать Геніевъ, что пишутъ наудачу,
Безъ цѣли, безъ ума, таинственно, смѣшно.
Въ нихъ мысли, какъ и кровь, съ излишествомъ играютъ.
Да Журналистовъ тѣхъ, которые ругаютъ
Все, что не ихъ друзей, не ими издано.
Тамъ школу бъ учредить, гдѣ протвердилибъ снова
Бойцы, что жизнь свою похвально отдавать
За вѣру, за Царя, не изъ пустаго слова;
Иначе должно ихъ убійцами считать.
Писаки страстные — узналибъ, что писанье
Не только прозою, но и въ стихахъ самихъ,
Безъ цѣли нравственной, хотя бы не дурныхъ —
Есть трата времени, есть грѣшное маранье.
А Журналистовъ — забіякъ
Тамъ уняли бы такъ,
Что всѣ бы убѣдились,
Что ссорами они безъ пользы лишь страмились.

КНЯГИНЯ.

Признаться, Генералъ, я не могу понять,
За чѣмъ угодно вамъ съ сурьезнымъ вздоръ равнять?
О картахъ дѣло шло, такъ кстати ль тутъ прибавить
О сплетняхъ авторскихъ? Нѣтъ! насъ прошу избавить
Отъ этихъ выходокъ......

ГРАФИНЯ.

Когда мы говоримъ
О жертвахъ, о любви, не странноль путъ другимъ
Мѣшаться мыслямъ, разсужденью.
А правду вамъ сказать: на языкѣ родномъ
И невозможно быть прекрасному творенью—
Гдѣ тонкость, нѣжность чувствъ.... Едва могу на немъ
Съ моею горничной свободно обьясниться.
Вотъ отъ чего нельзя и думать обойтиться
Безъ иностранцевъ здѣсь, и даже для прислугъ
Француза повара и кучера Саксонца,
А въ управители взять рада хоть Чухонца:
Имъ можно приказать, изъ нихъ одинъ за двухъ.

РАЗМЫСЛОВЪ.

Грѣхъ вамъ, сударыни, питать сіе пристрастье:
Страсть къ чужестранному — есть сущее несчастье!
Вреднѣе во сто разъ, чѣмъ можно полагать.
По вашей милости такъ туго подается
Словесность Русская, и я боюсь, придется
Для выгодъ собственныхъ по Русски забывать
Чтобъ въ свѣтѣ сдѣлать шагъ. — Замѣтьте, просвѣщенье
Въ Европѣ, кромѣ насъ, у всѣхъ
Чрезъ женщинъ лишь однѣхъ имѣло свой успѣхъ.
Улыбка красоты — поэту ободренье,
Награда лучшая, дороже всѣхъ утѣхъ.

И Академіи никакъ не въ состояньи
Медалями раскрыть, подвинуть дарованье;
Нѣтъ, можетъ сдѣлать то одинъ прекрасный полъ.

Графиня.

Я вижу, Генералъ, не такъ на женщинъ золъ,
Какъ полагали мы.

Размысловъ.

Размысловъ уважаетъ
Всѣхъ милыхъ, умныхъ дамъ. Не можетъ лишь простить
Онъ тѣмъ, которыя себя не знаютъ чтить.
Отечественный кто языкъ пренебрегаетъ,
Не уважать себя даетъ ужъ право самъ.

Княгиня.

Вы забавляетесь: самимъ извѣстно вамъ,
Что общій всѣхъ языкъ рѣшительно Французскій.
И вѣрно отъ того, что лучше прочихъ всѣхъ.

Размысловъ.

Неразувѣришь васъ, возбудишь только смѣхъ,
А повторю опять: языкъ прекрасный Русскій
По вашей милости въ Европѣ не въ чести.
Заговорите имъ—вамъ подражать такъ мило!
Тогда по руски бы здѣсь всё заговорило.

Графиня (*насмѣшливо*).

Желательно, чтобъ вы могли изобрѣсти
Возможность посѣщать хоть Русскіе спектакли?

Размысловъ.

За это попенять могу я также вамъ.
Кто покровителемъ теперь талантамъ тамъ?
Раекъ, а кресла всѣ безмолствуютъ—не такъ ли?
И развѣ хлопаетъ четырнадцатый классъ.
Артисты могутъ ли, теперь спрошу у васъ,
Постичь приличіе и свѣта утонченность.
Вѣдь похвалы райка питаютъ лишь надменность.

. . . .
. . . .

Иное было бы, когдабъ вы разсудили
Отечественный свой театръ взять подъ покровъ,
Тогда бы рускіе артисты удивили
И иностранныхъ знатоковъ.

Графиня.

Пожалуй скажите, что даже имъ не надо
И образцевъ . . . .

Явленіе XIV.

Тѣже и Княжна.

Княжна (*подбѣгая къ Размыслову*).

Ахъ! дядюшка, какъ рада,
Что вы пріѣхали; мы всѣ васъ заждались.

Размысловъ.

Спасибо мой дружокъ. Приближся, обнимись,
Вѣдь я по старому люблю и обхожуся.
Да какъ же выросла! Ну право, побожуся,
Что ужъ невѣста ты . . . .

Княгиня (*съ улыбкою*).

И женишокъ готовъ.

Графиня (*къ Размыслову*).

Мнѣ помнится, что васъ недавно извѣщали,
Что мы изъ Лондона Сократа нынче ждали,
И ѣдемъ всѣ къ нему на встрѣчу въ Петергофъ.

Размысловъ.

Я знаю, и пришелъ свиданьемъ насладиться,
Семейной радостью . . . .

Графиня.

Но надо торопиться.

(*Къ Княгинѣ*).

Повѣрь, что и съ тобой радъ встрѣтиться мой сынъ.

Княгиня.

Нельзя мнѣ, тороплюсь я къ Цыклерь въ магазинъ.

Явленіе XV.

Тѣ же и Лиза.

Лиза (*вбѣгая*).

Спѣшу съ пріѣздомъ васъ поздравить:
Графъ молодой . . . .

Графиня (*прерывая ее*).

Гдѣ онъ? зачѣмъ нейдетъ скорѣй?
Я въ нетерпѣніи . . . .

Лиза.

Онъ въ комнатѣ своей;
Пошелъ, какъ слышала, жабо свое оправить.

Графиня.

Не выдержу, не въ силахъ болѣ ждать,
И къ сердцу моему спѣшу его прижать. (*убѣгаетъ*)..

Размысловъ (*къ партеру*).

По чувствамъ, какъ велось — летѣть бы надлежало
Въ объятія родныхъ, а онъ — за туалетъ
Пустился напередъ. Добра тутъ право нѣтъ:
Заморскіе плоды начало показало.

Конецъ I дѣйствія.

ПЕРЕПИСКА.

ПИСЬМА ИЗЪ ОТДАЛЕННОЙ СИБИРИ.

Якутскъ, 24 Августа 1828.

1.

Не могу достойнымъ образомъ описать Вамъ, почтеннѣйшій другъ, путешествіе мое по Ленѣ. Оно было одно изъ самыхъ пріятнѣйшихъ, не смотря, что я пробылъ на рѣкѣ сей 30 сутокъ. Лена есть одна изъ прекраснѣйшихъ рѣкъ въ Россіи: берега ея — живыя картины. При каждомъ взглядѣ на оные ахаешь отъ удивленія. Она протекаетъ между величайшими горами, и при всей быстротѣ своей, нельзя замѣтить струйки. Это совершенное зеркало! Лена чрезъ каждые двѣ версты и менѣе, перемѣняетъ свое направленіе: то съ Востока на Сѣверъ, то на Югъ, а иногда и на Западъ; повороты ея столь круты, что плывъ по ней, не льзя въ-

рить, что это рѣка, а воображаеть ѣхать озерами, которыя тянутся на 2 тысячи верстъ. Далѣе русло ея становится прямѣе, прибавляясь въ ширину а предъ Якутскимъ до 7 верстъ.

Не доѣзжая до сего города, плаватель встрѣчаетъ другой, — обширнѣйшій въ мірѣ. Представьте себѣ рядъ великолѣпнѣйшихъ зданій, простирающихся въ одну линію болѣе нежели на 30 верстъ. Это не простые домы, но храмы, пантеоны, цирки, пирамиды, неприступные замки съ ихъ огромными, почти до облаковъ досягающими башнями; здѣсь находите подлинники церкви Василія Блаженнаго и воздушныхъ садовъ Семирамиды; и все это — твореніе Великаго Зодчаго! Я не только ничего не прибавилъ къ этой игрѣ природы, но едвали успѣлъ сдѣлать и самый плохой абрисъ. Мѣсто сіе называется *Синими столбами* или *утесами*. Здѣсь-то повторяется каждый разговоръ проѣзжающихъ такъ ясно и чисто, что каждое слово жужжитъ въ ушахъ. Голосъ

говорящихъ дѣлается совершенно другимъ, весьма звонкимъ и раскатывающимся по горамъ на нѣсколько верстъ.

Якутскъ не большой городокъ, но имѣетъ прекраснѣйшее мѣстоположеніе. Домы въ немъ, исключая одного каменнаго, всѣ деревянные; 5 каменныхъ и 2 деревянныхъ церкви, которыя при изрядномъ наружномъ видѣ, не уступятъ въ богатствѣ многимъ въ Россіи. Народъ вообще набоженъ, особенно Якуты.

Пробывъ здѣсь, могу сказать съ удовольствіемъ, двѣ недѣли, я приготовляюсь теперь къ отправленію въ Якутскіе улусы. Все бывшее на мнѣ Петербургское платье замѣнено здѣшнимъ, сшитымъ по Якутски или Тунгусски изъ оленей, песцовъ, волковъ и медвѣдей. Оно прилично климату и хорошо для пѣшаго и коннаго.

2.

Якутскъ 16 Октября 1828.

Письмо это я пишу къ Вамъ изъ *Кангаласкаго* улуса. Скоро мѣсяцъ, какъ я

веду жизнь подобно здѣшнимъ Тунгусамъ, т. е. съ каждымъ днемъ перемѣняю жилища, съ каждымъ днемъ вижу новыхъ людей и новыя мѣста, ознакомливаясь съ ихъ родомъ жизни и обычаями, съ здѣшнимъ климатомъ и съ здѣшними морозами. Послѣдніе пока снисходительны; только въ прошедшемъ мѣсяцѣ (Сентябрѣ) доходили до 25 гр., а въ нынѣшнемъ погода стоитъ прекрасная. — На скуку и на здоровье не жалуюсь: гдѣ есть дѣло, тамъ первая не имѣетъ мѣста, а послѣднимъ, благодаря и климату и вояжу, запасся порядочно.

Якуты вообще имѣютъ сердца простыя, добродушны и безмолвно повинуются властямъ. Они скотоводцы, обычаевъ совершенно временъ патріархальныхъ. Здѣсь я видѣлъ, кажется, Іакововъ и Авраамовъ. Какъ восхитительно встрѣчать столѣтнихъ старцевъ, окруженныхъ праправнучатами, сохранившихъ и тѣлесныя силы и силу памяти. Якуты вообще умны, понятливы, объясняются весь-

ма хорошо. Не знаю, были ли они когда въ невѣжествѣ, но теперь и слѣдовъ онаго не видно. Быть можетъ, оно исчезло при появленіи между ними Христіанской Вѣры. Какъ бы то ни было, развѣ только по роду жизни, можно назвать Якутовъ народомъ полудикимъ. Такія хорошія качества по справедливости заслуживаютъ особенное попеченіе объ нихъ Правительства. Про Якутовъ можно сказать, что они счастливы своею счастливою безпечностію.

3.

Борогонскій улусъ, (15 Ноября 1828 г.)

Мрачно Ноябрское небо;
Печаленъ природы Сибирскія видъ;
Ни взору, ни слуху отрады:
Душа унываетъ и сердце невольно грустить!
Бывало . . . .
Зовутъ насладиться картиной другой;
Теперь же густые туманы
Скрываютъ и холмы и дымомъ встаютъ
надъ рѣкой *).

*) Изъ Идиллій Панаева.

Вотъ вамъ изображеніе здѣшней природы. При 40 гр. мороза, такъ темно среди бѣлаго дня, что на разстояніи одной сажени, зрѣніе теряетъ свою силу, не можетъ отличать предметовъ и даже собственное дыханіе умножаетъ тучи тумана. Но какая за то радость, когда послѣ пяти или шести часовъ ѣзды въ такое время, увидишь юрту, гдѣ:

Дрова, запасены порою,
Пылаютъ въ горнышкѣ трескучимъ огнемъ *).

И все забыто! Съ терпѣніемъ и упованіемъ на Бога, всякій видъ природы имѣетъ свои удовольствія.

Здѣсь въ юртѣ Князька Сотпуцкаго, 90 лѣтняго старца, коммисія остановилась на 2 дни, въ ожиданіи *Борогонскихъ* Тунгусовъ, которыхъ посланныя отъ насъ искали по снѣгамъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Племена сіи бродятъ круглый годъ по неизвѣстнымъ имъ мѣстамъ. Слѣдъ звѣря манитъ ихъ далѣе и далѣе отъ живыхъ урочищъ: рѣкъ и рѣчекъ Хорошо, если

*) Отъ тудажъ.

искатель настигнетъ оленя ими сохатаго, иначѣ голодная смерть постигнетъ его со всѣмъ семействомъ. Порадуйтесь радушію этаго бродячаго племени: часто случается, что большіе и малые, не имѣя во рту сутокъ по 7 никакой пищи, охотно отдаютъ послѣдній кусокъ оленьяго мяса, всегда готовый у нихъ при первой встрѣчи для подобнаго имъ несчастливца. Вотъ чистая Евангельская добродѣтель! не они ли истинные христіане?

Нельзя не замѣтить и того безпредѣльнаго уваженія, коимъ Коммисія пользуется отъ здѣшнихъ народовъ. Кажется подобнаго нельзя встрѣтить и въ Исторіи Римскихъ Цесарей? Не знаютъ какъ угодить за одно ласковое слово.

(Продолж. впредь).

Отъ Г. Журавлева

Изъ Архангельска

О излѣчении ума лишенной, Г. Протопоповымъ.

10 Сентября 1829.

Всякое доброе дѣло, конечно, не останется безъ награжденія; оно сопровождается удовольствіемъ сердца — здѣсь, и ожидаетъ благословѣнія отъ Отца Небеснаго—тамъ, за послѣднею чертою сей жизни. Но добрыя дѣянія пріятно и полезно сообщать свѣту, дабы возбудить другихъ къ соревнованію, и привлечь къ довѣрію, ищущихъ помощи въ ближнемъ, къ тѣмъ лицамъ, коихъ сердца совершенно расположены къ человѣчеству.

Съ симъ намѣреніемъ рѣшился я написать къ Вамъ, Милостивый Государь, объ Инспекторѣ Арх. Врачебной Управы Г. Протопоповѣ, выпользовавшемъ отъ сумасшествія дѣвицу Савельеву.

6*

Дѣвица Савельева всегда отличала себя скромнымъ поведенiемъ, но была весьма задумчива и молчалива. Бывъ возмущена смертiю своего отца, Чиновника по морской службѣ, и, можетъ быть чувствованiемъ той ужасной бѣдности, въ которой видѣла себя остающеюся съ матерью и сестрою своею, впала она въ съумасшествiе. Въ противоположность первому ея поведенiю, она получила удивительную словесность, живость и свободу въ обращенiи, но не безъ благопристойности. Въ скоромъ времени послѣдовала смерть и ея матери. Съумасшествiе въ большей степени овладѣло несчастною. Необходимо было принять мѣры. Сестра ея не имѣла никакихъ способовъ къ наблюденiю за нею, тѣмъ менѣе къ пользованiю ея, нуждаясь въ пропитанiи собственно для самой себя. Умалишенная отвезена была къ добродѣтельному Чиновнику Розенберху, принявшему ее для пользованiя къ себѣ, но не надолго: Чиновникъ сей сдѣлался боленъ и вскорѣ

умеръ. Добрая сестра ея рѣшилась прибѣгнуть къ Г. Генералъ Губернатору. Здѣсь — въ милосердіи сего благодѣтельнаго начальника, несчастная обрѣла себѣ вѣрную надежду. Г. Генералъ Губернаторъ, коего сострадательное сердце изыскиваетъ нерѣдко сирыхъ, дабы подать имъ возможное пособіе, принялъ сію бѣдную въ особенное свое отеческое попеченіе, назначилъ ей постоянно отъ себя по 5 рублей въ мѣсяцъ, ходатайствовалъ о пенсіи, и помѣстивъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, поручилъ пользованіе оной дѣвицы умному и весьма свѣдущему по части врачеванія Инспектору Архангельской Врачебной Управы Г. Протопонову. Въ это время помѣшанная почти не походила на самою себя,—она совершенно исхудала, неузнавала людей, не говорила, даже не двигалася съ мѣста, развѣ по понужденію, и въ такомъ положеніи могла пробыть до невѣроятнаго времяни.—Г. Протопоповъ —какъ тонкій психогностъ, началъ пользовать больную,

посѣщая ее нѣсколько разъ на день; вызнавъ расположенie ея натуры, склонности, характеръ, всѣ встрѣчавшiеся прежде съ несчастною особенные случаи, скорби или удовольствiя, всѣ какiя либо примѣчательности въ ея жизни, и наблюдая влiянie каждаго лѣкарства на больную, наконецъ, избралъ и употребилъ единственно то изъ средствъ, которое почиталъ рѣшительнымъ къ произведенiю щастливаго въ болѣзни перелома. Знанie и искуство Г. Протопопова произвели удачное послѣдствie,—ума лишенная чрезъ нѣсколько времени начала вставать, просить пищи, сдѣлалась живѣе, веселѣе, стала узнавать людей, говорить, разсуждать, принялась за работу,—и теперь находится въ совершенномъ разсудкѣ. Г. Протопоповъ оправдалъ вполнѣ довѣрiе къ нему начальства, и заслужилъ общую признательность!

Въ семъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнiя есть еще женщина, находящаяся 17 лѣтъ въ помѣшательствѣ ума. Судя по времяни, кажется, болѣзнь ея неизлѣчима;

но нельзя отчаяваться въ милости Вышняго, дѣйствующаго чрезъ мудраго и человѣколюбиваго врача. *Господь бо его созда: въ руку его* (врача) *благоуханіе.* Іис. сына Сир. гл. 38 ст. 12.

Отъ В. П. Бурнашева.

О шалевыхъ издѣліяхъ фабрики Воронежской Помѣщицы Наст. Андр. Шишкиной, работающихся по изобрѣтенію сестры ея Вѣры Андр. Елисѣевой.

Знакомить Русскихъ со всемъ отечественнымъ, достойнымъ уваженія и подражанія есть цѣль вашихъ Отечественныхъ Записокъ, а потому почитаю обязанностію доставить вамъ нѣкоторыя подробности, касательно извѣстнаго заведенія Наст. Анд. Шишкиной, на коемъ выдѣлываются шали, неуступающія Кашемирскимъ.

Всякое новое предпріятіе необходимо должно выдержать большія неудачи, препятствія, такъ точно было и съ Г. Елисѣевою при многоразличныхъ попыткахъ ея дойти до совершенства Турецкихъ шалей. Наконецъ она жертвуетъ прекрасною Кашемирскою шалью, распускаетъ, разбираетъ всѣми способами, и по расположенію нитей наконецъ добирается до истины, потомъ доискивается до секрета для составленія веретенецъ, и въ хладномъ Сѣверѣ, въ безвѣстномъ селѣ Андреевскомъ, открыта тайна тканья кашемирскихъ шалей. Въ Россію не привозится Тибетской шерсти—еще затрудненіе: но оно скоро уничтожено смѣтливымъ умомъ Вѣры Андреевны, и въ скоромъ времени арбы скрыпятъ по дорогѣ въ село Андреевское, нагруженныя пухомъ сайгагъ, шерстью коихъ промышляютъ кочующіе народы въ степяхъ Оренбургской линіи. Въ 1813 шалевая работа закипѣла съ Русскою проворностію и Нѣмецкою тщательностію, а въ 1815 году Г-жа Елисѣева

имѣла неописанное удовольствіе облѣчься въ шаль собственной работы, въ шаль собственнаго изобрѣтенія, въ шаль, до которой не касались ни руки, ни умъ иностранный, наконецъ въ шаль, не уступающую той, которая служила ей примѣромъ.

Русскіе пламенно любятъ все Русское, не смотря на смѣтное въ нѣкоторыхъ случаяхъ пристрастіе къ иностранному, и въ тотъ день какъ шаль сія снята была съ родимаго стана, весело звѣздилось Шампанское въ Селѣ Андреевскомъ и въ сердцахъ всѣхъ сосѣдей напечатлѣлся сей день яко торжественный и знаменитый въ Лѣтописяхъ Россійской Промышленности! — Принимаясь за сію многотрудную работу Г-жа Елисѣева имѣла цѣлію открытіемъ секрета Кашемирцевъ, распространить въ Россіи фабрикацію восточныхъ шалей, и симъ самымъ со временемъ уничтожить ввозъ оныхъ и сохранить тѣмъ великія суммы въ сокровищницѣ Отечественной. — Цѣль сія ею выполнена прекрасно: безъ малѣйшаго

пособія казны и безъ всякаго помышленія о выгодахъ личныхъ, а съ желаніемъ лишь доставить симъ пользу любезному Отечеству, служить коему всѣми способами долженъ всякій честный и благородный гражданинъ. — Для тканія шалей нужно обыкновенно отъ года до пяти лѣтъ, смотря по красотѣ оныхъ; и по пяти и болѣе работницъ. При семъ нельзя не замѣтить еще благородной черты учредительницы сей фабрики. Женщины вездѣ женщины, вездѣ, во всѣхъ случаяхъ деликатны и нѣжны къ ближнему: почтенная владѣтельница сей фабрики соединила съ дѣломъ славнымъ для Промышленности Отечественной, дѣло Христіанской любви; крѣпостныя ея дѣвушки, коихъ лѣтомъ отъ 36 до 50, а зимою до 100 занимаются сею работою, всѣ, сверхъ полнаго, щедраго содержанія, получаютъ отъ нея значительную задѣльную плату, изъ которой, по прошествіи десяти лѣтъ составляется не малый капиталъ, который по истеченіи сего срока раздѣляется и

каждая рабошница вмѣсшѣ съ капиталомъ получаешъ вѣчную свободу. Многія изъ сихъ женщинъ, просшыхъ чадъ природы, облагодѣшельсшвованныя шакимъ образомъ своею госпожею не хошяшъ болѣе осшавишь фабрики и сроднясь, шакъ сказашь, съ шалевою рабошою, осшаюшся въ заведеніи по смершь свою. Должно замѣшишь, чшо за полошна сихъ шалей здѣсь шоргующіе шалями Бухарцы предлагали значишельныя суммы денегъ, но владѣшельница фабрики никогда не соглашалась продавашь своихъ произведеній людямъ, кошорые могли бы перепродашь ихъ не за Русскія, а за Турецкія шали.

Долгое время фабрика сія была извѣсшна единсшвенно въ околошкѣ села Андреевскаго и въ Депаршаменшѣ Мануфакшуръ, а пошомъ иногда упоминаемо было о ея издѣліяхъ въ госшиной О. П. Козадавлева, жаркаго покровишеля промышленносши, напечашавшаго шогда же и кращкое о сей фабрикѣ извѣсшіе въ Сѣверной Почшѣ, издававшейся при Ми-

нистерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ 1824 году В. А. Елисѣева, вмѣстѣ съ сестрою своею Н. А. Шишкиной, пріѣхала въ Петербургъ по нѣкоторымъ дѣламъ своимъ и привезла съ собою нѣсколько своихъ шалей, какъ для собственнаго употребленія, такъ и для сбыта. Въ сіе время въ Петербургѣ и въ Москвѣ начали поговаривать о *Елисѣевскихъ Русскихъ шаляхъ*, неуступающихъ Турецкимъ, но тѣмъ не менѣе никто, или покрайнѣй мѣрѣ весьма не многіе рѣшались купить шаль — плодъ работы Русскихъ мастеровыхъ, плодъ Русскаго изобрѣтенія и въ гостиныхъ толковали вкривь и вкось о семъ знаменитомъ въ промышленности нашей явленіи. Нашлись головы умныя, сердца, расположенныя къ славѣ всего отечественнаго, которыя посовѣтовали Вѣрѣ Андреевнѣ поднести лучшую шаль свою, цѣнимую въ двѣнадцать тысячь рублей, въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровнѣ, сей Августѣйшей Покровительницѣ всего хорошаго,

всего полезнаго, и предпріимчивая Г-жа Елисѣева въ 1825 году Іюля 21 дня, наканунѣ всерадостнаго дня тезоименитства Ея В—ва, имѣла счастіе поднести Монархинѣ свое произведеніе. Государыня приняла госпожу Елисѣеву съ свойственною ей обворожительностію, хвалила патріотическую цѣль ея, хвалила ея труды, восхищалась красотою полотна и возвратя ей оную, пожаловала въ знакъ ободренія и памяти: драгоцѣнный крестъ. Въ послѣдствіи хотя о фабрикѣ г-жи Елисѣевой и было напечатано въ 1827 году въ 9 N° Журнала Мануфактуръ и Торговли, хотя извѣстность сихъ шалей распространилась, но тѣмъ не менѣе сбытъ оныхъ былъ для значительности изобрѣтенія слишкомъ маловаженъ. Выставка прошлаго 1829 года оказала значительнѣйшую пользу симъ шалямъ. Нынѣшняя владѣтельница сей фабрики Н. А. Шишкина, находящаяся нынѣ въ С. Петербургѣ, доставила въ Комитетъ Выставки: 6 шалей, 11 платковъ, 4 каймы, 6 дамскихъ

мѣшечковъ, 2 кисета, жилетъ и пр., и большая часть сихъ издѣлій была раскуплена по означенной Г-жею Шишкиной цѣнѣ; изъ числа возвратившихся къ ней вещей была и вышеупомянутая превосходная 12.000 руб. шаль, которую никто не купилъ, находя, конечно, цѣну слишкомъ значительною для *Русскаго произведенія;* но шаль сія не ушла отъ своего предопредѣленія, — облѣкать плеча Россійской Монархини: Государь Императоръ минувшаго Августа повелѣлъ взять ее за означенную цѣну для Двора.

Ободренная вниманіемъ Августѣйшаго Покровителя Отечественной промышленности Насти. Анд. Шишкина, чрезъ его Сіятельство Г. Министра Финансовъ удостоилась поднести Ея Величеству прекрасный голубый плащь, съ каймою бѣлаго поля, съ различными Европейскими цвѣтами и удостоилась за сіе приношеніе получить великолѣпныя бриліантовыя серьги въ 1500 рублей.

Думаю, что читателямъ и въ особенности читательницамъ вашимъ доставлю удовольствіе, представивъ краткое описаніе особо каждой изъ сихъ 6-ти шалей. Начну съ той, которая пріобрѣтена для Государыни Императрицы:

1.) Шаль бѣлая съ Европейскими узорами, въ каймахъ розы, сирени и другіе мѣлкіе цвѣтки, а бордюръ изъ однѣхъ розъ. Сія шаль неоспоримо должна имѣть преимущество предъ всѣми шалями Турецкими; ибо кромѣ рѣдкой красоты полотна, она имѣетъ Европейскіе цвѣты несравненно превосходнѣйшіе и труднѣйшіе въ сравненіи съ Турецкими, фантастическими узорами; сверхъ того въ сей шали болѣе шестидесяти разныхъ оттѣнокъ въ цвѣтахъ, равно какъ и въ зелени. Полотно оной чрезвычайно часто, но со всѣмъ тѣмъ весьма тонко и такъ, что если подъ полотно сіе подложить вещь самаго даже нѣжнаго розоваго или небеснаго цвѣта, то окажется такая же прозрачность какъ и въ лучшей Марсельской

или Руанской кисеѣ. Въ основѣ пряжа до того тонка, что каждая *талька* или *петинка*, имѣющая въ себѣ 6400 аршинъ, содержитъ вѣсу не съ большимъ 3 золотника. Шаль сія была знатоками сличаема съ 25 тысячною Турецкою, и рѣшительно найдена добротою превосходнѣе сей послѣдней.

2.) Шаль также бѣлая, въ 2500 руб., съ Европейскимъ рисункомъ изъ однѣхъ лишь розъ. Доброта отличная, тонина рѣдкая, бѣлизна полотна истинно ослѣпительная. Она не продается, но подобныя ей могутъ быть заказываемы на фабрикѣ въ туже или въ большую цѣну.

3.) Шаль, дикаго цвѣта съ Европейскимъ узоромъ, въ 2500 руб. — Не говоря уже о прочности и тонинѣ, общихъ свойствахъ шалей г-жи Елисѣевой, мы замѣтимъ нѣчто новое: цвѣтъ дикій въ сей шали не есть цвѣтъ искусственный, но составленъ такимъ образомъ, что изъ большаго количества пуха выбираются единственно лишь пучки одного лишь сѣраго

цвѣта, и изъ сего собраннаго съ большимъ трудомъ пуха выработываются подобныя шали, которыя бываютъ обыкновенно еще добротнѣе прочихъ, и цвѣтъ ея менѣе всякаго другаго подлежитъ измѣненію. Она продана за означенную цѣну.

4.) Шаль черная съ Турецкимъ узоромъ, въ 3000 рублей. Она черна какъ смоль и краска такъ удачно положена, что рѣшительно нигдѣ полосъ не замѣтно. Шаль сія, по увѣреніямъ знатоковъ, превосходитъ всѣ доселѣ видѣнныя у насъ Кашемирскія сего цвѣта шали.—

5.) Шаль черная, въ 2000 руб, съ Турецкимъ узоромъ, съ разными широкими каймами, бордюръ же изъ одной зелени. Шаль сія предъ прочими имѣетъ то странное превосходство, что кайма ея съ каждой стороны разнаго узора, такъ, что можно носить ее за двѣ шали разныя—что есть не малая выгода. Продана за означенную цѣну.

6.) Шаль бѣлая съ Турецкимъ узоромъ и широкимъ бордюромъ; цѣна 1500 руб. Сія шаль отличною называться конечно не можетъ по той причинѣ, что узоръ ея не въ нынѣшнемъ вкусѣ и мало имѣетъ изящества, хотя полотно весьма тонко. Особеннаго же вниманія она заслуживаетъ потому, что очень бѣла, не смотря на то, что подвергаема была весьма значительнымъ испытаніямъ, изъ коихъ конечно замѣчательнѣйшій есть тотъ, что она была посылаема за нѣсколько тысячь верстъ моремъ, чтобы испытать не будетъ ли имѣть вліянія на цвѣта—влажность сей стихіи; но шаль осталась совершенно невредимою, что одно весьма много рекомендуетъ оную.—

Изъ числа 11-ти платковъ были: 2 лиловыхъ, 4 бѣлыхъ, 4 черныхъ и 1 голубой, который въ особенности былъ удостоенъ общаго вниманія и стоилъ 175 руб., за какую цѣну и проданъ. Всѣ почти сіи платки раскуплены. О каймахъ и прочихъ бездѣлицахъ можно сказать также,

что и онѣ обратили вниманіе публики своими отличными качествами.

Какъ яство безъ соли бываетъ безвкусно, такъ и похвала безъ критики благоразумной утрачиваетъ свое достоинство, почему и должно сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, считаемыя мною за весьма справедливыя, а справедливость оныхъ тѣмъ болѣе утвердить могу, что я въ семъ случаѣ есть лишь эхо общественнаго мнѣнія.

Почтеннѣйшая учредительница фабрики, равно какъ и нынѣшняя владѣтельница оной, весьма хорошо сдѣлалибъ, нанявъ опытнаго живописца, на вкусъ и способности коего можнобъ было положиться, для снабженія заведенія изящными дессенями, сообразными съ духомъ и направленіемъ Европейскаго вкуса художествамъ; это тѣмъ болѣе мнѣ кажется возможнымъ, что Г-жа Елисѣева сама говаривала о́ возможности дѣлать какой угодно рисунокъ. Весьма желательно, чтобъ нѣсколько та-

лей Елисѣевскихъ явились съ рисунками столь свѣжими, столь изящными, какъ рисунки шалей Г-жи Мерлиной, тогда можно ласкаться надеждою, что шали ея явятся и въ паркѣ Сентъ-Джемскомъ, и въ лѣсу Булонскомъ.

СМѢСЬ.

УМОРИСТИКА.

ЛЮДИ НЕ НА СВОИХЪ МѢСТАХЪ.

Восточная повѣсть.

Лишь далъ бы Богъ опредѣлиться!
Довольны будутъ здѣсь услугою моей.
И чтожъ? искательствомъ друзей
Дано то мѣсто ей (*)!
И ею — не могли довольно нахвалиться.

Черепаха. Басни Суханова.

Ахъ! сколькимъ бы смертнымъ слѣдовало помѣняться и чинами, и должностями, и званіями своими — сказалъ одинъ изъ извѣстныхъ писателей нашихъ, и сказалъ справедливо. Въ подтвержденіе сего дозвольте мнѣ, Гг. читатели, разсказать вамъ одну Восточную повѣсть, которой нѣтъ

(*) *Черепахѣ мѣсто скорохода.*

ни въ тысячѣ одной ночи, ни въ тысячѣ одномъ днѣ, ни въ тысячѣ одной четверти часа.

Калифъ Багдатскій Гарунъ Ал-Рашидъ, жившій во второмъ вѣкѣ эгиры, извѣстенъ намъ не изъ однѣхъ только сказокъ, которыя остроумная Шехерезада разсказывала нѣкогда ревнивому Шахріару: — Исторія увѣряетъ насъ, что Гарунъ былъ Государь мудрый и великій. Сей Калифъ имѣлъ обыкновеніе, въ ночное время, переодѣвшись, прогуливаться по улицамъ Багдада, чтобы узнавать не страждетъ ли гдѣ невинность и не торжествуетъ ли злоба?

Въ одну изъ прогулокъ своихъ Калифъ встрѣтилъ Имана, который бывъ нѣсколько пьянъ, пѣлъ неблагопристойную пѣсню и велъ съ собою женщину.

Какой развратъ! воскликнулъ, сопровождавшій Калифа Визирь Гіафаръ; ужели ты, Повелитель правовѣрныхъ, допустишь этаго человѣка безчинствовать долѣе! онъ унижаетъ свой санъ и подаетъ собою худой примѣръ прочимъ, — онъ достоинъ тюрьмы и нѣсколькихъ сотъ ударовъ по пятамъ."

Не горячись Гіафаръ, отвѣчалъ Ал-Рашидъ, этотъ человѣкъ имѣетъ хорошій голосъ и поетъ довольно прі-

ятно, его можно слушать съ удовольствіемъ. Посмотримъ, что далѣе будетъ.

Иманъ продолжалъ идти, но былъ окруженъ стражею. Начальникъ сей стражи, съ большимъ краснорѣчіемъ и самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, началъ доказывать ему, что пьянство есть порокъ, котораго должно удаляться, что пѣніе неблагопристойныхъ пѣсенъ показываетъ человѣка, имѣющаго худую нравственность, и что, наконецъ, явное обращеніе съ женщинами неприлично духовному сану.

„Пустое, братъ, я знаю что дѣлаю, отвѣчалъ Иманъ, слушай: человѣкъ рожденъ для удовольствій, а я нахожу удовольствіе въ винѣ, въ пѣніи пѣсенъ и въ обьятіяхъ красавицъ. Надобно быть глупцемъ, чтобы не пользоваться ими когда можно. Если ты хочешь выпить, то иди со мною: я тебя такъ уподчую, что ты не встанешь съ мѣста.“

Схватите сего беззаконника и ведите за мною! вскричалъ Начальникъ стражи своимъ подчиненнымъ; но неустрашимый Иманъ, проворно вырвалъ у одного изъ стражей саблю, подобно молніи бросился на нападающихъ. Проворство и невѣроятное мужество полупьянаго Имана, принуди-

ли стражу разбѣжаться; Начальникъ же оной удалился въ мечеть.

„Какая трусость! воскликнулъ Гіафаръ, эта негодная стража заслуживаетъ жестокое наказаніе, а начальникъ ея достоинъ веревки!“

Погоди, возразилъ Калифъ, посмотримъ что далѣе будетъ.

По окончаніи геройскаго подвига, Иманъ запѣлъ громче прежняго, взялъ за руку свою прелестницу и продолжалъ идти. Калифъ и Визирь до тѣхъ поръ не упускали его изъ вида, пока онъ не взошелъ въ одинъ небольшой домъ.

Ал-Рашидъ и Гіафаръ, проходя близъ нѣкотораго сада, замѣтили отворенную калитку и рѣшились войти въ него. Вскорѣ услышали они разговоръ, происходившій въ одной бесѣдкѣ. Любопытство принудило Калифа и Визиря съ большею осторожностію подойти къ самой бесѣдкѣ, и они по голосу узнали Государственнаго Казначея, и подслушали слѣдующее:

„Нѣтъ, Селимъ, ты непремѣнно долженъ исполнить требованіе мое, худыхъ же послѣдствій никакъ ожидать нельзя, потому, что ты обладаешъ рѣдкимъ искуствомъ: для тебя столь же легко подписаться подъ руку нашего Калифа, какъ мнѣ написать свое имя.“

Не смотря на убѣжденія твои, не смотря на всѣ благодѣянія, которыми я отъ тебя столь долго пользовался, не могу согласиться исполнить требованіе твое, почтеннѣйшій Мустафа!

„Безтолковый человѣкъ! ужели для тебя деньги ничего не значатъ! Согласіе твое, Селимъ, доставитъ намъ сто мѣшковъ, изъ коихъ ты получишь четвертую часть.“

Еслибы я получилъ милліонъ мѣшковъ, то и тогда не согласился бы на исполненіе требованія твоего.

„Слушай, Селимъ, ужели ты хочешь переносить бѣдность, имѣя случай обогатиться? Согласись!

Нѣтъ, скорѣе соглашусь перенести всю тягость бѣдности и даже умереть съ голоду, нежели рѣшиться на безчестный поступокъ. Мнѣ очень удивительно, почтеннѣйшій Мустафа, что ты предлагаешь столь неблагонамѣренные совѣты.

Послѣ этаго Калифъ и Визирь, чтобы не быть примѣченными, поспѣшно удалились изъ сада.

„Вездѣ обманы, вездѣ злоупотребленія! вскричалъ Ал-Рашидъ, о жалкая участь Государей, окруженныхъ столь низкими людьми! . . .

Гарунъ и Гіафаръ приближились къ великолѣпнымъ Палатамъ Кадія Мез-

рура, который не токмо въ Багдадѣ, но и въ цѣломъ калифатствѣ славился какъ человѣкъ самый добрѣйшій, набожный, благотворительный и человѣколюбивый. „Мнѣ очень хотѣлось бы узнать, говорилъ Калифъ, столько ли Мезруръ добръ на самомъ дѣлѣ, сколько превозносимъ молвою.“ Въ это время изъ воротъ Мезрурова дома вышелъ невольникъ, который приближась къ Калифу, и не смотря на неприличный нарядъ сего послѣдняго, узналъ его и повергся передъ нимъ на землю.

„Встань, невольникъ, и отвѣчай: какое мѣсто занимаешь ты у Мезрура?“ спросилъ Калифъ.

Мѣсто домоуправителя, Повелитель правовѣрныхъ! отвѣчалъ невольникъ.

»Подъ смертною казнію приказываю тебѣ говорить правду: справедлива ли похвала, приписываемая твоему господину?.... но еще повторяю, что малѣйшая со стороны твоей ложь будетъ стоить тебѣ головы.“

Могу ли я, столь ничтожная тварь, лгать передъ тобою, Повелитель правовѣрныхъ! мой господинъ человѣкъ самый злобный, лицемѣръ, сребролюбецъ и человѣконенавистникъ; онъ подъ личиною смиренія скрываетъ самую низкую душу, самое порочное сердце. Если ты, Повелитель право-

вѣрныхъ, желаешь испытать, справедливы ли слова мои, то можешь сдѣлать это теперь же?

„Какимъ образомъ?“

Я тайно проведу тебя, великій Государь, въ такое мѣсто, изъ котораго ты безпрепятственно разсмотришь Мезрура и узнаешь каковъ онъ.

„Хорошо! веди же насъ, сказалъ Калифъ и вмѣстѣ съ Визиремъ пошелъ въ слѣдъ за невольникомъ, который потаенными переходами провелъ ихъ въ комнату, примыкающую къ залѣ, въ коей находился Мезруръ. Изъ этой комнаты чрезъ стеклянную дверь, неплотно занавѣшенную, Гарунъ Ал-Рашидъ могъ свободно видѣть и слышать все то, что дѣлалъ и говорилъ Мезруръ.

Добродѣтельный Кади занимался отправленіемъ экзекуціи: онъ совершенно безвинно наказывалъ жесточайшимъ образомъ своихъ невольниковъ и громогласно повторялъ слѣдующее премудрое правило: „надобно предупреждать зло; — невольниковъ, сихъ скотовъ, неимѣющихъ ни понятій, ни чувствъ, ничѣмъ нельзя удержать въ повиновеніи, кромѣ строгости и жестокихъ побой.“ Вопль несчастныхъ страдальцовъ по-

разилъ добраго Калифа: онъ едва могъ удержать гнѣвъ свой.

Экзекуція окончилась—и трепещущій невольникъ подалъ Мезруру письмо. Кто это пишетъ ко мнѣ? говорилъ Кади, разламывая печать. Ба! бывшій Ага Базимъ, посмотримъ, что надобно ему отъ меня—и началъ читать въ слухъ:

„Кому неизвѣстны добродѣтели твои, великодушнѣйшій Мезруръ! кто не удивляется имъ? кто не превозноситъ тебя? Въ полной увѣренности на щедролюбіе твое, я обращаюсь къ тебѣ, почтеннѣйшій Мезруръ, съ покорнѣйшею прозьбою. Ты знаешь о службѣ моей, знаешь и о томъ, что полученныя мною въ сраженіи раны разстроили здоровье мое и сдѣлали меня неспособнымъ ни къ какой должности. Теперь я съ семейсшвомъ своимъ живу въ крайней бѣдности и часто нуждаюсь въ дневномъ пропитаніи. Окажи мнѣ вспомоществованіе, великодушнѣйшій Мезруръ! Да продолжатся лѣта твои на пользу человѣчества и слава о добродѣтеляхъ твоихъ да сохранится до позднѣйшихъ временъ!"

Ни одного диргема не дамъ тебѣ, проклятый нищій! вскричалъ Мезруръ: когда ты столь глупъ, что бывши Агой, не могъ составить себѣ со-

стоянія, то стоишь того, чтобы у-мереть съ голоду. Ты, не стараясь о своихъ выгодахъ, говорилъ, что презираешь сребролюбіе — и теперь, съ тощимъ желудкомъ, гордись своею добродѣтелью, которая есть ни что другое, какъ только пустой звукъ словъ. Прокляные глупцы! они и этаго разсудить не могутъ, что я коплю сокровища со всѣмъ не для того, чтобы раздавать ихъ негоднымъ бѣднякамъ: я коплю ихъ для покупки удовольствій.

Мезруръ, оставшись наединѣ приказалъ черному евнуху представить предъ себя невольницу, по имени Земиру, и она вскорѣ явилась. Господинъ Кади, посадя невольницу свою на великолѣпный диванъ, началъ говорить предъ нею слѣдующую забавную рѣчь:

„О! несравненное произведеніе природы, отлитое въ особенный сосудъ прелестей! о ты, въ которой соединено все лучшее въ мірѣ! безцѣнная Земира! ты единственная красавица; тебѣ подобныхъ не было и не будетъ! О свѣтило міра! твои длинные волосы столь нѣжны, столь мягки какъ шелкъ шамаханскій, твои глаза сіяютъ такъ какъ въ ночи звѣзды и воспламеняютъ сердца огнемъ

любви; твои полныя ланиты румянѣе молодой розы; твои коралловые уста манятъ лобызать тебя, твои зубы чище перловъ; твой станъ стройнѣе пальмы и такъ гибокъ, какъ лента, развѣвающаяся въ воздухѣ. Возможноли, возможноли устоять противъ такихъ прелестей? Нѣтъ! я люблю тебя, несравненная Земира! люблю нѣжно, пламенно, страстно. Прими мое пылающее сердце, располагай имъ какъ угодно, но отвѣтствуй ему взаимною страстію. Отвѣчай, отвѣчай скорѣе, милая Земира! скажи: люблю тебя, Мезруръ,—и я не позавидую счастію нашего Калифа!

Ал-Рашидъ и Гіафаръ слушая забавное изъясненіе степеннаго Кадія, едва могли удержаться отъ смѣха. На страстную рѣчь Мезрура невольница отвѣчала: „нельстись жестокосердый человѣкъ, моею любовію, я ненавижу тебя и скорѣе соглашусь вонзить кинжалъ въ грудь свою, нежели соотвѣтствовать твоей подлой страсти. Ты можешь располагать моею жизнію, но не моимъ сердцемъ.“ Сказавъ это Земира поспѣшно удалилась, а разсерженный Мезруръ, кричалъ ей въ слѣдъ: не думай, не думай, жестокая! чтобы я долѣе сталъ унижаться передъ тобою: ты не хотѣла любить меня добровольно, но бу-

дешь любить изъ принужденія, изъ боязни!

О негоднѣйшій человѣкъ! вскричалъ Калифъ, вышедъ изъ дома Мезрура. Повѣришь ли, Гіафаръ, что я никого не находилъ подлѣе сего человѣка? Естественно, что многіе стараются скрывать свои пороки, свои злодѣйства; но покрайней мѣрѣ не думають о томъ, чтобы во мнѣніи общемъ заслужить имя добродѣтельнѣйшихъ людей. Напротивъ злобный Мезруръ, соединяя въ себѣ всѣ пороки, чрезъ посредство лицемѣрія умѣлъ сдѣлать то, что вездѣ и всѣми сталъ прославляемъ какъ самый лучшій изъ людей. Послѣ этаго какъ не согласиться, что наружность бываетъ обманчива и что ей вѣрить никакъ нельзя. Но однакожь не долго осталось торжествовать Мезруру: достойное наказаніе ожидаетъ его. Завтра, Гіафаръ, какъ можно ранѣе представь ко мнѣ встрѣтившагося съ нами Имана, Начальника стражи, Мустафу, Селима и Мезрура: всѣ они находятся не *на своихъ мѣстахъ*.

(*Оконч. въ слѣд. книжкѣ.*)

Нѣсколько общихъ словъ о новомъ историческомъ романѣ:

Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году.

Соч. М. Загоскина.

Успѣхъ знаменитаго Шотландскаго романиста породилъ соревнованіе во всѣхъ просвѣщенныхъ націяхъ: вездѣ явились ему подражатели, болѣе или менѣе счастливые; во Франціи Баржине, въ Италіи Манцони, въ Испаніи де Труебо, въ Соединенныхъ Американскихъ Статахъ Куперъ и Ирвингъ, въ Германіи Ванъ-деръ-Вельде и Тцокке, въ Польшѣ Браниковскій, даже въ Бразиліи авторъ страннаго романа Карамару Донъ Жуанъ Санто де Дуеро; у насъ однихъ досел̂ѣ видны были только попытки, только начинанія въ романахъ историческаго рода, не смотря на богатство Русскихъ лѣтописей въ предметахъ и обстоятельствахъ истинно романическихъ. — Одинъ только, говорю, Бор. М. Ѳедоровъ, помѣстивъ

въ 1824 и 1825 годахъ въ Отечественныхъ Запискахъ нѣсколько главъ изъ романа своего *Курбскій*, родилъ надежду, что мы не отстанемъ отъ другихъ націй на семъ трудномъ литтературномъ поприщѣ. Но ожиданія наши были тщетны. Г. Ѳедоровъ замолчалъ послѣ первыхъ блестящихъ опытовъ, и только въ Альманахахъ появлялись по временамъ не большія историческія повѣсти — болѣе или менѣе удовлетворительныя.

Наконецъ Г. Загоскинъ издалъ въ Москвѣ романъ въ 3 томахъ, подъ названіемъ *Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году* — и рѣшительно можно сказать, вполнѣ удовлетворилъ требованію Публики, вполнѣ замѣнилъ сей недостатокъ въ нашей Литтературѣ.

Оставляя Гг. Литтераторамъ, занимающимся отыскиваніемъ въ новыхъ сочиненіяхъ недостатковъ, погрѣшностей, анахронизмовъ, опечатокъ и проч. и проч., открывать то и другое въ Юрьѣ Милославскомъ, (что вѣроятно, и найдется; ибо и Валтеръ-Скотъ не безъ оныхъ), я считаю обязанностію сказать моимъ читателямъ мое собственное, безпристрастное мнѣніе, признаться въ моемъ собственномъ ощущеніи при чтеніи сего романа, признаться, что я нашелъ ро-

манъ сей съ первой страницы до последней чрезвычайно занимательнымъ и въ особенности исполненнымъ драматическаго интереса. Авторъ съ величайшимъ искусствомъ приводитъ своихъ героевъ въ самыя опасныя положенія, изъ коихъ, кажется, никакая человѣческая сила не въ состояніи исхитить, спасти ихъ и — выводитъ самымъ обыкновеннымъ, естественнымъ образомъ. Многія повѣрья и обычаи Русской старины введены имъ съ не меньшимъ искусствомъ, многіе національные характеры, существовавшіе на Руси въ прошедшихъ столѣтіяхъ, до сближенія нашего съ Европою, удачно дѣйствуютъ въ разнообразныхъ видахъ и положеніяхъ; однимъ словомъ авторъ переноситъ, переселяетъ читателя своего въ Русскій бытъ за 200 слишкомъ лѣтъ, въ ту любопытную эпоху, когда Россія боролась о своемъ *бытіи*, когда любовь къ родинѣ Русскаго народа явилась во всемъ торжествѣ своемъ, когда изъ среды всѣхъ сословій восстали герои, коимъ бы и Римъ позавидовалъ! Многіе изъ сихъ великихъ характеровъ обрисованы кистію Рафаеля, равно и въ шутливомъ и описательномъ родѣ авторъ весьма вѣренъ, замысловатъ и разнообразенъ, а картины зимы, весны, мятели, мо-

роза, восхожденія солнца, русской деревни, постоялаго двора, свадебнаго поѣзда, движенія войскъ, говора толпы и проч. такъ живы, такъ естественны, что невольно воображаешь ихъ предъ собою, или припоминаешь себѣ въ нихъ нѣчто знакомое. Всего лучше выдержанъ характеръ *Кирши*. Онъ вездѣ, какъ шпіонъ знаменитаго Американскаго романиста, является для одушевленія дѣйствія, является добрымъ геніемъ въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Эти безстрашныя, благородныя сердца, готовыя на тысячу смертей за оказанную услугу, или мстящія до послѣдняго издыханія, обидѣвшему ихъ, бьются и до нынѣ на крутыхъ берегахъ Яика и Терека, подъ бешкенями простаго козака! Въ изображеніи борзаго воздушнаго аргамака Загоскинъ не уступаетъ Куперу, прославившемуся вѣрностію описаній животныхъ, и вообще Юрій Милославскій ближе къ романамъ Купера, чѣмъ Вальтеръ-Скотта; ибо у Загоскина, какъ и у того, главныя лица вымышлены, созданы имъ самимъ, а историческія дѣйствуютъ побочно, втоpостепенно.

На счетъ наружнаго вида сего романа скажемъ также, что онъ изданъ весьма не дурно и виньетки награви-

рованы даже хорошо; желательно только, чтобы компановка ихъ была по лучше. Вѣроятно, художникъ, сочинявшій ихъ не читалъ сего романа, а потому въ изображеніи лицъ, не наблюлъ ни малѣйшаго характера.

Заключимъ искреннею благодарностію Г. Загоскину за удовольствіе, доставленное намъ чтеніемъ сего романа и пожеланіемъ, чтобъ онъ продолжалъ трудиться на семъ трудномъ и полезномъ поприщѣ.

Къ родителямъ.

Если, для выполненія главныхъ условій воспитанія, мы не имѣемъ еще достаточно Русскихъ учителей, которые бы могли обучать въ *совершенствѣ* Французскому языку, то, благодаря превосходнымъ Институтамъ для женскаго пола, въ нихъ образовалось уже достаточно молодыхъ дѣвицъ, кои могутъ замѣнить совершенно выписныхъ мамзелей и мадамъ, вывозящихъ (не говоря ни чего другаго) изъ Россіи золотыя горы въ чужіе краи.

Равномѣрно много есть изъ мѣщанскаго сословія дѣвицъ, отличнаго поведенія, образовавшихся также въ патріотическихъ заведеніяхъ, кои въ совершенствѣ знаютъ разнаго рода рукодѣлія и *желали* бы занять мѣста камеръ-юнферъ, за весьма умѣренную цѣну! Издатель Отеч. Зап. съ удовольствіемъ беретъ на себя посредничество въ томъ и другомъ случаѣ, надѣясь, что рекомендуемыя имъ дѣвицы вполнѣ оправдаютъ его участіе и желаніе быть обоюдно полезнымъ.

Объявленіе.

Почитаю обязанностію извѣстить моихъ читателей, что по непріятному недоразумѣнію, отъ объясненія коего удерживаюсь изъ уваженія къ нѣкоторымъ лицамъ, я долженъ былъ возвратить оригинальную *Духовную Купца Өетіева*, напечатанную въ Отечественныхъ Запискахъ въ Февральской книжкѣ 1829 года и поставленную въ Каталогѣ моихъ рукописей подъ No. 24. Мѣсто оной заступаютъ

двѣ оригинальныя грамоты Царя Θеодора Іоанновича, данныя Кольскимъ жителямъ, несравненно драгоцѣннѣйшія по древности своей и рѣдкости; ибо весьма мало находится грамотъ подписанныхъ рукою сего Царя, Царствовавшаго весьма короткое время и ввѣрившаго бразды правленія знаменитому Борису Годунову, между тѣмъ какъ вездѣ находится множество манускриптовъ съ подписью отца его, Іоанна Грознаго, а потому грамоты сіи поставлены въ собраніи моемъ подъ No 6. *).

---

*) См. Отеч. записки Ч. XXXIX. стр. 58.

СПИСОКЪ

Авторовъ, участвовавшихъ въ десятилѣтнемъ изданіи Отечественныхъ Записокъ *).

А.

Абдорскій (Священникъ) Ч. II. О достопамятностяхъ гор. Шуи.

Алябьевъ (В. А.) О кончинѣ Александра Васильевича Алябьева.

Анастасевичъ (Василій Григорьевичъ). Ч. VIII. О золотой гривнѣ найденной въ Черниговѣ. Ч. XXXVIII. Списокъ съ подлинной грамоты Царя Алексѣя Михайловича.

Аракчеевъ (Гр. Алексѣй Андреевичъ). Ч. XIII. О частномъ банкѣ, учрежденномъ въ волости Новгородскаго помѣщика. Ч. XVIII. Годовой отчетъ о денежныхъ суммахъ мірскаго капитала за 1823 г.

---

*) Читатели, безъ сомнѣнія, благоволятъ замѣтить сами тѣ статьи, кои не сочинены, а только доставлены были авторами Издателю Отеч. Записокъ: это весьма легко имъ отличить, судя по времени и обстоятельствамъ тѣхъ сочиненій.

Изд.

Арсеньевъ (Яковъ Арсеньичъ, Протоіерей). Ч. I. Описаніе Костромскаго Успѣнскаго Собора.

Б.

Бурцовъ (Ген. М.) Ч. II. Бой Полковника Тиховскаго съ Закубанскими Черкесами въ 1810 году. XXVII. — Пребываніе во 2-й арміи въ 1825 г. Императора Александра I. Ч. XXXVI. Русскіе святки въ Эривани.

Баженовъ (Ген. Маіоръ). Ч. VIII. Разсужденіе о Вышневолоцкой и Маріинской системахъ судоходства и разсмотрѣніи описанія системы плаванія по Маріинскому каналу.

Баратаевъ (Князь). Ч. IX. О древностяхъ и заведеніяхъ Новаго Оскола.

Бергъ (Ѳед. Ѳед.) Ч. XL. Раздѣленіе меньшой Киргизской орды.

Берлинскій. Ч. XXVIII. О находкѣ серебряныхъ слитковъ въ развалинахъ десятинной церкви.

Бецкій (Иванъ Ивановичъ). Ч. XIII. Двѣ Инструкціи.

Бобарыкинъ (В.) Ч. XXXVIII. О концертѣ въ Вологдѣ въ пользу бѣдныхъ.

Бобарыкинъ (Н. Н.) Ч. XXV. О новомъ крестьянинѣ-Стихотворцѣ Борисовѣ.

Боде. (Бар. А. К.) Ч. XXV. Письмо изъ Судака о винодѣліи. Ч. XXX. О новой методѣ разведенія винограда.

Бошнякъ (Алек. Кар.) Ч. XXVI. Краткое обозрѣніе ботаническихъ садовъ въ Россіи и въ особенности Императорскаго въ С. П. бургѣ. XXXVII. Письмо о его живописцахъ отправленныхъ при Щовицѣ въ Персію.

Бороздинъ (Андрей Мих.) Ч. XXXIV. Наблюденія путешественника въ 1827 г. о выгодахъ виноградннаго садоводства въ Крыму.

Булдаковъ. Ч. II. Анекдоты изъ Посольства въ Китай Рязанова. Ч. XIII. Нѣкоторыя свѣденія о крѣпостныхъ земляхъ и живущихъ на нихъ половникахъ.

Булгаковъ (Алек. Яков.) Ч. XXVI. Біографія Гр. Ѳедора Васильевича Растопчина.

Бурнашевъ (Вл. Петр.) Ч. XXXVI. Чувства Русскаго при гробѣ Маріи. — XXXVII. Экзаменъ въ Екатерининскомъ Институтѣ 1829 года. — XXXIX. XL. Пребываніе въ Россіи Корнелія Бруина въ 1702 году. (Переводъ съ Фран.) Цвѣтокъ на гробъ Великаго Петра. — XL. *Русская Умористика:* Визитная карточка или наказанная страсть къ нововведеніямъ. Турецкій Анекдотъ въ С. Петербургѣ.

Бурнашевъ (Петръ Алексѣевичъ). Ч. XIV. О началѣ суконной промышленности въ Россіи и постепенномъ ея распространеніи.

В.

Васильевъ. Ч. XI. Празднество Милосердія.

Варенцовъ (П. А.) ч. XXXVIII. О новой гидрографической картѣ Россійской Имперіи.

Вельяшевъ (Александръ Петровичь) Ч. XVIII. XIX. XX. XXIII Обозрѣніе кампаніи 1813 года.

Вениаминъ (Архимандритъ). ч. XXXV. Письмо къ Архимандриту Анастасію изъ Пустоозерска, отъ 30 Сентября 1828 г.

Вестманъ. ч. XL. О нынѣшнемъ состояніи земледѣлія въ Россіи и главнѣйшихъ Европейскихъ Государствахъ.

Висковатовъ (Ал. Вас.) Ч. XXVII. Примѣръ удивительной храбрости Уральскихъ козаковъ. Ч. XXVIII. Новгородскіе письма къ К. Я. В. XXX. XXXI. XXXIV. Военныя дѣйствія соединенныхъ Россійскихъ войскъ подъ Анконою въ 1799 году.

Вистицкій (Ген. Маіоръ) Ч. XXVII. Краткое изложеніе Тактики.

Вяземскій (Князь П. А.) XXXVIII. О прекрасномъ праздникѣ А. Я. Булгакова.

Вяземскій (Кн. Николай Григорьевичь). Ч. XIV. Мысли Россіянина о Политической Экономіи нынѣшняго времени Ч. XVI. Посланіе Россіянина къ Издателю От. Зап. ч. XI.

Г.

Габлицъ ч. IX. Изъясненіе плана развалинъ древняго Херсона.

Гавріилъ (Епископъ Орловскій и Свѣскій) ч. XXII. О тайникѣ, найденномъ въ городѣ Минскѣ. ч. XXV. Письмо изъ Орла отъ 6 Мая 1828 г. ч. XXVII. О Свѣнскомъ монастырѣ. XXXVIII. Свѣденія о крестѣ прежняго Казанскаго Собора.

Германъ (Ив. Ив. Генер. отъ Инфант.) ч. XXIV. Журналъ компаніи по Кавказской линіи 1790 года.

Гессъ де Калье ч. XXII. Нѣсколько словъ о древнихъ рудникахъ въ Сибири.—Объ открытіи новыхъ минеральныхъ источниковъ на Кавказѣ.

Глинка (Ѳедоръ Николаевичъ). ч. V. Подвиги Русскихъ за Кубанью въ 1789 г. ч. XIII. Нѣсколько словъ объ однодворцѣ, Писателѣ Петрѣ Михайловичѣ Захарьинѣ.

Глотовъ (Александръ Яковл.) ч. III. Чесменскій бой, ч. VI и VII. Гангоудское сраженіе, увѣнчавшее Россійскій флотъ первою побѣдою на морѣ.

Горностаевъ (Ив. Макс.) ч. XIV. Плачевная смерть Коко.—ч. XXXI. XXXII. XXXIII XXXV. Путешествіе Императрицы Ека-

терины II. въ Крымъ, описанное Гр. Сегюромъ, Французскимъ Посломъ (*Переводъ*).
XXXII. Объ Арзамазской Академіи Ступина.—Взглядъ на подвиги Россіянъ въ Персіи въ 1826 и 27 годахъ и дѣйствія Россійскаго флота подъ Наварином. (*оконч.* въ XXXIV).
XXXIV. Военныя событія. —

Годуновъ ч. XXVIII. О службахъ и походахъ Боярскихъ, также полковыхъ разрядовъ ихъ и о томъ кто, когда и въ какомъ полку служилъ. (*Древняя рукопись*).

Горчаковъ (Князь Петръ Дмитріевичъ). ч. XII. Руководство для проѣзжающихъ Кавказскія горы.

Грейгъ (Самуилъ Самуйловичъ). ч. XIII. XV. XXIII. Первый походъ Россійскаго флота въ Архипелагъ.

Гуляевъ. ч. XXXIII. Приготовленіе къ проѣзду Петра Великаго чрезъ Рязанскую Провинцію въ 1722 году.

Гурьяновъ. ч. XXIV. Прогулка въ Люблино.

Гурьевъ (Василій Петровичъ). ч. X. XI. Мысли о торговлѣ Чернаго моря.

(*Продолженіе впредь*).

лѣтнимъ трудомъ Издателя, — трудомъ, наполняющимъ всю его думу и воображеніе, составляющимъ все его честолюбіе; трудомъ, бывшимъ однимъ изъ предметовъ и побужденій для поѣздокъ его по Россіи; однимъ словомъ: *съ Исторіею царствованія Петра Великаго*, которая приводится имъ къ окончанію.

Добавлю, что Отечественныя Записки неизмѣнятся ни въ наружномъ видѣ своемъ, ни во времени своего выхода въ свѣтъ, ни въ самой цѣнѣ, хотя многіе Журналисты находятъ большія выгоды въ ежегодныхъ измѣненіяхъ того и другаго.

Цѣна годовому изданію Отечественныхъ Записокъ, состоящему изъ двѣнадцати книжекъ, каждая по 7 и болѣе печатныхъ листовъ, съ четырьмя и болѣе видами и планами замѣчательнѣйшихъ отечественныхъ городовъ, монастырей и т. п., *по прежнему:* въ С. Петербургѣ 25 рублей, а съ пересылкою во всѣ города Имперіи, 30 рублей ассигнаціями.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: у самого Издателя Павла Петровича Свиньина, живущаго въ Садовой улицѣ, въ домѣ Жербина, и въ книжныхъ лавкахъ А. Ф. Смирдина и И. В. Сленина и прочихъ значительнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ: у содержателя Университетской книжной лавки — А. С. Ширяева.

Господа иногородные благоволятъ относиться съ требованіями своими въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтампта; впрочемъ, могутъ подписываться и во всѣхъ Почтамтахъ и Конторахъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, коими приняты мѣры къ исправнѣйшему доставленію сего Журнала.

Павелъ Свиньинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Взглядъ на Одессу. *(Съ видомъ города.)* 3
Договорная окончательная Грамота, составленная и подписанная въ 1634 году Полномочными Рускими и Польскими Послами объ отреченіи Владислава отъ Царства Русскаго. 47
Памятныя Записки В. А. Пащокина 70

Стихотворенія.

Новый поэтъ-крестьянинъ Алипановъ 105
Первый отрывокъ изъ комедіи: Свѣтскій Бытъ 119

Переписка.

Изъ Сибири 130
Изъ Архангельска 137
Отъ Г. Б. . . . ., о шалевой фабрикѣ П. Е. Елисѣевой 141

Смѣсь.

Умористика: Люди не на своихъ мѣстахъ. *(Восточная повѣсть)* . 155
Нѣсколько общихъ словъ о новомъ историческомъ романѣ: Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 г. 166
Къ родителямъ 170
Объявленіе 171
Списокъ Авторовъ, участвовавшихъ въ 10-ти лѣтнемъ изданіи Отечественныхъ Записокъ 173

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Департ. Внѣш. Торг.

1830.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О продолженіи Отечественныхъ Записокъ въ настоящемъ 1830 году.

Ласкаюсь надеждою, что почтенные Соотечественники мои отдадутъ справедливость усердію и постоянству, съ коими я выдержалъ изданіе *Отечественныхъ Записокъ* въ продолженіе *десяти лѣтъ*, несмотря на величайшія затрудненія, сопряженныя съ принятою цѣлію — говорить въ нихъ объ одномъ Русскомъ, отечественномъ. Но признаюсь, что нестолько пріисканіе матеріяловъ для замѣщенія ежегодно 80-ти и болѣе печатныхъ листовъ однѣми Русскими, оригинальными статьями, сколько размѣщеніе оныхъ въ видѣ разнообразномъ и привлекательномъ, приводило меня въ крайнее затрудненіе. И сего одного было бы достаточно, чтобъ отказаться впредь отъ сей тягостной обязанности, если бы стеченіе великаго множества любопытныхъ матеріяловъ, полученныхъ мною въ послѣднее время изъ разныхъ мѣстъ Россіи, невозлагало на меня обязанности передать ихъ для свѣдѣнія Публики, а потому и продолжать изданіе Отечественныхъ Записокъ въ настоящемъ 1830 году.

Цѣль и планъ ихъ остается по прежнему. Позволяю себѣ только, для большаго разнообразія, помѣщать иногда сцены изъ оригинальныхъ характерныхъ Русскихъ трагедій и комедій въ стихахъ, національныя Русскія пѣсни и баллады, съ историческими примѣчаніями, и т. п.

Отечественныя Записки въ настоящемъ 1830 году ознакомятъ Читателей и съ шести-

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

Февраль, 1830. № 118.

ПРАКТИЧЕСКІЙ МЕХАНИКЪ ВЪ ГРЯЗОВЦѢ,

Василій Максимовичъ Лебедевъ.

Къ числу необыкновенныхъ, полезныхъ соотечественниковъ, замѣченныхъ мною въ продолженіи десятилѣтнихъ путешествій моихъ по Россіи, неоспоримо принадлежитъ Г. Лебедевъ, практическій механикъ, поселившійся Вологодской губерніи въ городѣ Грязовцѣ. И хотя я не имѣлъ удовольствія познакомиться съ нимъ лично; ибо въ проѣздъ мой чрезъ Грязовецъ въ прошедшемъ 1828 году, его не случилось въ городѣ, онъ занимал-

XLI

ся въ уѣздѣ устроеніемъ вновь прожекипированной имъ мѣльницы, не менѣе того я могу чрезъ собранныя мною на мѣстѣ свѣденія, дать ближайшее понятіе о семъ полезномъ, почтенномъ согражданинѣ.

Отецъ Лебедева служилъ въ Вологодскомъ Губернскомъ Правленіи и, бывъ довольно искуснымъ живописцемъ, обучилъ сына своего рисованью, въ коемъ онъ упражнялся при немъ до 19 году, когда опредѣленъ былъ учителемъ въ Тотемское Уѣздное училище. Въ семъ званіи пробылъ онъ пять лѣтъ, и какъ имѣлъ много свободнаго времени, то, сверхъ должности, предавался врожденной своей страсти къ Механикѣ. Первымъ опытомъ его трудовъ и талантовъ по сей части, было замѣненіе бадей помпами на Леденскихъ соляныхъ заводахъ. Составивъ чертежи и изчисленія сему проэкту, онъ представилъ ихъ, въ 1810 году, Г. Министру

Внутреннихъ Дѣлъ, и въ слѣдствіе онаго былъ вызванъ въ С. Петербургъ, а по апробаціи нынѣшняго Г. Министра Финансовъ Графа Егора Францовича Канкрина, коему поручено было разсмотрѣніе сего проэкта, отправленъ на Тотемскій заводъ для приведенія онаго въ исполненіе. Въ слѣдующемъ году за счастливый успѣхъ награжденъ чиномъ Коллежскаго Регистратора.

Природное любопытство не дозволило Лебедеву долго оставаться на одномъ мѣстѣ: ему хотѣлось повѣрить собственными глазами описанія многихъ механическихъ машинъ, ему хотѣлось убѣдиться во многихъ своихъ предположеніяхъ, и, получивъ отставку, пустился онъ по всѣмъ извѣстнымъ заведеніямъ: обозрѣлъ устроеніе заводовъ Гг. Саблуковыхъ, Берда, Поудсбарда, Вилсона, Кларка, Чесменскаго, Гереня, Елльглумба и многихъ другихъ, замѣчая и кладя на бумагу все, что

могло быть приспособлено къ Русскому хозяйству и сколь можно болѣе упрощено. Слѣдствіемъ сихъ наблюденій и трудовъ для пользы общественной были разные проэкты, представленные имъ Правительству и Вольному Экономическому Обществу, за кои получилъ онъ въ награду пять золотыхъ медалей, въ томъ числѣ: за отдѣленіе черныхъ зеренъ изъ ржи и дѣланіе камеди изъ древесныхъ мховъ, и за разведеніе крапу и хмѣлю. Сверхъ того, въ поощреніе полезныхъ трудовъ своихъ, имѣлъ онъ отъ Правительства болѣе 10 денежныхъ награжденій. Наконецъ Г. Лебедевъ избранъ кореспондентомъ всѣхъ Россійскихъ хозяйственныхъ Обществъ, т. е. С. Петербургскаго, Московскаго и Бѣлорусскаго.

Посѣлившись въ Грязовцѣ, Василій Максимовичъ приноситъ величайшую пользу сему отдаленному краю, какъ собственно своимъ искуствомъ въ

построеніи мѣльницъ и разнаго рода механическихъ заведеній, такъ и снабженіемъ слѣдующихъ машинъ своего изобрѣтенія, кои всегда можно получить у него за весьма дешевую цѣну, съ подробнымъ описаніемъ производства и вѣрнымъ маштабомъ.

Земледѣльческія машины.

1.) Молотильная конная, дѣйствующая посредствомъ ремня, вѣетъ и очищаетъ солому. Двухъ мущинъ съ осьмью женщинами и одною лошадью достаточно для обмолотки на сей машинѣ 1500 сноповъ въ часъ.

2.) Молотильная конная, безъ вѣйки, впрочемъ одинаковаго съ прежнею дѣйствія.

3.) Молотильня съ придѣлкою къ вѣтреной мѣльницѣ для помолу такъ, что въ случаѣ безвѣтрія только молотитъ, вѣетъ и очищаетъ солому.

4.) Молотильня съ придѣлкою къ водяной мѣльницѣ, одинаковаго съ предъидущею дѣйствія. Къ симъ машинамъ потребно людей двойное количество противу первыхъ, за что и молотятъ вдвое.

5.) Молотильня ручная, съ вѣйкою. Одинъ мужщина и четыре женщины молотятъ въ часъ до 1000 сноповъ.

6.) Молотильня ручная безъ вѣйки; дѣйствіе одинаковое и обѣ подвозятся лошадью къ ригамъ или овинамъ.

7.) Вѣйка безъ колесъ, легчайшая, подвижная. Человѣкъ дѣйствуя оною въ часъ вывѣиваетъ 4 четверика.

Пр. Механизмъ означенныхъ машинъ столь упрощенъ, что по сіе время въ Россіи не имѣется имъ подобныхъ пользою и выгодами; ибо вмѣсто чугунныхъ колесъ съ рубчатыми цилиндрами и шестерней, барановъ и решетъ желѣзныхъ, замѣняетъ вездѣ

дерево, превосходя въ прочности и дешевизнѣ дорогіе матеріялы.

8.) Орало или косуля, превосходнѣе степныхъ и Малороссійскихъ плуговъ, гдѣ одинъ человѣкъ съ лошадью въ 6 часовъ пашетъ десятину.

9.) Плугъ двоебороздный, который, на одну сторону въ разъ валитъ два пласта. Дѣйствуется двумя лошадями.

10.) Жатвенная, посредствомъ коей одинъ человѣкъ съ лошадью въ 6 часовъ скашиваетъ десятину, безъ потери зеренъ и соломы.

11.) Лекало для ковки жерновъ, по коему выкованныя мѣлютъ вдвое противъ обыкновенныхъ жерновъ.

12.) Рѣзка для соломы скоту, дѣйствующая однимъ противъ двѣнадцати.

13.) Машина для выдергиванія пней, подвозная, дѣйствующая 2-мя человѣками съ лошадью противъ 20 человѣкъ.

14.) Колесо измѣрительное для верстъ, десятинъ и саженъ.

15.) Колесо для десятинъ и саженъ, коимъ двое съ лошадью нарѣжутъ до 100 десятинъ днемъ съ вѣрностію.

Заводскія машины.

16.) Колпакъ винокуренный съ холодильникомъ, придѣлываемый ко всякимъ кубамъ. По напуску браги въ кубъ идетъ не рака, а прямо пенное и полугаръ, котораго изъ 9 пудъ муки выходитъ 8½ вѣдръ. Потребно дровъ на 1000 вѣдръ 12 саженъ. Всякой винокуръ, неучась можетъ имъ дѣйствовать, а кубъ виногонной съ витыми трубами, чаны холодильныя и раковки уничтожены. Колпакъ и холодильникъ работаются изъ листоваго желѣза и покрываются секретной эмалью, сопротивляющеюся парамъ и ржавчинѣ. Матеріалу пойдетъ не болѣе какъ на 100 руб. на оба снаряда.

17.) Колпакъ водошной для приготовленія лучшаго спирту.

18.) Механизмъ холодильника гнать въ одинъ разъ съ трехъ кубовъ полугаръ.

19.) Заторная, коею двое съ лошадью, дѣйствуютъ противъ 10 человѣкъ.

20.) Бассейнъ искуственный, вмѣсто 6-ти558 чановъ бражныхъ замѣняющій одинъ безъ желѣза.

21.) Двѣ помпы водоподъемныя, коими одинъ человѣкъ поднимаетъ въ часъ до 3000 вѣдръ и на 12 саженъ высоты.

22.) Пильная, дѣйствующая человѣкомъ съ лошадью, напиливаетъ дровъ противъ 12 человѣкъ.

23.) Кирпичная подвозная, въ 12 часовъ 4 человѣка выдѣлываютъ до 20000 кирпичей.

24.) Кирпичная съ черепицой и карнизомъ, дѣйствуетъ такъ же.

25.) Глиномятная подвозная, коею двое и пара лошадей въ 12 часовъ сработаютъ противъ 200.

26.) Придѣлки къ старымъ и новымъ мѣльницамъ, дѣйствующія водой, вѣтромъ и 2 лошадьми. Одно колесо и ремень боковымъ обращеніемъ при неподвижной плитѣ, принаровленное къ жорнову, мѣлетъ всякое жито вдвое болѣе дорогихъ камней. Колеса, кулаки, шестерни, веретена, жабки, сырцы и кужлевины, все уничтожено. Дважъ точила и плита стоятъ 60 руб, желѣза — 3 пуда 12 руб., ремень 10 руб.

27.) Мѣльница поштенная однимъ колесомъ водянымъ съ кирпичнымъ маховикомъ, приводитъ въ дѣйствіе три постава жерновъ.

28.) Пильная водяная поштенная, которая однимъ колесомъ въ разъ пилитъ до 6 деревъ на сколько угодно рѣзовъ. Мотыль и сани ненужны,

пилы же круглыя изъ листоваго желѣза съ секретной закалкой.

29.) Пильная съ придѣлкой къ вѣтренымъ и мукомольнымъ мѣльницамъ; сложность таже, пилитъ два бревна въ разъ.

30.) Печь изъ кирпича механическая для солодовенъ, ригъ и комнатъ, замѣняющая теплотой восемь печей.

31.) Пожарная труба вся изъ дерева съ деревяннымъ рукавомъ.

32.) Маслобойна Голландская, гдѣ одинъ человѣкъ съ лошадью сѣмя толчетъ, сѣетъ, завариваетъ, поджариваетъ, затираетъ, клинья бьетъ и забойникъ назадъ выколачиваетъ, все съ одного ходу. Выходъ масла изъ пуда двумя фунтами болѣе.

Мануфактурныя машины.

33.) Мялка, трепальна и чесалка съ придѣлкою къ молотильной, дѣйствующая двумя лошадьми.

34.) Ручная мялка, трепальна и чесалка, на коей одинъ человѣкъ сработаетъ противъ 20.

35.) Ручная чесалка для конопля и льну, дѣйствующая однимъ противъ 20 человѣкъ.

36.) Прядильна отъ 4 до 16 веретенъ, для тонкихъ шерстей и пуховъ.

37.) Англинская сновальня, навивающая за одинъ разъ пряжу.

38.) Англинской самоткачъ, для сукна, вытыкаетъ въ 16 часовъ половинку армейскаго сукна. Одинъ цѣвошникъ къ 2 станамъ потребенъ съ лошадью, приводящей въ дѣйствіе 24 стана.

39.) Прачешная для миткалей, полотенъ, господскаго бѣлья, дѣйствующая однимъ противъ 12 человѣкъ.

40.) Опальная для миткалей, коленкору при печатаніи ситцовъ.

41.) Галандра для ситцовъ и полотенъ.

Цѣна моделямъ.

1.) Молотильня конная съ вѣйкой и граблями въ одну лошадь . . . . 30 руб.
2) Молотильна конная, безъ вѣйки . . . . 30 —
3.) Молотильна, — придѣлка къ вѣтреной мѣльницѣ. 30 —
4.) Молотильна — придѣлка къ водяной мѣльницѣ . 35 —
5.) Молотильна ручная съ вѣйкой . . . . 20 —
6.) Молотильна ручнаяжъ безъ вѣйки. . . . . . 20 —
7.) Вѣйка ручная безъ колесъ. 20 —
8.) Орало или косуля. . . 20 —
9.) Плугъ двоебороздный . 20 —
10.) Жатвенная для всякагѡ жита. . . . . 20 —
11.) Лекало для ковки жерновъ . . . . 20 —
12.) Рѣзка для скота . . . 20 —
13) Пнидергательная . . . 20 —
14.) Колесо верставое. . . 20 —

15.) Колесо десятинное . . 20 Руб.
16.) Колпакъ съ холодильникомъ виногонной . . . 30 —
17.) Колпакъ водошной съ механизмомъ . . . . 20 —
18.) Механизмъ для трехъ кубовъ . . . . 30 —
19.) Запорная . . . . 30 —
20.) Бассейнъ бродильной бражной . . . . 25 —
21.) Помпы водоподъемные . 20 —
22.) Пильная для дровъ . . 25 —
23.) Кирпичная. . . . . . . 20 —
24.) Кирпичная съ черепицей и карнизомъ . . . 20 —
25.) Глиномятная . . . . . 20 —
26.) Придѣлки къ мѣльницамъ, дѣйствуя безъ жерновъ, точилами по . 100 —
Къ онымъ же придѣлки молотиленъ съ вѣйками вообще по. . . . . . . 150 —
27.) Мѣльница трехъпоставная . . . . 40 —

28.) Пильная водяная для лесу . . . . 40 Руб.
29.) Пильная вѣтреная . . — —
30.) Печь механическая . . 20 —
31.) Труба пожарная . . . . 20 —
32.) Маслобойна Голландская. 75 —
33.) Мялка, трепальна и чесалка . . . . 40 —
34.) Мялка, чесальна ручная. 25 —
35.) Чесальна ручная . . . 20 —
36.) Прядильна на четырехъ веретенахъ . . . . . . 50 —
37.) Прядильна на 10 веретенахъ . . . . 100 —
38.) Англинская сновальна . 25 —
39.) Самоткачъ Англинской. 50 —
40.) Прачешная для бѣлья . 20 —
41.) Опальная . . . . 20 —
42.) Галандра. . . . . 20 —
43.) Секретная для гоненія спирта, употребляемаго для приготовленія водокъ . . . . 25 —

ДОГОВОРНАЯ
ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА,

Составленная и подписанная въ 1634 году Полномочными Послами Рускими и Польскими объ отреченіи Владислава, Короля Польскаго отъ Престола Московскаго и отъ всѣхъ Царскихъ титуловъ Россійскаго Государства.

(Продолженіе.)

А для успокоенія Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичю всея Русіи Самодержцу Его Царскому Величеству велѣти послать дворянъ съ наказы и съ грамоты и велѣти тѣ всѣ городы, которыхъ съ повелѣнія Великаго Государя нашего Царскаго Величества бояръ и всего Россійскаго Государства, мы бояре и великіе послы поступились великому Государю Владиславу Королю, ихъ Коруне Польской и Великому Княжеству Литовскому отдати Королев-

скаго Величества дворяномъ, которые будутъ для того присланы со всѣмъ тѣмъ, что въ сей записи выше сего описано по сему договору; а людей, которыхъ приговорено изъ тѣхъ городовъ отпустить и тѣхъ всѣхъ Королевскимъ дворяномъ и державцемъ выпустити до тогоже сроку Московскаго Государства въ городы, гдѣ кому ближе, со всѣми ихъ животы, что у кого есть, безо всякія хитрости и обману, а съ ними въ томъ росписатца, а у нихъ противу того взять письмо за ихъ дворянскими руками, такъ же воеводамъ и дворянамъ Королевскаго Величества, которые будутъ въ отдаточныхъ городѣхъ, изъ тѣхъ изо всѣхъ городовъ Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Руссіи Самодержца Его Царскаго Величества людей духовнаго чину, церковный причетъ и воеводъ и приказныхъ людей и всякихъ служилыхъ и купецкихъ

торговыхъ посадскихъ людей, тѣхъ, которые прибыли послѣ взятья и похотятъ сами, отпустить Великаго Государя нашего Царскаго Величества Московскаго Государства въ городы, кому ближе, съ женами и дѣтьми и съ людьми и со всѣми ихъ животы, что у кого есть, вцелѣ, безо всякія зацѣпки и хитрости по сему договору и на дорогѣ надъ ними хитрости никакія и безчестія не учинить, а которые не хотятъ сами итти и тѣхъ въ неволю не высылати. Такъ и надъ Государевою надо всякою казною и надъ нарядомъ пушечнымъ, которой привезенъ въ тѣ городы внове, хитрости и дурна не учинить ни котораго, и взять городы Великаго Государя Его Царскаго Величества у дворянъ, которые для того будутъ посыланы, съ нарядомъ и со всякими пушечными запасы съ тѣми, съ которымъ нарядомъ и съ пушечными запасы тѣ городы взяты у Литовскихъ Воеводъ и у

приказныхъ людей, а нынѣ будетъ тотъ нарядъ и пушечные запасы въ лицахъ, а что будетъ поистерялось и изгибло въ тѣ поры, какъ тѣ городы имали и того не спрашивать, а не имали и того взятого ни которыми дѣлы, а что въ тѣ поры прибавлено наряду и пушечныхъ запасовъ съ Москвы и изъ иныхъ городовъ вновь послѣ взятья, въ которыхъ городѣхъ казна Царскаго Величества прислана для ратныхъ людей, деньги и хлѣбъ, и то отдать въ Царскаго Величества сторону сполна, и росписи за ихъ руками дворянскими взять и въ томъ съ ними росписаться, дати имъ противъ того письмо за своими руками и разъѣхатся съ ними смирно, безъ всякія зацѣпки и хитрости надъ ними никакія не учинити по сему договору. А которые Великаго Государя нашего, Его Царскаго Величества, изъ тѣхъ городовъ на уложенной срокъ выпти не успѣютъ, и тѣмъ людямъ тѣ городы къ то-

му сроку очиститъ и отдати на срокъ и самимъ вышедъ постояти на посадѣ или въ сѣлѣхъ и деревняхъ ближнихъ, и покамѣсто подводы по нихъ будутъ и съ Польскую и съ Литовскую сторону ратнымъ и всякимъ людямъ насильства и грабежу и безчестія имъ ни въ чемъ не учинити и отпустить ихъ со всѣмъ вцелѣ, безъ задержанія. Также нарядъ и пушечные запасы и всякое ружье и збруи, что прибыло послѣ взетья, и хлѣбные запасы, что за расходы и нынѣ на лицѣ будетъ, на тѣ сроки вывести не успѣютъ оставитъ въ тѣхъ городѣхъ, переписавъ именно, и отдатъ на лицо Королевскимъ дворянамъ, кто для пріиму присланъ будетъ, или въ тѣхъ городѣхъ державцамъ, и быть тому въ тѣхъ городѣхъ покамѣсто подъ тотъ нарядъ и по всякое ружье и збрую и подъ пушечные и подхлѣбные запасы Царскаго Величества люди пріѣдутъ, и

то все отдать на лицо и отпустить не задержавъ, и на дорогѣ хитрости и никакого дурна державцомъ собою и засылкою и всякимъ Польскимъ и Литовскимъ людямъ грабежу и никакого лиха неучинить, и въ томъ во всѣмъ Королевскимъ дворянамъ или тѣхъ городовъ Державцомъ Царскаго Величества дворяны росписатися, и дать имъ кроптивъ того письмо за своими руками и разъѣхаться съ ними мирно, безо всякія зацѣпки, и хитрости надъ ними никакія ни о чемъ не учинить по сей докончальной грамотѣ, и впредь отъ нынѣшняго добраго сходства межъ Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Өедоровича всея Руси Самодержца Его Царскаго Величества и межъ Великаго Государя Владислава Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго и межъ ихъ Великихъ Государствъ Россійскаго Царствія и Коруны Польскія и Великимъ Кня-

жествомъ Литовскимъ и межъ Наслѣдниковъ Царскаго Величества и потомъ будущихъ Царей Россійскихъ, также и Королевскаго Величества Наслѣдниковъ и потомъ будущихъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ и Государствъ ихъ рати и войнѣ не быть, и на обѣ стороны земель не воевати и не зацѣпляти, и городовъ на чужей земли не ставить и новыхъ мѣстъ не посѣдать съ обѣ стороны, а Великому Государю Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Руси Самодержцу отъ городы, которые нынѣ поступлены къ Польшѣ и Литвѣ, города Смоленска съ путьми и волостьми, что къ нему изстари волостей Еленскаго стану Еловца, Болваницъ, Лазоревщины, Пустосѣлъ, Романовскаго, Копновичь, Молоховъ всѣе что къ ней потягло, Изверовичь Дубровайскаго, Путикатынника, Сплипорѣчья, Руды щули и тѣхъ деревень, что бы-

ли за служилыми людьми и за Архіепископомъ и за монастыри, которые въ Смоленскомъ уѣздѣ, также города Бѣлые съ волостьми и тѣхъ волостей, которые были за служилыми людьми и за монастыри и иныхъ всѣхъ волостей, которые изстари къ Бѣлой потягло города Невля и волостей Невельскихъ, города Себежа и волостей Себежскихъ, города Краснаго и красногородскаго уѣзда, города Чернигова и волостей, города Стародуба и волостей, Новородска - Сиверскаго съ волостьми, города Попова горы съ волостьми, Залѣсья, Бабичь, Свестиловичь, Головна Скорбовичь, Лапичь, города Почепа съ волостьми, города Трупчевска съ волостьми, города Рославля съ волостьми и Велижскія волости всѣ, что къ ней потягло, данныхъ Коруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго земель, которыми онѣ владѣли до сехъ мѣстъ у крайнихъ городовъ, а именно города Икажія съ во-

лостьми, съ города Полоцка съ уѣздомъ, съ пригородки и съ волостьми, города Озерищъ съ волостьми, города Усвяжа съ волостьми, города Мстиславля съ уѣздомъ и съ волостьми, города Кричева съ волостьми, города Вележи съ волостьми, а земля Велижу по старымъ рубежамъ, какъ было въ Витебской землѣ и Торопецкою землею, Витепская земля съ городомъ съ Велижемъ, а съ волостью съ Велижскою къ Витепску, а Торопецкая земля опричь Велижскія области къ Торопцу, также Великому Государю нашему Божіею милостію Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всея Руси Самодержцу и Его Царскаго Величества дѣтямъ и внучатамъ Государямъ нашимъ и Наслѣдникамъ ихъ Государемъ Царемъ и Великимъ Князем Россійскимъ и ихъ Великимъ Россійскимъ государствамъ не воевать и не зацѣплять ничемъ Курляндскіе земли всѣе городовъ, земель, которые

къ Курляндской и къ Ливонской земли належатъ, и которые прежде сего въ перемирныхъ записяхъ съ обѣихъ сторонъ именно написаны, а рубежамъ и въ тѣ городы и въ земли не вступатися, и не воевать, и городовъ не засѣдать, и новыхъ городовъ за рубежомъ не ставить; по сему вѣчному доканчанію, Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всея Руси Самодержцу и Его Царскаго Величества Наслѣдникомъ въ тѣ поступленные городы и уѣзды ихъ не вступати, и титлами тѣхъ городовъ не именоватися, *и кто Россійскихъ* а), которая и Польшѣ и къ Литвѣ издавна надлежитъ потому титлу, что Великій Государь нашъ Его Царское Величество описуется на своихъ великихъ Государствахъ всея Руси, ни чѣмъ причитанія не имѣти, также Великому Государю Владиславу Коро-

лю Польскому и Великому Князю Литовскому и Корунѣ Польской и Великому Княжеству Литовскому и его Воеводамъ и Державцамъ и Старостамъ и Городничимъ и всякихъ становъ людямъ Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всея Руси Самодержца Его Царскаго Величества великихъ Россійскихъ Государствъ не воевать, не зацѣплять ни чѣмъ Московскіе земли всѣе и Нова-города Великаго и всѣхъ Новгородскихъ волостей и всѣ Новгородскія земли, города Пскова и Псковскихъ пригородовъ: Опочки, Острова, Вельи, Воронеча, Изборска, Вдова, Кобылья, Вревовы, Борадубкова, Вышегорода, Володимерца и волостей Псковскихъ и Псковскія земли всѣе, города Рыльска съ волостьми, города Обла съ волостьми, города Кромъ съ волостьми, города Курска съ волостьми, города Бѣлагорода съ волостьми, города Валуйки

съ волостьми, города Оскола съ волостьми, города Борисова съ волостьми, города Ельца съ волостьми и съ уѣздомъ, города Радагоща съ волостьми, города Карачева съ волостьми до волостей Самовской, Самаритской, и Хотимлясковьска, Хороборамъ, Глина-Дракова, города Серпейска съ уѣздомъ и съ волостьми, города Брянца, города Севiйска съ уѣздомъ и съ волостьми и волостей Соловевичь при Клавнѣ и Пацыни, Ѳедоровскаго Оковнка, Капыничь, Сухаря, Всеславля, Вороцня Жеры и городища Дмитровца, города Путивля съ уѣздомъ и съ волостьми и съ старыми городищи, что къ тому городу изстари потягло и иныхъ украйныхъ мѣстъ, на которыхъ поселились Литовскiе люди на Государевой землѣ въ перемирныя лѣта, мимо прежнихъ рубежовъ и Польскихъ городовъ, города Ливенъ, города Воронежа и города Вязьмы и волостей Вяземскихъ всѣхъ,

*

что къ Вязмѣ изстари потягло, города Лукъ-Великихъ и волостей Лугскихъ, долы Сиберезая у Своялов-ца, Весны, Болота, города Холму и во-лостей Холмскихъ, Велила и Лопас-ницы и Бойце, города Заволоча, тоже и Ржевы пустыя и Ржевскихъ воло-стей, города Торопца и всѣхъ Торо-пецкихъ волостей, города Ржевы, Во-лодимировы, города Старицы, города Осташкова, города Зубцова, и всѣхъ иныхъ городовъ, которые прежъ се-го въ перемирныхъ записяхъ съ обѣ стороны именно написаны, и рубе-жомъ быть всѣхъ городовъ по ста-рымъ рубежомъ, а Торопцы и съ То-ропецкимъ областямъ и съ Ноугод-скимъ землямъ и волостямъ, городу Лукамъ-Великимъ и городу Ржеву и городу Заволонью и волостямъ далѣе Сибирезою до города Усваюловцу, Вес-нѣ, Болоту и города Холму и Холм-скимъ волостямъ, Велилы и Лапасни-цы и Боицу и инымъ волостямъ всея

земли по Угородской съ Литовскою землею, и съ Полочаны, и съ Вивбляны, и съ Велижаны, и съ Сусвятой, и съ Бѣлою, и Евлемъ, и съ Себежемъ землѣ и водѣ быть по старымъ рубежомъ. И Великому Государю Владиславу Королю и Корунѣ Польской и Великому Княжеству Литовскому въ тѣхъ Великаго Государя нашего Божіею милостію Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси Самодержца въ городы, и въ земли, и въ угодья потомужъ не вступатися, и не воевати, и ни чемъ не зацѣпляти, городовъ и слободъ за рубежомъ не ставити, и не посѣвати, и разныхъ людей войною и сторонних не друговъ засылкою не засылать, и чрезъ свои земли не пропущать, и неправдъ ни какихъ не дѣлати; да и во всѣ Великаго Государя нашего Московскаго Государства городы, и уѣзды, Великому Государю Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Литовско-

му, опричь тѣхъ отдаточныхъ городовъ и уѣздовъ, что ему написано именно не вступатися ни которыми дѣлы, и мимо себя на Государевы земли не насылати и хитрости никакіе не чинити, по сему нашему вѣчному докончанію; также и причету никакого къ тѣмъ.ко всѣмъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества городомъ тѣмъ титламъ, что описуетъ въ его Королевской титлѣ Великій Князь Россійскій и ни чѣмъ не имѣти, также особно Папы Рады и великіе Послы Коруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго Ксендзъ Якубъ Жадикъ Бискупъ Хелминскій и Померанскій Канцлеръ Каруны и съ товарищи обѣщалися и закрѣпляютъ съ братью за Государя своего Владислава Короля, за Королевичей за Казимиря, за Александра, и за Орбрехта, и за иныхъ братьевъ-ево, и за ихъ дѣти, что имъ Великаго Государя нашего Царя и Великаго

Князя Михаила Ѳедоровича всея Руси Самодержца Великихъ Россійскихъ Государствъ, всѣхъ городовъ въ уѣзды и волости не вступатися и не воевати, и ни чемъ къ себѣ не присвоивать по сему нашему вѣчному докончанію, и то сіе вѣчное докончаніе держать крѣпко, и не подвижимо, и нерушимо на вѣки. А для размѣжеванія земель его въ сихъ мѣстѣхъ, слати Великимъ Государемъ нашимъ судей на обѣ стороны по ровну, по три человѣка, обсылая о томъ съ порубежными Воеводами какъ пригожа на срокъ Сентября въ КА лѣта ҂АРМТ, а по Римскому келендарю Октября въ Д, ҂АХЛД году; а съ нимъ съ обѣ стороны людямъ быть по сороку человѣкъ опричь старожильцевъ, а выслать судей межъ Путимлянъ до новаго городка Синерскаго, и Трупческа и Почепа; въ другомъ мѣстѣ межъ Брянска, и Рословля и Почепа; въ третьемъ мѣстѣ межъ Серпейска, Смоленскимъ, съ

Вязьмою, съ Дорогобужемъ; въ четвертомъ мѣстѣ промежь Велижи и Велижскія волости и уѣзду, съ Торопцомъ и съ Торопецкимъ уѣздомъ, и промежь Бѣлыя, съ Торопцемъ, со Ржевою, Володимировою, съ Вязьмою; въ пятомъ мѣстѣ размѣжевати Луги Великія, Заволочье, Опочку и иныя земли съ Усвятомъ, съ Невлемъ, съ Краснымъ, съ Себежомъ; а на которыхъ мѣстѣхъ которымъ судіямъ съѣхатися, и по скольку въ которую сторону взять старожильцевъ, и потомъ сослатися судіямъ межь себя; да съѣхався на уложенное мѣсто, судьямъ съ обѣ стороны крестъ цѣловать на томъ, что имъ обоимъ судьямъ старыхъ рубежовъ, и межъ, и граней сыскивати, и земли и угодья, на обѣ стороны разводити въ правду, безо всякія хитрости, и поцѣловавъ, межь тѣхъ городовъ и уѣздовъ межевать, сыскивая старыми грамотами и книгами, будетъ съ обѣихъ сто-

ронъ книги прямые за писцовыми руками, будетъ старожильцы за крестнымъ цѣлованіемъ прямыхъ рубежей доискиваться, и межь тѣхъ городовъ и уѣздовъ съ обѣ стороны учинить рубежи въ правду по старымъ рубежамъ, а судьямъ быть съ обѣ стороны съ мѣрою такимъ людямъ, которые бы въ выти и въ десятины мѣрити умѣли; а въ которыхъ въ порубежныхъ мѣстѣхъ, въ которую сторону чужая земля, или угодья выйдутъ клиномъ, и судьямъ, которые съ обѣихъ сторонъ на то будутъ высланы, тѣ земли и угодья размѣнять; которые земли и угодья Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества Московскаго городовъ вдалися въ тѣ земли, которые належатъ къ Корунѣ Польской и Великому Княжеству Литовскому, и тѣ отвѣсть въ ихъ сторону, также которые земли Коруны Польскія и Великаго Княжества Литовскаго вдалися въ земли Великаго

Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Θедоровича всея Руси Самодержца, Его Царскаго Величества, и тѣ земли отвести, Великаго Государя нашего въ сторону, разсмотря о томъ судьямъ и старожильцамъ и сыскавъ накрѣпко по землямъ и по угодьямъ, какъ будетъ пригоже, чтобъ людьми пашенными на обѣ стороны по ровну и земля земли, и угодья угодью, стоилъ, и рубежи учинити по прямому сыску, чтобъ впередъ ссоры не было. А покамѣстъ тѣмъ землямъ замѣна не учинится, а въ которыхъ мѣстахъ и не Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества люди къ своимъ землямъ и угодьямъ ѣздятъ чрезъ Королевскаго Величества земли, также и Королевскіе люди къ своимъ землямъ и угодьямъ ѣздятъ черезъ Царскаго Величества земли, и тѣмъ людямъ на обѣ стороны къ своимъ землямъ и угодьямъ ѣздити путь чистъ, безо всякія за-

цѣпки, а которые земли засѣдати вновь на обѣ стороны, а по сыску и по размѣжеванію съ обѣ стороны судъ, и за крестнымъ цѣлованіемъ, въ которой сторонѣ быти не доведется, и судьямъ розыскавъ накрѣпко, тѣ земли очистить и отвести въ сторону, въ которую по прямому сыску и межеванью належатъ въ правду безъ проволочки; а въ которыхъ мѣстѣхъ въ невеликихъ земляхъ ихъ и выгодъ какъ учинится споръ, и тѣ спорные невеликіе мѣста судьямъ развести по разсмотрѣнію, или раздѣлить на полы, или отвести съ дерномъ, по земляному обычаю, положа землю на голову и поцѣловавъ крестъ съ клятвою, итти по землѣ старожилцомъ, а большіе спорные мѣста велѣти старожилцомъ лутчимъ людямъ, кто достаточно знаетъ отводить, съ образомъ, а съ Польскую и съ Литовскую сторону старожилцомъ итти со крестомъ за крестнымъ цѣлованьемъ,

а давать на волю тое стороны старожилцомъ, у которыхъ учнуть вступатися самимъ, они отведутъ или другіе стороны старожилцомъ дадутъ; а буде старожилцы съ объ стороны учинятъ въ томъ споръ и похотятъ спорные земли и угодья отводить, обо старожилцы съ образомъ, сказывая другъ на друга какіе причины, и судьямъ тѣмъ старожилцомъ дати жеребей, да которые старые и старожильцомъ съ жеребія тѣ спорные земли и угодья доведутся отвести, къ тѣмъ и велѣти отвести съ образомъ же цѣловавъ крестъ, да гдѣ и въ которыхъ мѣстѣхъ земли и угодья всякіе розмѣжуютъ и развѣдутъ, и судьямъ на тѣхъ межахъ велѣть на деревехъ на знатныхъ грани потесать и въ земляхъ ямы покапать и въ спорныхъ земляхъ въ ямы признаки покласть, и надъ тѣмъ насыпать курганъ, и иные всякіе знаки учинити и написати тѣ межи и грани и вся-

кіе признаки, и старожилцомъ имена въ межеванныхъ грамотахъ имянно во всѣхъ мѣстѣхъ, гдѣ какова признака учинена, а и тѣмъ межевальнымъ грамотамъ обоимъ судьямъ и сторожилцомъ или отцомъ духовнымъ руки приложить, и были бы межеванные на обѣ стороны ровны за обѣихъ судей и старожилцовъ руками и за судейскими печатями и тѣми межеванными грамотами судьямъ на обѣ стороны размѣняться, чтобъ то и впередъ было крѣпко и нерушимо безъ спору, а которыхъ земель нынѣшней осени до зимы судьи развести не успѣютъ, и судьямъ межъ себя учинити договоръ полюбовной какъ имъ опять и на которой срокъ для довершенія размежеванью тѣхъ земель съѣхатися, а написавъ полюбовной приговоръ о срокѣ, и къ тому приговору судьямъ съ обѣ стороны руки приложити и размѣняться тѣми приговоры за руками на обѣ стороны;

чтобъ никто никакаво въ томъ недовершенье вины не подносилъ, а съѣхався на уложенной срокъ, о тѣхъ земляхъ розсправу и межеваніе въ правду совершить, а того судьямъ смотрѣть и въ отлошку не ставить, чтобъ тѣ дѣла больше году въ отволокѣ не были, чтобъ за то межъ Великихъ Государей и ихъ Государствъ нелюбовь не всчиналася, а въ которыхъ мѣстѣхъ судьи съ обѣ стороны учинятъ споръ, и дружно мѣжъ, за какими мѣрами ни буди не учинятъ и не розведутъ, и Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всея Руси Самодержцу, Его Царскому Величеству, и Великому Государю Королю Владиславу и паномъ радѣ, обослався Посланники и гонцы, выслать другихъ ардей и думныхъ людей и пановъ радныхъ и о тѣхъ спорныхъ земляхъ и угодьяхъ розыскать всякими сыски на крѣпко, и по сыску

рубежи учинить, и то дѣло вершить въ рубежахъ въ правду и въ книги написать именно, а докончанія тѣмъ не нарушать и не розрывать отнюдь ни которыми дѣлы, а купцомъ Польскимъ и Литовскимъ и со всѣхъ земель Коруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго и Великаго Государя нашего Россійскаго Государства въ городы пріѣзжать со всякими товары, опричь царствующаго града Москвы и за Московскихъ городовъ, и торговать на всякой товаръ, а пріѣхавъ имъ и отъѣхать добровольно безо всякихъ зацѣпокъ, а таможенные пошлины платить по старинѣ какъ было изстари, безъ прибавки, а въ неволю Воеводамъ и Дьякомъ и всякимъ приказнымъ людемъ товаровъ на себя не имати и нецѣнити и безъ цѣны не имать и лишнихъ никакихъ съ купецкихъ людей на обѣ стороны не имать, а Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя

Михаила Өедоровича всея Руси Самодержца его Царскаго Величества всѣхъ Россійскихъ Государствъ торговымъ и со всѣхъ земель во всѣ городы Коруны Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго, опричь Вильны и Кракова, пріѣзжать со всякимъ товаромъ и торговать по томужъ на всякой товаръ, а пріѣхать имъ и отъѣхать добровольно безо всякихъ зацѣпокъ, а таможенные всякія пошлины въ Польшѣ и въ Литвѣ платить имъ по томужъ, почему емлютъ въ Московскомъ Государствѣ, рублевую пошлину съ Польскихъ и съ Литовскихъ купцовъ въ правду безъ прибавки, чтобъ было на обѣ стороны ровно, а лишнихъ пошлинъ на обѣ стороны не имати и товаровъ ихъ въ неволю не цѣнить и на безцѣнокъ не имать и обидъ и насильства и задержанія гостемъ и купцомъ нечинить, чтобъ былъ на обѣ стороны торгъ повольной, а буде Коруны Поль-

скіе и Великаго Княжества Литовскаго съ Послы и съ Посланники пойдутъ Литовскіе гости и торговые люди въ Московское Государство съ какими товары ни буди, и въ ту пору купцомъ Польскимъ и Литовскимъ и въ стольной градъ Москву ѣхать и торговать воля, а опричь Пословъ и Посланниковъ Литовскимъ купцомъ въ царствующій градъ Москву и въ за Московскіе городы неходить, а пропущати ихъ со всякимъ товаромъ черезъ Московскаго Государства городы безо всякихъ зацѣпокъ съ проѣзжими грамотами, а какъ Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михайла Ѳедоровича всея Руси Самодержца Его Царскаго Величества съ Послы и съ Посланники гости и торговые люди пойдутъ въ Польшу и въ Литву съ какимъ товаромъ ни буди, и въ ту пору и торговымъ людямъ съ Послы ѣхати въ Польскіе и въ Литовскіе городы и

въ Вильну и въ Краковъ и въ Варшаву и въ Люблинъ для ярмонки и торговать повольно, на всякой товаръ, а паномъ радѣ и приказнымъ людямъ у тѣхъ гостей и у торговыхъ людей въ неволю товаровъ невелѣти отымать и на безцѣнокъ не имать и покупать повольною торговлею и пропускать ихъ со всякимъ товаромъ черезъ свои земли безо всякихъ зацѣпокъ и при Послѣхъ таможенныхъ пошлинъ и при Посланникахъ у гостей и у купцовъ на обѣ стороны въ Московскомъ Государствѣ и въ Польшѣ и въ Литвѣ не платить по прежнему обычаю, какъ бывало прежде сего.

(Оконч. въ слѣдующей книж.)

ОТРЫВОКЪ

Изъ походнаго Дневника Егерьскаго Офицера.

На другой день послѣ взятія кр. Варны (30 Сентября), полкъ нашъ (19 Егерьскій), находившійся на Южной сторонѣ сей крѣпости, въ цѣпи и редутахъ, которыя были устроены противъ оной, между моремъ и рѣкою Варною (1), получилъ приказаніе присоединиться къ отряду Принца Евгенія Виртембергскаго и преслѣдовать войска Омера-Вріони, поспѣшно отступавшія за р. Камчикъ, къ своему сильно укрѣпленному лагерю. —

(1) Рѣка Варна, сливаясь у стѣнъ крѣпости въ море, извѣстна подъ именемъ Лимана и озера Девно.

Еще солнце не оставляло нѣдръ необозримаго моря, которое съ правой стороны разстилалось предъ нами; розовое сіяніе зари отсвѣчивалось въ волненіи моря; надъ крѣпостью и окрестными высотами носился синеватый туманъ; еще росистый, холодный утренникъ былъ ощутителенъ; а готовые Егеря уже тѣснились вокругъ костровъ, давно такъ ярко непылавшихъ, и равнодушно оставляли тѣ самыя баттареи, которыя за день до того защищаемы были до послѣдней капли крови.

Съ гордостію побѣдителей, они поглядывали на смирившуюся Варну — и веселые расказы оживляли ихъ круговины. Въ сихъ, отъ сердца изливавшихся расказахъ, дышала добрая нравственность Русскаго солдата, его любовь къ Отечеству и къ *Батюшкѣ* — Царю, Который раздѣлялъ съ нимъ всѣ трудности и опасности боевой жизни.

Всякъ изъ насъ завидовалъ тѣмъ полкамъ, кои имѣли честь первые вступать въ побѣжденную крѣпость (2).

Вскорѣ мы потянулись на высоты горъ *Куртене*, противолежащихъ крѣпости и миновавъ позицію отряда Генерала Бистрома, который за нѣсколько дней до того съ полками Гвардіи мужественно сопротивлялся натискамъ Омера-Вріона, и вышли на равнину, служившую станомъ сему послѣднему. Отселѣ онъ могъ видѣть: море покрытое нашими кораблями, осажденную крѣпость и красныя знамена брани, развѣвавшіяся на твердыняхъ ея (3). Но каково долженствовало быть удивленіе его и ужасъ, когда вмѣсто сихъ знаменъ, свидѣ-

(2) 13 и 14 Егерскіе полки первые вступили въ крѣпость.

(3) Во время переговоровъ о сдачѣ крѣпости, въ знакъ перемирія на валу развѣвались бѣлыя знамена.

тельствовавшихъ, что крѣпость еще не покорена, онъ усмотрѣлъ нашихъ часовыхъ, которые разхаживали по крѣпостному валу! —

Это объясняетъ поспѣшность ночнаго побѣга его — и безпорядокъ, найденный нами въ оставленомъ станѣ. Тамъ, на каждомъ шагу были видны слѣды всеобщаго страха, наведеннаго на Муссульманъ паденіемъ Варны. —

Загляните въ сей большой шалашъ, который, вѣроятно, служилъ убѣжищемъ Итчь-Агѣ или Юзъ-башѣ! (4) Вотъ ложе, кажется, еще недавно оставленное — и возлѣ него опрокинутая съ угольями жаровня; тамъ въ углу валяется кушакъ и туфля, въ другомъ коффейникъ и дребезги разбитыхъ чашекъ (5)!

---

(4) Итчъ-Агами называются домашніе Офицеры при особѣ Паши; Юзъ-Баша начальникъ сотеннаго отряда; Бимъ-Ваша — *Тысяченачальникъ.*

(5) Не знаю, почему Туркамъ приписываютъ слишкомъ большое употребленіе коффе.—

Взойдите подъ сей длинный навѣсъ: вотъ привязанная, осѣдланная лошадь (6), которая напрасно ожидаетъ хозяина; другая и третія — бродящія между покинутыми шалашами. Здѣсь опрокинутыя повозки съ патронными ящиками, палатками; тамъ разсыпанный порохъ, ядра. Пойдемъте еще впередъ: вотъ земля увлаженная кровью животныхъ, вотще приготовленныхъ къ снѣди, — и чаны наполненныя водою, подъ которыми еще курятся головни! Но не устремляйте взора вашего далѣе, или страшное зрѣлище представится вамъ!....

Правда, они приготовляютъ его нѣсколько разъ въ день и пьютъ безъ сахару съ гущею; но за то изъ такихъ маленькихъ чашечекъ, которыя составляютъ едва ли не 6-ую часть обыкновенной нашей чайной чашки. Для сихъ чашечекъ есть такіе же маленькіе кофейники.

(6) Турки имѣютъ въ обыкновеніи, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, никогда не разсѣдлывать лошадей своихъ.

Граждане Афинскіе, временъ Перикловыхъ! могли ли вы подумать, что подъ прекраснымъ небомъ вашимъ, въ мѣстахъ, гдѣ еще въ юношествѣ міра развивались успѣхи разума человѣческаго, въ отчизнѣ великихъ мужей, въ странѣ, отколѣ Европа заимствовала Законы и Вѣру, Художества и Науки; могли ль вы подумать, что въ сей плодороднѣйшей, поэтической странѣ, (которую можно бы назвать старшею сестрою Италіи), поселятся полудикіе дѣти мертвенныхъ пустынь и палящаго зноя? — Что они изгладятъ просвѣщенные слѣды ваши, и несчастныхъ потомковъ подавятъ желѣзнымъ игомъ Деспотизма? . . .

Такъ, я видѣлъ надъ сими свѣжими насыпями, подъ коими, безъ сомнѣнія, были зарыты убитые въ сраженіяхъ Турки, картину ужаснаго варварства: трупы человѣческіе, искаженные лютостію въ высочайшей

степени; кровь невинныхъ жертвъ, падшихъ за вѣру и отечество, въ ночь побѣга Омера-Врiони, стекая въ долину, образовывала ручей, подобныхъ коему я никогда не желалъ бы встрѣчать.

Но накинемъ завѣсу еще на подобныя подробности, дабы не оскорбить чувствительныхъ сердецъ... (7)

По узкимъ, лѣсистымъ, испорченнымъ дорогамъ мы шли все далѣе, повсюду встрѣчая свѣжiе слѣды стре-

(7) Многiе Турецкiе Офицеры увѣряли меня, что Султанъ Махмудъ запретилъ войскамъ своимъ поступать съ плѣнными съ тою свирѣпою жестокостью, каковой въ продолженiе нынѣшней компанiи, мы бывали свидѣтелями. Но какъ у Турокъ сiе вошло издревле въ обыкновенiе и оно льститъ природной ненависти ихъ къ Европейцамъ; то должно полагать, что оно не скоро искоренится. Многiе Паши досель благопрiятствуютъ симъ поступкамъ; тѣже, кои начинаютъ запрещать, не могутъ однакоже не позволить подчиненнымъ своимъ ограбить плѣннаго и одежду его, въ особенности мундиръ, изорвать на тысячу клочковъ.

мительнаго бѣгства войскъ Омера-Вріони.

Вскорѣ соединился съ нами Лейбъ-Гвардіи Конно-Егерьскій полкъ, имѣвшій тоже назначеніе. Нельзя было не восхищаться, глядя на сихъ красивыхъ всадниковъ, совершившихъ столь далекій и трудный походъ, ни мало не потерявъ того блеска, которымъ нѣкогда онъ удивлялъ жителей Петрополя.

Мы остановились въ двухъ верстахъ отъ р. Камчика. — Еще недоходя до назначеннаго намъ мѣста, я былъ сильно растроганъ картиною, которая неожиданно представилась мнѣ въ одной горной, живописной долинѣ, достойною и кисти и пера искусныхъ. Два Козака, Лейбъ-Гвардіи Козачьяго полка, отдавали послѣдній долгъ товарищу своему, убитому за нѣсколько часовъ до того. Подлѣ зарываемой могилы, орошенной непритворными

слезами, какъ печальный мавзолей, стояла красная пика, на коей висѣли окровавленныя одежды убитаго, вѣрная сабля, лишенная сильной руки, и мѣткаго взора — пистолеты.

Вблизи, подъ тѣнистою ивой,
Съ полураспущенною гривой
Стоялъ, лишенный сѣдока,
Любимецъ смѣлый Козака.
Увы! въ пріютъ родной станицы
Ты не примчишь его назадъ;
О немъ не разъ вздохнутъ дѣвицы,
Застонутъ мать, сестра и братъ.
И въ ихъ кругу отецъ, о сынѣ
Промолвитъ, прослезясь, въ кручинѣ:
»Онъ палъ, какъ должно Козаку,
Гоня невѣрныхъ къ Камчику.

Мы простояли неболѣе осьми дней въ лѣсныхъ бивуакахъ нашихъ, и 8-го Октября двинулись обратно къ Варнѣ. Какое-то особенное чувство возникло въ груди моей, когда я приближался къ стѣнамъ новопокоренной крѣпости, дотолѣ незнавшей побѣдителя. Чувство, которое нельзя вы-

разить словами, но которое поймутъ всѣ, участвовавшіе въ какомъ либо славномъ подвигѣ.

Проведя два мѣсяца съ половиною въ редутахъ и шанцахъ, подъ полетомъ непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, я не смѣлъ навѣрное думать, что буду — когда нибудь — въ Варнѣ, и только иногда прибѣгалъ къ помощи зрительной трубы и вооруженнымъ взоромъ разсматривалъ внутренность крѣпости. Но вотъ не прошло послѣ того двухъ недѣль — и я вступаю съ мирными побѣдителями въ тѣ самыя стѣны, которыя неоднократно грозили мнѣ смертію и къ которымъ было приковано мое любопытство.

Мы пріостановились у стѣнъ Варны, во ожиданіи выѣзда къ полкамъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

Издали Варна имѣетъ много привлекательности: высокія столбы минаретовъ, почернѣвшія башни цита-

дели, красныя черепичныя крыши неощекатуренныхъ домовъ, сливаясь въ одно цѣлое, обѣщаютъ что-то хорошее въ восточномъ вкусѣ. Но ошибется тотъ, кто будетъ судить объ ней по наружности: непріятный, удушающій воздухъ, который несся къ намъ изъ глубины крѣпости, уже сообщалъ нѣкоторое понятіе обо всемъ остальномъ; а разбросанные у самыхъ стѣнъ черепы и кости человѣческія и множество падшаго скота, показывали безобразіе войны и тягостное положеніе, въ какомъ находились осажденные.

Наконецъ, по прибытіи Его Императорскаго Высочества, соизволившаго объѣхать колонны войскъ, которые вступали въ Варну, мы тронулись къ крѣпостнымъ воротамъ.

Первый предметъ, который представился намъ въ крѣпости, были прежніе повелители оной: они сидѣли съ трубками въ зубахъ, грѣясь на

солнцѣ, около пепелищъ и развалинъ домовъ своихъ, разбитыхъ громоносными нашими пушками. Неподвижными очами удивленія они глядѣли на сыновъ Сѣвера. Злоба, которую они питали противъ насъ, невольно выказывалась на лицахъ ихъ. Яркіе цвѣта одеждъ сихъ поклонниковъ Алкорана живо соотвѣтствовали пылкимъ страстямъ ихъ. Вокругъ старикoвъ — дѣти ихъ, не обращая на насъ никакого вниманія, играли и строили пирамиды изъ ядеръ, силясь поднимать тѣ изъ нихъ, кои были потяжелѣе … Счастливый возрастъ!

Страшное разрушеніе! Кажется, въ крѣпости нѣтъ того дома, который не былъ бы болѣе или менѣе поврежденъ въ различныхъ направленіяхъ опустошительнымъ дѣйствіемъ нашей Артиллеріи и Конгревовыхъ ракетъ. Огромный домъ бывшаго Начальника крѣпости, Капитанъ-Паши, мимо котораго мы проходили, былъ

до того изъязвленъ гранатами и бомбами, что нѣкоторыя части онаго угрожали паденіемъ. (8)

Миновавъ обширное кладбище, занимающее пространствомъ едва ли не 5-ю часть крѣпости и усѣянное дикими камнями, поставленными у могилъ, полкъ нашъ вышелъ на сѣверную сторону Варны, гдѣ, во ожиданіи отвода квартиръ, расположились бивуаками. (9)

Не внимая чувству усталости и пользуясь остаткомъ дня, я немедленно пошелъ познакомиться съ городомъ, наблюдая притомъ осторожность — не слишкомъ удаляться отъ

(8) Нынѣ домъ сей передѣланъ и въ немъ устроенъ гошпиталь, въ коемъ можетъ помѣститься до 1000 человѣкъ.

(9) Турки у могилъ чиновниковъ и богачей своихъ ставятъ мраморные или каменные столбы, верхи коихъ имѣютъ видъ чалмы; почти при всѣхъ бываютъ надписи. Христіанамъ, которые находятся въ ихъ владѣніяхъ, не позволено ставить крестовъ надъ могилами.

крѣпостныхъ стѣнъ; ибо на первый разъ страшился ввѣриться, безъ проводника, излучистымъ улицамъ и переулкамъ, которыя разстилались предо мною въ разныхъ направленіяхъ и невольно напоминали о лабиринтахъ древнихъ.

Я жалѣлъ, что случай не позволилъ мнѣ быть въ Варнѣ въ первый или на второй день взятія ея. Очевидцы разсказываютъ, что крѣпость представляла тогда зрѣлище сколь любопытное, столь и печальное: тысячи Турокъ, лишенныхъ пристанища, томимыхъ голодомъ, удрученныхъ ранами и болѣзнями, толпились по улицамъ и на площадкахъ, или укрывались подъ навѣсами мечетей, лавокъ и коффейнъ, съ остатками имуществъ своихъ. (10)

---

(10) Одинъ догадливый маркитантъ, въ день взятія Варны, ввезъ въ нее нѣсколько возовъ бѣлаго хлѣба; чрезъ часъ товаръ его былъ раскупленъ: голодные Турки съ благодарностію

Трупы человѣческіе, лишенные погребенія, валялись по улицамъ; падшіе лошади, рогатый скотъ заражали воздухъ; страшный безпорядокъ и суета господствовали въ крѣпости; разныя отдѣленія войскъ нашихъ, одно за другимъ вступали въ нее. — Смѣтливые Русскіе маркитанты, оборотливые Евреи и корыстолюбивые Армяне и Греки почти за ничто покупали разныя дорогія вещи у Турокъ, принужденныхъ сбывать ихъ; ибо одни шли въ далекій плѣнъ, другіе спѣшили отправиться въ Константинополь. Умилительны были сцены разставанія первыхъ съ послѣдними.— Нельзя сказать, чтобы Турки были совершенно лишены чувствительности: многіе изъ нихъ, въ особенности женщины, оставляя Варну, приходили на кладбище прощаться

платили за двѣ гривенныя булки — червонецъ въ 12 курушей или левовъ, что составитъ на наши деньги 4 рубля 80 копѣекъ.

съ прахомъ родственниковъ; тамъ, рыдая и творя молитвы, онѣ громогласно произносили какія-то заклинанія, въ которыхъ, вѣроятно, доставалось Русскимъ.

Въ эти дни болѣе 12,000 Турокъ оставили Варну; по 15-е Октября въ ней еще находилось до 7000 человѣкъ (11); весьма немногіе изъ Турецкихъ семействъ воспользовались предоставленнымъ правомъ оставаться въ Варнѣ, подъ защитою Русскихъ войскъ.

---

(11) Къ 15-му Октября было первое исчисленіе жителей Варны, коихъ оказалось:

Грековъ	муж.	пола	1659,	жен.	2032,	и	того	3691.
Армянъ	»	»	382,	»	472,	»	»	854.
Булгаръ	»	»	152,	»	351,	»	»	503.

Вообще 5048,

кромѣ Турокъ и пріѣзжихъ.

Домовъ жилыхъ въ Варнѣ 1316. — Въ послѣдствіи городъ раздѣлили на четыре части; каждый домъ имѣлъ свой номеръ, по коему могъ быть отысканъ безъ затрудненія.

Какъ день замѣтно склонялся къ вечеру, то я поспѣшилъ выйти изъ крѣпости, которую тщательно очищали; проходя около крѣпостныхъ стѣнъ, я видѣлъ, съ какою дѣятельностію наши Піонеры занимались изглаживаніемъ вреда, нанесеннаго валу и стѣнамъ русскими ядрами; Артиллеристы вооружали баттареи, — и все показывало, что Варна чрезъ нѣсколько дней могла бы вновь выдержать съ лучшимъ успѣхомъ продолжительную осаду.

Павелъ Должиковъ.

БИСАВРЮКЪ,

ИЛИ

ВЕЧЕРЪ НАКАНУНѢ ИВАНА-КУПАЛА.

Малороссійская повѣсть,

(изъ народнаго преданія)

разсказанная дьячкомъ Покровской церкви.

Дѣдъ мой имѣлъ удивительное искусство разсказывать. — Бывало часъ, два стоишь передъ нимъ, глазъ не сводишь, вотъ словно приросъ къ одному мѣсту: такъ были занимательны его рѣчи; не чета нынѣшнимъ краснобайнымъ балагурамъ, отъ которыхъ, прости Господи, такая нападаетъ зѣвота, что хоть изъ хаты вонъ. Живо помню, какъ бывало въ зимнія долгія вечера, когда мать моя пряла передъ слабо-мелькающимъ каганцемъ,

качая одной ногою люльку и напѣвая заунывную пѣсню, которой звуки кажется и теперь слышатся мнѣ, собирались мы, ребятишки, около стараго дѣда своего, по дряхлости уже болѣе десяти лѣтъ неслѣзавшаго съ печи. И тутъ-то нужно было видѣть, съ какимъ вниманіемъ слушали мы дивныя рѣчи: про старинные, дышавшіе разгульемъ годы, про Гетманщину, про буйные наѣзды Запорожцевъ, про тиранскія мучительства Ляховъ, про удалые подвиги Подковы, Полтора-кожуха и Сагайдачнаго. Но намъ болѣе всего нравились повѣсти, имѣвшія основаніемъ какое нибудь старинное, сверхъ-естественное преданіе, которое нынѣшніе умники безъ зазрѣнія совѣсти не побоялись бы назвать баснею; но я готовъ голову отдать, если дѣдъ мой хотя разъ солгалъ въ продолженіе своей жизни. Чтобы увѣрить васъ въ справедливости этаго, я хоть

сей же часъ разскажу вамъ одну изъ тѣхъ повѣстей, которыя такъ сильно нравились намъ во время-оно, надѣясь, что и вамъ полюбится.

»Лѣтъ болѣе нежели за сто предъ симъ, еще за малолѣтство Богдана, село наше, говорилъ дѣдъ мой, не похоже было на нынѣшній самой негодной хуторъ: двѣ, три хаты необмазанныя, неукрытыя, торчали среди необозримой пустыни; о существованіи же прочихъ догадывались только по дыму, выходившему изъ земли. — Наши предки не слишкомъ роскошничали и жили большею частію въ землянкахъ, въ которыя свѣтъ проходилъ въ однѣ только двери, а сырость во всѣ стѣны. Вы спросите: отъ чего же они такъ бѣдно жили? Господи, Боже мой! да такія ли тогда времена были, чтобъ роскошничать, когда они немогли удержаться въ своихъ землянкахъ. Не слишкомъ бывало

весело, когда нагрянутъ беззаконныя толпы Ляховъ. А Литва? а Крымцы? а весь этотъ заморской збродъ? Да еще лучше: бывало свои, какъ нѣтъ поживы въ невѣрной землѣ, навалятъ ватагами, да и обдираютъ своихъ же. Ужъ прямо лихое было времячко!

Въ этой-то деревушкѣ имѣлъ притонъ свой — человѣкъ, или, лучше сказать, самъ чортъ въ образѣ человѣческомъ. Чемъ онъ занимался, это одинъ Богъ зналъ: днемъ онъ былъ почти невидимка; одни разсказывали, что будто онъ гайдамачилъ по захолустьямъ, обдирая проѣзжихъ купцовъ; другіе, что у него въ лѣсу былъ шалашъ, совершенно похожій на лавку, въ какой обыкновенно у насъ во время ярмонки Жидовки продаютъ горѣлку. Тѣже, которымъ случалось проходить мимо этаго бѣсовскаго гнѣзда, утверждали, что слышали какой-то странной, безсмысленной шумъ и рѣчь совершенно не нашу.— Ночью же только

и дѣла, что пьяная шайка Бисаврюка (подъ такимъ именемъ былъ извѣстенъ этотъ дивный человѣкъ), ни въ чемъ не уступавшая своему предводителю, съ адскимъ визгомъ и крикомъ рыскала по оврагамъ или по улицамъ сосѣдняго села, которое было несравненно обширнѣе нашего. Понаберетъ съ собою всѣхъ встрѣчавшихся козаковъ, да и давай угощать; деньги сыплются..... водка словно вода.... Пристанетъ, бывало, къ краснымъ дѣвушкамъ, надаритъ лентъ, серегъ, монистъ... ну, такъ, что дѣвать нѣкуда. Правда, что красныя дѣвушки немного призадумывались, принимая подарки: Богъ знаетъ, можетъ быть въ самомъ дѣлѣ они перешли чрезъ нечистыя руки. Родная тетка моего дѣда, содержавшая въ то время шинокъ по нынѣшней Опошнянской дорогѣ, въ которомъ часто разгульствовалъ Бисаврюкъ, именно говорила, что ни за

какія благополучія въ мірѣ не согласилась бы принять отъ него подарковъ; но что прикажешь дѣлать? не взять — бѣда, всякого проберетъ страхъ, особливо когда онъ нахмуритъ свои густыя, толщиною въ палецъ, брови; а возмешь — такъ на слѣдующую ночь какъ разъ и тащится домовой и давай душить за шею, когда на шеѣ монисто, или кусать за палецъ, когда на немъ перстень, или тянуть за косу, когда въ нее вплетена лента. Богъ съ ними со всѣми этими подарками. Рады были отвязаться отъ нихъ, но не тутъ-то было: бросятъ въ воду, глядь — чертовскій перстень или монисто и плывутъ по верхъ воды, да прямо къ тебѣ въ руки.

Въ селѣ находилась церковь во имя *Трехъ Святителей*, шаговъ на 400 отъ нашей Покровской, что можно и теперь видѣть по оставшимся камнямъ отъ фундамента. Притомъ вамъ, я ду-

маю, не безъизвѣстно, что почтенный Шапаръ нашъ Терешко еще недавно, копая ровъ около своего огорода, открылъ необыкновенной величины камень съ явственно вырѣзаннымъ на немъ крестомъ, который, вѣроятно, служилъ основаніемъ алтаря; невѣрящихъ отсылаю къ нему самому лично. При церкви находился Іерей, блаженной памяти Отецъ Аѳанасій. Замѣтивши, что Бисаврюкъ не бывалъ даже и на *Великъ день* въ заутреннѣ и узнавши навѣрное про знакомство его съ Сатаною, рѣшился было порядкомъ пожурить его: наложить церковное покаяніе. Куды вамъ! насилу ноги унесъ. »Послушай, Батюшка!« зарычалъ онъ своимъ бычачьимъ голосомъ: »чемъ тебѣ мѣшаться въ чужія дѣла, знай-ка лучше свое, а не то будь я такой же какъ ты бородатой козелъ, если твоя рѣчистая глотка не будетъ заколочена горячею кутьею.« — Что станешь

дѣлать съ окаяннымъ? Отецъ Аѳанасій объявилъ только, что всякаго, кто зазнается съ Бисаврюкомъ, станутъ считать за католика, за врага Христіянской церкви и всего человѣческаго рода.

Въ томъ самомъ селѣ, гдѣ была церковь во имя Трехъ Святителей, находился въ услуженіи у одного богатаго козака статный и рослый парубокъ, по имени Петро Безродный; такъ называли его потому, что ни одинъ изъ всего села не могъ запомнить никого изъ его родныхъ. Староста помянутой церкви утверждалъ, будто даровавшіе ему жизнь умерли вскорѣ отъ чумы; но тетка моего дѣда явно тому противурѣчила и по великодушію, свойственному впрочемъ всѣмъ женщинамъ, старалась всѣми силами надѣлить его родней, хотя бѣдному Петро было столько же въ ней нужды, сколько намъ въ прошлогоднемъ снѣгѣ. Она говорила, что

отецъ его и теперь на Запорожьи, что онъ былъ полоненъ Турками, что терпѣлъ ни вѣсть какую муку, что послѣ чудеснымъ образомъ избавился, переодѣвшись евнухомъ, и проч. и проч..... За подлинно же намъ извѣстно только то, что до семнадцати-лѣтняго своего возраста Петро былъ главнымъ гетманомъ всего домашняго скота, принадлежавшаго богатому козаку, и надобно сказать, что всѣ красныя дѣвушки рѣшительно признавали его очень пригожимъ дѣтиною; утверждали даже, что если бы его одѣть только въ новый жупанъ, затянуть краснымъ поясомъ, надѣть на голову шапку изъ черныхъ смушекъ съ щегольскимъ синимъ верьхомъ, привѣсить къ боку турецкую саблю, дать въ одну руку *малахай*, въ другую *люльку* въ красивой оправѣ, то врядъ-ли бы кто изъ тогдашнихъ парней поспорилъ съ нимъ въ красотѣ. Но то бѣда, что у бѣднаго Петруся

весь нарядъ составляла смурая свитка съ разноцвѣтными заплатами. Послѣ, когда онъ пришелъ въ состояніе помогать своему хозяину, одѣвали его нѣсколько поприличнѣе; но величайшая бѣда для него была слѣдующая: старый Коржъ (такъ назывался богатый козакъ, у котораго служилъ Петро) имѣлъ дочь, красавицу, какой, думаю, врядъ ли кому нибудь изъ васъ удалось видывать. Тетка покойнаго моего дѣда разсказывала, (а женщины рѣдко говорятъ въ пользу сестрицъ своихъ, особливо когда дѣло идетъ о красотѣ) что полненькія щеки козачки подобились маку самаго нѣжнаго розоваго цвѣта, когда онъ съ раннимъ утромъ томно расправляетъ свои листики и улыбается передъ вырѣзывающимся изъ за горизонта солнцемъ, что черныя какъ смоль ея брови, огибались двумя очаровательными дугами надъ прелестными карими глазками; что ротикъ, на которой глядя

облизывалась тогдашняя молодежъ, кажись, на то и созданъ былъ, чтобъ выводить соловьиныя пѣсни; что ея волосы темно-темно русыя (тогда еще не заплетали ихъ наши дѣвушки въ дрибушки, переплетенныя красивыми ярких цвѣтовъ синдячками,) упадали природными, курчавыми кудрями на богатой, шитой золотомъ кунтушъ. Признаюсь, хоть бы и нашему брату представилось подобное искушеніе, то, не смотря на то, что сѣдь пробирается по всему старому лѣсу, покрывающему мою макушу; не смотря на то, что подъ бокомъ моя старуха, какъ бѣльмо въ глазу; не смотря на все сіе, я готовъ бы разъ двадцать позабыть то и другое — за одинъ взглядъ прекрасной козачки.

Чтожъ теперь сказать о Петрусѣ, котораго сердце было словно сухой хворостъ, вспыхивающій отъ одной неосторожно оброненной искры? нуж-

но ли говорить, что и Пидорка была не прочь отъ красиваго парубка? Отцамъ, какъ и тогда водилось, дѣти почитали за лишнее открываться въ любви, и старый Коржъ никогда бы и не подумалъ подозрѣвать молодежъ, если бы въ одинъ вечеръ чортъ не дернулъ. Петруся, неосмотрѣвшись хорошенько, влѣпить довольно звучный поцѣлуй въ прелестныя губки красавицы, и если бы въ тоже время, этотъ же самый чортъ не дернулъ стараго хрѣна съ дуру отворить дверь хаты. Это явленіе такъ ошеломило его, что онъ долго стоялъ, какъ окаменѣлой, разинувши ротъ и взявшись одною рукою за деревянную задвижку полурастворенной двери. Проклятой поцѣлуй, казалось, оглушилъ его совершенно. Ему почудился онъ несравненно громче, чѣмъ ударъ макогона объ стѣну, которымъ обыкновенно въ наше время мужикъ прогоняетъ кутю, за неимѣніемъ фузеи

и пороха. Очнувшись отъ своего безпамятства, первымъ дѣломъ его было снять со стѣны дѣдовскую нагайку, а вторымъ покропить ею спину бѣднаго Петруся. — Но въ то самое время откуда ни возмись пяти-лѣтній братъ Пидоркинъ — *Ивась*, котораго безъ памяти любилъ онъ, и уцѣпясь ему на шею, давай молить со слезами: »*тату*, *тату!* не бей Петруся.« — Что прикажешъ дѣлать? у отца сердце не каменное; повѣсивъ нагайку на стѣну, онъ выгналъ Петруся по шеямъ, съ строжайшимъ приказаніемъ — не появляться никогда подъ окнами его хаты; въ противномъ случаѣ поклялся всѣми чертями, что неоставитъ въ немъ ни одной косточки цѣлой, присовокупивъ, что и самому его длинному, ровному оселедцю (который у Петро начиналъ уже два раза замотываться около уха) предстоитъ опасность распрощаться съ родною макушею. Во все продол-

женіе сей раздѣлки, Пидорка была ни жива, ни мертва; и тогда только почувствовала вполнѣ свое горе, когда осталась одна среди пустой хаты. — Вспомня случившееся, прижала Ивася къ сердцу, зарыдала и бросилась въ изнеможеніи на лавку. Признаюсь, что глядя на нее и дерево бы заплакало. Ну, да тогдашнія времена были были пожестче нашихъ. Тетка моего дѣда говорила, что не смотря на всѣ усилія отца Афанасія растрогать своихъ прихожанъ проповѣдью, онъ только могъ видѣть широкія ихъ пасти, которыя они со всѣмъ усердіемъ показывали въ продолженіе его рѣчей. — Ничто не могло сравниться съ грустію бѣднаго парубка: только и утѣшенія было у него, чтобъ издали слѣдовать за Пидоркою; послѣ чего съ невыразимою тоскою ворочался онъ въ свою темную хату. Но согласитесь сами, что изъ этаго мало проку, и потому Петро взялся за умъ: давай

думать, какъ бы пособить горю; вотъ и выдумалъ ѣхать на Донъ, пристать къ какой нибудь ватагѣ удалой — воевать Турещчину или Крымцевъ. — Мысль эта словно гвоздь засѣла въ головѣ его: бывало то и дѣла, что видитъ онъ кучи золота; драгоцѣнныя каменья ограбленныхъ иновѣрцевъ безпрестанно чудились ему передъ глазами. Чего не забредетъ въ голову? то иногда представлялся ему радостный пріемъ стараго Коржа, то пріятной испугъ Пидорки, увидѣвшей передъ собою доблестнаго наѣздника, обремененнаго богатою добычею; — какъ вдругъ неожиданное извѣстіе вздуло на вѣтеръ золотыя его думы. Однимъ утромъ, когда онъ едва только приподнялъ голову, отягченную дивными снами, и размахивалъ руками, какъ будто поражая нечестивыя толпы Крымцевъ и Ляховъ, — вбѣжалъ къ нему Ивась и повѣдалъ съ дѣтскимъ простодушіемъ, что

Пидорка ни вѣсть какъ покучила по немъ, что у нихъ теперь какой-то Полякъ, весь въ золотѣ, что старый Коржъ сажаетъ его за столъ подлѣ Пидорки, что гость то и дѣла, что ласкается къ ней, да прислуживаетъ; даритъ перстни одинъ другаго лучше, серьги однѣ другихъ ярче; что Пидорка не принимаетъ, да плачетъ; что *тата* ругается на чемъ свѣтъ стоитъ... и проч. и проч. — Выпуча глаза, какъ безумной, слушалъ Петро лепетаніе Ивася. Часъ цѣлый онъ не могъ опомниться, и что дѣялось въ душѣ его — не намъ то разсказать. Наконецъ онъ махнулъ рукою, будто рѣшившись на что-то; »къ чему тутъ мудрованіе?« сказалъ онъ, »коли пропадать, такъ пропадать!« да и направилъ стопы свои прямехонько въ шинокъ.

Тетка моего дѣдушки удивилась, когда увидѣла Петруся, съ природы трезваго и воздержнаго, вступающаго

въ шинокъ; но удивленіе ея превзошло мѣру, когда онъ потребовалъ въ одинъ разъ полкварты водки, чего самый горькій пьяница врядъ ли въ состояніи былъ выпить.— Но напрасно думалъ онъ потопить свое горе: водка превращалась, казалось, въ палящій огонь и жалила его языкъ, словно крапива. Въ сердцахъ бросилъ онъ фляжку о землю такъ, что дребезги ея разлетѣлись по всѣмъ угламъ хаты. »Полно тебѣ горевать!« загремѣлъ кто-то позади его, и толстая жилистая рука расположилась на плечѣ Петруся. Онъ оглянулся и вздрогнулъ, увидѣвъ передъ собою дьявольскую рожу Бисаврюка. »Знаю,« продолжалъ онъ, »о чемъ твое горе; тебѣ недостаетъ вотъ чего.« Тутъ онъ съ бѣсовскою улыбкою брякнулъ толстымъ кожанымъ кошелькомъ, висѣвшимъ у него около пояса. Петро изумился; перекрестившись и три раза плюнувъ, молвилъ: не даромъ

тебя почитаютъ за дьявола, когда ты знаешь, что еще на мысляхъ у человѣка. — »Гм! землякъ, это не штука узнать, о чемъ думаешь; а вотъ штука — помочь тому, о чемъ думаешь.« — При сихъ словахъ Петро неподвижно уставилъ на него глаза свои. Часто видѣлъ онъ Бисаврюка, но тщательно избѣгалъ съ нимъ всякой встрѣчи; да и кому придетъ охота встрѣтиться съ дьяволомъ! Притомъ въ чертахъ Бисаврюка столько было недобраго, что онъ и безъ заклятія отца Афанасія, ни за чтобы не поздоровался съ нимъ; а теперь былъ готовъ обнять дьявола, какъ роднаго брата. Вѣдь иной разъ навожденіе бѣсовское такъ ошеломитъ тебя, что самъ пресловутый Сатана — прости Господи согрѣшеніе — покажется Ангеломъ. — »Отъ тебя *одного* потребуютъ,« сказалъ *нечистый*, отведя Петро въ сторону. Не смотря на все присут-

ствіе духа, дрожь проняла на сквозь Петруся, когда онъ услышалъ слова сіи; ну, думаетъ себѣ, и до души дѣло доходитъ. Пусть же беретъ меня хоть всего, а Пидорка будетъ моя. — »Отъ тебя одного потребуютъ« — продолжалъ Бисаврюкъ — »одного только дѣла, для твоего же добра.« — Хоть десять дѣлъ давай, только скорѣе деньги. — »Постой, землякъ, не спѣши такъ. Завтра Ивановъ день; смотри же, ровно о полночи, еще до пѣтуховъ, чтобы ты былъ у *волчьей плотины:* перейдя ее, увидишь ты за тремя пригорками, промежъ терновника и бурьяна, много цвѣтовъ: не рви ихъ; но какъ только передъ тобою зацвѣтетъ папоротникъ, сорви его скорѣе, не бойся ничего и не оглядывайся назадъ. Смотри же, не прозѣвай! въ эту ночь только и цвѣтетъ папоротникъ.« *)

*) Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что папоротникъ цвѣтетъ только одинъ разъ въ годъ,

Тутъ они ударили по рукамъ и былъ ли у нихъ *могоричъ*, или нѣтъ, объ этомъ тетка моего дѣда ни слова не сказала. Только Петро какъ полуумный возвратился домой; тысячи мыслей ворочались въ его головѣ словно мѣльничныя колеса, и всѣ около одной цѣли.

Съ какимъ нетерпѣніемъ выжидалъ онъ вожделѣннаго вечера! Цѣлой Божій день то и дѣла, что поглядывалъ, не начинаетъ ли темнѣть, не думаетъ ли солнце прилечь на водные пуховики свои. Но на бѣду его — день, какъ нарочно, былъ предлинной: несносный жаръ усиливалъ тоску ожиданія, и веселыя пѣсни жнецовъ, однѣ только нарушавшія тишину лѣтняго дня, были ему горше полыни. Но вотъ уже солнышко закатилось. Ревъ и блеяніе коровъ и овецъ по-

и именно въ полночь передъ Ивановымъ днемъ, огненнымъ цвѣтомъ. Успѣвшій сорвать его — не смотря на всѣ призраки, ему препятствующіе въ томъ, находитъ кладъ.

слышались въ отдаленіи.... Сердце въ немъ іокнуло.... Вооружившись кіемъ и татарскою кривою саблею, отправился онъ въ назначенное мѣсто.

Немалого труда ему стоило пробираться оврагами и топкими болотными мѣстами, безпрестанно цѣпляясь за густо разросшійся терновникъ и спотыкаясь почти на каждомъ шагу, покамѣстъ не достигъ волчьей плотины. Перешедъ ее, увидѣлъ онъ означенные три пригорка; но цвѣтовъ не нашелъ. Дикой бурьянъ, казалось, глушилъ все своею густотою. Но вотъ, при свѣтѣ блеснувшей молніи, показалась Петро цѣлая гряда цвѣтовъ, все чудныхъ, все невиданныхъ, и между ними обыкновенныя листки папоротника. Съ сомнѣніемъ разсматривалъ онъ это зелье: кажись, чтобы тутъ невиданнаго! Уже онъ начиналъ думать, что Бисаврюкъ затѣялъ посмѣяться надъ нимъ; уже началъ проклинать свое легковѣріе — какъ

вдругъ замѣтилъ небольшую цвѣточную почку, будто движущуюся; чудесная почка начала мало по малу развертываться: что-то вспыхнуло подобно звѣздочкѣ и яркій, какъ огонь, цвѣтокъ развернулся предъ изумленными очами его. Только что онъ протянулъ руку сорвать его, какъ увидѣлъ, что тысячи мохнатыхъ рукъ также тянутся къ цвѣтку. Собравши все присутствіе духа и зажмуря глаза, разомъ дернулъ онъ за стебель, и цвѣтокъ остался въ рукахъ его. Оглянувшись, увидѣлъ онъ Бисаврюка, неподвижно и нѣмо сидѣвшаго на заросшемъ пнѣ, словно мертвеца; только одною рукою показалъ онъ ему мѣсто подлѣ себя. Напрасно спрашивалъ Петро, что ему должно дѣлать? долго ли ждать еще? Хоть бы одно слово въ отвѣтъ: сидитъ, да молчитъ, устремивъ страшныя глаза свои на что-то. Но вотъ послышался свистъ, отъ котораго у Петро захолонуло

внутри. Лице Бисаврюка вдругъ оживилось, глаза засверкали.... »А!« пробормоталъ онъ сквозь зубы, »старая вѣдьма ворошилась на бѣшеной кочергѣ своей. Смотри же, Петро! я тебѣ еще разъ говорю: ты долженъ, во что бы то ни стало, исполнять ея приказанія, не то пропалъ ты навѣки.«

Раздѣляя суковатыми палками терновникъ, добрались они до хаты вѣтхой и низкой, стоявшей, какъ говорятъ въ сказкахъ, на курьихъ ножкахъ. Бисаврюкъ ударилъ кулакомъ, и вся избенка зашаталась; большая черная собака выбѣжала на встрѣчу и съ визгомъ, оборотившись въ кошку, бросилась прямо имъ въ глаза. »Не бѣсись, не бѣсись старая чертовка!« проговорилъ Бисаврюкъ, скрѣпивъ свое прошеніе такимъ словцомъ, отъ котораго бы добрый человѣкъ и уши заткнулъ. Кошка пропала, какъ въ воду канула, и на мѣсто ея явилась сухая, согнутая въ дугу старуха, съ лицемъ

похожимъ, вотъ какъ двѣ капли воды, на печеное яблоко, съ сѣдыми, длинными волосами, еще болѣе увеличившими ея безобразіе. Бѣдной Петро какъ посмотрѣлъ на нее, такъ по спинѣ пошли мурашки. Ну, ни дать, ни взять, сама правовѣрная супруга Сатаны. Когда жъ заговорила она на какомъ-то чертовскомъ нарѣчіи съ Бисаврюкомъ; когда ея сизый носъ, и безъ того бывшій въ дружескомъ сосѣдствѣ съ подбородкомъ, составилъ съ нимъ инструментъ, похожій на клещи, которыми хватаютъ раскаленное желѣзо; когда изо рта у ней посыпались искры и показалась адская пѣна — морозъ подралъ Петро по кожѣ; а нѣчего дѣлать: нужно было слушать вѣдьму, приказавшую ему подбросить цвѣтокъ въ верьхъ, отойдя на небольшое разстояніе и цвѣтокъ, къ величайшему его удивленію, не прямо упалъ на землю, но, долго колебаясь въ воздухѣ — тихо спустился

и такъ далеко, что едва только видна была звѣздочка, величиною въ маковое зерно. »Здѣсь!« глухо прохрипѣла старуха, а Бисаврюкъ, подавая ему заступъ, примолвилъ: »копай здѣсь, Петро! тутъ ты увидишь столько золота, сколько тебѣ еще и не снилось.« Слово: золото, придало Петро рвенія и силъ. Разъ, другой, третій копнулъ заступомъ, какъ и зазвучало что-то твердое, и глаза его ясно начинали различать большой желѣзной сундукъ. Уже онъ хотѣлъ достать его рукою, какъ сундукъ глубже и глубже сталъ погружаться въ землю; и позади его послышалось шипѣніе, походившее на хохотъ, вылетавшее изъ беззубаго, вѣдьмовскаго рта. Досада взяла Петруся; вотъ и вскинется онъ къ ней съ заступомъ; а та, вмѣсто всякаго отвѣта, сунь ему ножъ въ руку, примолвивъ съ адскимъ смѣхомъ, что пока не достанешь онъ человѣческой крови, до тѣхъ поръ кладъ не будетъ

въ его рукахъ. И вотъ, не говоря ни слова, подвела къ нему мальчика лѣтъ пяти, съ накрытою головою, показывая знакомъ, чтобы онъ отсѣкъ ему голову. Онъ обезумѣлъ отъ страха и гнѣва. Шутка ли отрѣзать голову человѣку, да еще и безвинному младенцу! Но ктожъ выразитъ его удивленіе, когда, сдернувъ съ малютки покрывало, узналъ онъ въ немъ Ивася: сложивъ на крестъ ручонки, онъ, казалось, умолялъ его о пощадѣ. Тутъ уже онъ не могъ удержать своего бѣшенства.... Съ тѣмъ же самымъ ножомъ бросился онъ къ вѣдьмѣ и уже было занесъ руку, какъ вдругъ громовой голосъ Бисаврюка »вспомни свою клятву!« поразилъ его, словно пулею. Вѣдьма топнула ногою: синеватое пламя показалось изъ земли и освѣтило всю ея внутренность, и все, что было подъ землею, стало видимо, вотъ какъ на ладонѣ: червонцы и дорогіе камни

грудами навалены были подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ они стояли... Глаза у Петруся разгорѣлись... тутъ, въ добавку, представилось ему отчаяніе Пидорки, принужденной итти за нечестиваго католика.... Умъ его помутился; какъ съумасшедшій бросился онъ за ножъ — и кровь невиннаго младенца брызнула ему въ лице..... Адскій хохотъ раздался вокругъ него; безобразныя чудовища стаями скакали передъ нимъ, а гнусная вѣдьма, вцѣпившись руками за обезглавленный трупъ, съ жадностью пила изъ него кровь.... Все пошло кругомъ въ головѣ его; какъ угорѣлой бросился онъ бѣжать; но ему казалось, что деревья, кусты, скирды сѣна и все, что попадалось на дорогѣ, гналось за нимъ въ погоню. Обезпамятѣвъ и выбившись изъ силъ, вбѣжалъ онъ въ свою лачушку и какъ снопъ повалился на землю.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ВТОРЫЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ:

СВѢТСКІЙ БЫТЪ.

ДѢЙСТВІЕ II.

Явленіе I.

ГРИШКА.

Не знаю, право, я, какъ роль свою сыграть!
Графъ молодой изволилъ приказать,
Чтобъ я ломалъ языкъ, свисталъ какъ Англичанинъ,
И гордо выступалъ, какъ будто знатный баринъ.
Да развѣ съ этимъ мы покажемся умнѣй?
Вотъ за моремъ какихъ набрался онъ затѣй!
Быть можетъ съ нимъ и такъ; но я другое дѣло:
Здѣсь пара оплеухъ —
У брата нашего тотчасъ позбавитъ духъ,
И долго умника не станешь корчить смѣло.
Охота жъ мнѣ была сюда вернуться въ плѣнъ
Изъ Англіи, гдѣ былъ всѣмъ равный Джентлеменъ.

То такъ! но тутъ кто разгадаетъ,
Что тамъ хоть хорошо, а все какъ подмываетъ
Въ Россію матушку, на родину отцевъ.
Въ Парижѣ умеръ бы безъ квасу, огурцевъ.
За то какъ былъ я радъ, когда спустили
Насъ съ корабля — и мы ступили
Въ Кронштатѣ на берегъ родной.
Заплакалъ съ радости, забылъ — что крѣпостной.

Явленіе II.

Гришка и Лиза *(входящая потихоньку).*

Гришка *(въ сторону).*

Вотъ Лиза! Ну, теперь мнѣ надо отличиться,
Начать съ ней ловко рѣчь, блеснуть, пріосаниться!
(Надѣваетъ шляпу и надувается.)
Что за диковинка! не пріищу я словъ,
Бѣда... вотъ, скажетъ всѣмъ, заморскій гусь каковъ.
Боюся страхъ взглянуть на эти я глазенки:
Они такъ бѣгаютъ, какъ будто въ нихъ бѣсенки.
Ударюсь въ Лорды съ ней....

Лиза *(въ сторону).*

Уфъ! какъ раздулся онъ!
Вотъ съ бариномъ хотятъ ввести какую моду.
Но нѣтъ! на чистую васъ выведу я воду.
Я давича ему отвѣсила поклонъ,
А онъ какъ не узналъ, едва кивнуть рѣшился.

Гришка (*подходя съ важностію къ Лизѣ*).

Скажите, Мисъ, пожаль, гдѣ стюартъ пропастился?

Лиза.

Меня не Мисою, а Лизою зовутъ,
А Стюарта я здѣсь не знаю, вамъ признаться.

Гришка.

Дворецки въ Англея стюартами слейвутъ,
А Лизѣ Бетсіей прейлестнѣй найзиваться.

Лиза.

Благодарю за честь; но я желала бъ знать,
Зачѣмъ дворецкаго хотите вы позвать:
Не нужно ли чего для Графа приготовить?

Гришка.

Къ порядку съ мой Милордъ привыкли мы вездѣ;
Идемъ системою въ питьѣ, какъ и въ ѣдѣ;
Съ нимъ лонштгъ свой хочу на апетитъ устроить:
Я, нѣтъ, не фашонебль, и съ чаемъ я одной,
Съ двумя цыпленками, доволенъ, ветчиной.

Лиза (*въ сторону*).

Ай Гриша! молодецъ! знай, каковы же наши!
Давно ль онъ не видалъ на завтракъ кромѣ каши.
Я отъ него такихъ не думала проказъ.

(*Къ нему смѣясь.*)

Весьма умѣренно. Узнать бы лишь желала —
Не страсть ли къ лакомству языкъ вашъ поизмяла?
И не онъ портеру ль такъ пучитъ страшно васъ?

Гришка (*въ сторону*).

Сказалъ, что не уйдешь отъ этихъ востpыхъ глазъ!
Теперь мнѣ надобно умненько отыграться.
(*Къ ней.*)
Я въ восхищенiи! могло ли это статься,
Что вы изволили тотчасъ меня узнать?
Признаться, я хотѣлъ немножко испытать
Васъ въ дружбѣ, памяти и томъ расположеньи....

Лиза (*насмѣшливо*).

Стыдитесь вспоминать о прежнемъ положеньи:
Вы за моремъ, сударь, такъ сдѣлались умны,
Что думать обо мнѣ ужъ больше не должны.

Гришка.

Ну, полно же шутить; давай-ка лучше руку,
Ударимъ, чмокнемся, чтобъ усладить разлуку.

Лиза (*удерживая его*).

Постой, не торопись, а правду бы сказать,
Давно тебѣ пора вотъ эдакъ начинать.
Какъ въ голову пришло и при твоемъ умишкѣ,
Меня обманывать. Меня! кому же? Гришкѣ!

Гришка.

Прости, забудемъ все, я, право, виноватъ.
По русски побожусь: ей Богу! страхъ я радъ:
Найти тебя еще прекраснѣе, милѣе,
И очень хочется все кончить поскорѣе.
Когда согласна ты — за барами слѣдкомъ
И мы за свадебку веселымъ же пиркомъ.

Л и з а (*смѣясь*).

Прекрасно! не зачѣмъ съ тобой намъ торопиться:
Есть время пиръ сыграть — и даже разжѣниться.
Но шутки въ сторону: я стала начинать
Подумывать, дружокъ, что свадьбѣ не бывать.
Мнѣ слышать довелось такое разсужденье,
Что врядъ ли видѣть вамъ Княжну и ихъ имѣнье
Такъ какъ ушей своихъ . . . . .

Г р и ш к а.

Что ты! Уже ль мой франтъ
Здѣсь осрамиться могъ, забыть вдругъ свой талантъ,
Забыть, что въ три года ему натолковали?

Л и з а.

Такъ вы заранѣе, что говорить, все знали?

Г р и ш к а.

Хоть не совсѣмъ, а такъ сказать — почти;
Тамъ выучатъ всему, лишь денежки плати.
Напишутъ за тебя, Богъ знаетъ что, прославятъ,
Въ Ученые какъ разъ иль Доктора управятъ.

Л и з а.

По этому и вы надули насъ умкомъ!

Г р и ш к а.

Ну, нечего таить — тутъ пополамъ съ грѣшкомъ:
Сорили деньги мы, влюблялись, козыряли,
А люди добрые за насъ вишь сочиняли;
Но отпустили насъ съ порядочнымъ грузкомъ:

Мы кучу привезли важнѣйшихъ сочиненій,
И какъ озолотишь Россію — новыхъ мнѣній.

Л и з а.

Но скоро вашъ обманъ вѣдь можно и открыть.

Г р и ш к а.

Не бойся ничего, мой баринъ догадался,
Два мѣсяца твердилъ и чтеніемъ занялся,
Лишь стоитъ ихъ ему скорѣе въ ходъ пустить.
Увидитъ, закричатъ; никто и не посмѣетъ
Насъ уличить во лжи.

Л и з а (*смѣясь*).

Здѣсь смѣлымъ Богъ владѣетъ!

Г р и ш к а.

О, что до этаго, то мы всѣхъ удивимъ:
Запустимъ пыль въ глаза — не разглядѣть треимъ.

Л и з а.

Все это хорошо, но только мнѣ сдается,
Что свадьба разойдется.
Въ Размысловѣ, кажись, твой баринъ не успѣлъ.
А онъ въ Княжнѣволенъ; чего не захотѣлъ —
Она не сдѣлаетъ ужъ ни за что на свѣтѣ.
(*Тихонько.*)
Притомъ скажу тебѣ, чуръ лишь держать въ секретѣ,
Ужъ врядъ ли сердцемъ мы вольны располагать...

ГРИШКА.

Какіе пустяки! и можно ль полагать,
Чтобъ намъ соперникъ былъ, чтобъ насъ въ любви
отмстили.

ЛИЗА.

Ну, какъ бы ни было, да васъ предупредили:
Людмилъ такъ нѣженъ, добръ, всѣмъ угождать
готовъ.

ГРИШКА (*съ сердцемъ*).

Да развѣ на себѣ онъ носитъ пять головъ?
Мы и не эдакихъ порядкомъ отучили
Встрѣчаться съ нами.

ЛИЗА (*съ нѣжностію*).

Такъ; но развѣ вы забыли,
Что первая любовь сильнѣе прочихъ всѣхъ.

ГРИШКА (*также разнѣжась*).

И леземъ все впередъ, чѣмъ болѣе помѣхъ.
Да чѣмъ же вашъ Людмилъ Княжнѣ могъ полюбиться?
Нѣтъ! въ сани не въ свои изволитъ онъ садиться:
Не знатенъ, не богатъ и не красивъ: мой Графъ
Всѣмъ взялъ предъ нимъ.

ЛИЗА.

Все такъ, да вишь Людмила нравъ
Намъ по сердцу; и впрямь, нельзя же не признаться,
Такого умника не скоро доискаться.
Мы безъ него давно сидѣли бы въ бѣдѣ:
Всѣхъ примиритъ какъ разъ, уладитъ и вездѣ
Готовъ онъ съ помощью, съ совѣтомъ, утѣшеньемъ.
И даже Плутничи всегда къ нему съ почтеньемъ.

При немъ не смѣетъ онъ Графиню обирать,
Дрянь всякую таскать и Графу продавать.
Его боятся лишь и прочіе всѣ воры
Насъ грабить. Для него всѣ терпятъ кредиторы.
Да чтобъ и вамъ послать — онъ деньги доставалъ;
Безъ помощи его весь домъ бы нашъ пропалъ.

ГРИШКА.

Да! васъ онъ воскресилъ, а насъ совсѣмъ прихлопнетъ.
Коль свадьба рушится — кредитъ нашъ тотчасъ лопнетъ,
И разомъ вексельки сюда откроютъ ходъ...

ЛИЗА.

Каковъ знать попъ, таковъ приходъ!
И господа мои на свадьбу лишь считали,
И для приданаго на насъ долги всѣ ждали.
(*Въ сторону*)
Ахъ, Генералъ, боюсь я болтовни своей.

II.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЯНИ ГОДА РУССКАГО ПОСЕЛЯНИНА.

соч. Ѳ. Слѣпушкина.

Подъ симъ названіемъ выдетъ скоро въ свѣтъ новое сочиненіе Ѳедора Никифоровича Слѣпушкина.

Чтобъ ознакомить читателей Отечественныхъ Записокъ съ симъ замѣчательнымъ твореніемъ Русскаго крестьянина-поэта, мы выбрали по отрывку изъ каждаго времени года, на которые раздѣлено оно. Образцики сіи, бывъ различнаго содержанія, вполнѣ могутъ дать понятіе о достоинствѣ и содержаніи сей любопытной поэмы, и, конечно, самые строгіе судьи будутъ снисходительны къ нѣкоторымъ недостаткамъ стихосложенія, къ нѣкоторымъ несовершенствамъ —

выкупаемымъ многими оригинальными красотами поэзіи, чистою нравственностію, коею дышетъ и сіе произведеніе сельскаго поэта, и наконецъ — уваженіемъ къ его быту и способамъ.

ВЕСНА.

. . . .

Пастухъ, подъ тѣнью, молодой
Своихъ ягняточекъ лелѣетъ.
Его румянецъ на щекахъ
Игралъ отъ зноя загорѣлый,
Съ улыбкой — взоръ его веселый,
Надѣта шляпа на кудряхъ,
Украшена Весны цвѣтами;
Попитокъ убранный шнурками,
Свирѣль и рогъ за кушакомъ,
И торбочка съ сухимъ кускомъ
Черезъ плечо его висѣла;
Орѣшка близь его сидѣла,
Съ овечекъ не сводила глазъ.
Въ такой счастливый, добрый часъ
Къ нему бояринъ подъѣзжаетъ;
Пастухъ проворно шляпу снялъ,
Съ улыбкой баринъ вопрошалъ:
»Твое все стадо здѣсь гуляетъ —
И ты пасешь его одинъ?

Сидишь подъ тѣнью, веселишься,
Да какъ волковъ ты не боишся?«
— Кормилецъ, добрый господинъ!
Со мною Богъ всегда хранитель.
Небесный бережетъ Творецъ!
Когда жъ бросался на овецъ
Звѣрь хищный, нашихъ стадъ губитель:
Мои собаки тутъ, какъ тутъ!
На волка ужасъ наведутъ,
Прогонятъ далеко съ поляны;
Я въ рогъ — и въ кучѣ всѣ бараны.
Пасу три лѣта, мой родной,
И въ зной, и въ бурю, и въ ненастье
Удѣлъ благословляю мой —
По сей день не видалъ несчастья. —
»Какъ звать тебя? изъ чьей семьи?
И кто завѣдаетъ тобою?«
— Въ землѣ родители мои!
Меня зовутъ, родной, Ильею,
Антипы Фомина я сынъ;
Нашъ староста — Миронъ Кузминъ,
Деревни старые Дубровки. —
»Дубровки? — я не зналъ того;
Ты изъ помѣстья моего.
Приди жъ ко мнѣ въ село Пригорки,
Да только утренней порой, —
Узнаешь тамъ ты жребій свой.«

Илья отъ словъ душой смутился,
Не зналъ, что завтра будетъ съ нимъ;
Овечекъ передалъ другимъ,
Къ бояриму съ зарей явился.
И добрый баринъ сердцемъ радъ!
Сказалъ ему: вотъ дворъ мой, садъ,
Даю въ надзоръ тебѣ съ плодами;
Смотри за пашней, за стадами. «

Илья завѣдалъ барскій домъ;
Уже въ нарядѣ онъ другомъ,
Покорной радуясь душою, —
И въ щастьи неизмѣнный другъ —
Самъ провожалъ стада на лугъ,
Бродилъ за свѣтлою сохою,
Зерномъ загоны засѣвалъ,
Съ сердечной братской простотою
Трудиться въ полѣ помогалъ.
При немъ овечки не пропало,
Въ саду цвѣточка не завяло,
Вездѣ тучнѣло и росло,
Вездѣ все радостно цвѣло.

Когда же солнце опускалось
За рощу съ высоты съ небесъ,
Лучи сверкали сквозь древесъ,
И все въ долинѣ озлащалось,
И вѣтерокъ чуть, чуть дышалъ,

Затихла роща, лѣсъ дремалъ,
Лишь соловьи ночные трелью
Манили на вечеръ къ веселью, —
Гулялъ бояринъ той порой
Въ саду съ любимою семьей,
На все, что видѣлъ, любовался!
И часто тамъ съ Ильей встрѣчался,
И съ нимъ о многомъ говорилъ,
За рѣчи умныя любилъ!
Спросилъ однажды онъ супругу:
Чемъ наградить его услугу?
За трудъ и вѣрность отплатить?
» На лучшей дѣвушкѣ женить, «
Сказала барыня, смѣяся,
Анюта въ мысль ему пришлася;
» Я ей приданаго нашью. —
Мы эту свадьбу вмѣстѣ сладимъ,
Мы ихъ надѣлимъ, и нарядимъ!
Пусть заведетъ свою семью! « —
Такъ разсудили, такъ сказали,
И долго ль думать господамъ?
Готова пара, — по рукамъ;
Чету младую обвѣнчали,
У ней на свадьбѣ пировали!

Илья счастливо поживалъ,
И закупалъ и продавалъ,
Онъ въ барскомъ домѣ былъ хозяинъ.

*

Придетъ ли съ просьбою крестьянинъ,
Иль бѣдной въ нуждѣ, онъ имъ радъ!
Онъ приметъ всѣхъ — какъ кровной братъ.
Такъ дни за днями протекали,
Не зналъ онъ никакой печали,
Постигло горе наконецъ:
Скончался баринъ, — ихъ отецъ.
Сынъ старшій мѣсто заступаетъ,
А зависть скоро приползаетъ!
Готова злоба съ клеветой;
Бѣда созналась и съ Ильей!
Сказали: вовсе не радѣетъ,
Богатъ отъ барскаго добра,
Сундукъ большой въ клѣти имѣетъ,
Безъ счету злата, серебра;
Еще одинъ, таяся, ходитъ
Въ особый замкнутый покой,
Оттуда радостенъ выходитъ,
Дверь запирая за собой.
Бояринъ подущенъ словами,
Сурово на Илью смотрѣлъ,
И въ сердцѣ скрытый гнѣвъ кипѣлъ.
И вдругъ, вечерними часами,
Къ Ильѣ внезапно накатилъ,
Его пріютъ онъ обходилъ,
И осмотрѣлъ все зоркимъ глазомъ.
Льстецы явились тѣмъ же часомъ,
Учтиво кланяясь Ильѣ,

И ставя сѣти разговоромъ,
Какъ вдругъ бояринъ строгимъ словомъ
Спросилъ: »скажи, все ль здѣсь твое?«
Илья отъ слова испугался,
И молвилъ съ робостью въ отвѣтъ:
Все тутъ, отецъ! и болѣ нѣтъ.
»Куда жъ, скажи, твой кладъ дѣвался?
Дай ключь отъ тайной кладовой!
А! ты въ лицѣ перемѣнился.«
Льстецы шептались межъ собой:
Бѣда ему! — Илья смутился.
»Гдѣ ключь, ты слышалъ ли? подай!
Неблагодарный! отпирай!«
Илья далъ ключь и умоляетъ
Въ покой сокрытый не ходить,
Все взять, того лишь не лишить,
Что онъ въ той комнатѣ скрываетъ.
Но дверь бояринъ отпираетъ:
Вошелъ и бросилъ гнѣвный взоръ;
Что жъ тамъ? — пастушескій приборъ,
Свирѣль и посохъ, рогъ съ сумою,
Съ пастушьей шляпою худою,
И образъ Божій на стѣнѣ;
Предъ нимъ свѣчь теплится въ лампадѣ.
Бояринъ закричалъ въ досадѣ:
»Здѣсь пусто; но скажи ты мнѣ,
Гдѣ золото твое хранится?
И для чего такой пріютъ?«

— Родной! добро мое — все тутъ;
Храню его, чтобъ не забыться
Въ счастливой участи моей. —
Льстецы въ то время у дверей
Потупя голову стояли,
Всѣ поблѣднѣли, трепетали,
Какъ пораженные бѣдой!
Бояринъ тронутый душой
Обнялся дружески съ Ильею,
И лесть изчезла съ клеветою —
Какъ кроется предъ солнцемъ мгла.
Невинность — оправдитъ дѣла.

Л Ѣ Т О.

. . . .

Морозной и крутой зимой,
Порою полночи глухой,
Пришелъ старикъ покрытый снѣгомъ,
Стучитъ въ окно своей клюкой:
»Сдѣлитесь дѣтушки ночлегомъ,
И дайте старику покой!«
Въ минуту сладкій сонъ слетаетъ
Отъ Никаноровыхъ очей;
Нетратя лишнихъ онъ рѣчей
Съ благотвореньемъ поспѣшаетъ.
И принялъ въ домъ свой, обогрѣлъ,
Дѣлился всѣмъ, что съ нимъ лишь было;

Вотъ гость незванный заболѣлъ,
Въ чужбинѣ скорбь отягтила,
Но добрый Никаноръ душой
Съ привѣтливой своей сестрой
Всю помощь старцу подавали,
Его покоили, питали,
Чемъ Богъ по благости послалъ!
И старецъ юношѣ сказалъ:
Послушай Никаноръ любезный,
Уже зоветъ меня къ себѣ
Отселѣ въ вѣчность Царь небесный,
То я повѣдаю тебѣ:
Есть у меня добро зарыто,
Сребра и золота котелъ,
Заслонкой ржавою покрыто,
На немъ дупло; — гдѣ рои пчелъ,
А подлѣ ель растетъ кривая;
Напротивъ сосна вѣковая,
Подъ нею много лисьихъ норъ!
По рѣчкѣ ты иди полями,
И въ лѣво свороти кустами,
Увидишь ель! — тутъ Никаноръ
Съ почтеньемъ старцу поклонился;
Старикъ лишается всѣхъ силъ.
Прости! съ трудомъ проговорилъ,
И взоръ его на вѣкъ закрылся!
Но рыбака — кладъ не манилъ,
Своей работой занимался;

Искать сокровищъ не ходилъ,
А кладъ его же дожидался.

Пришло и лѣто, все цвѣтетъ;
Лѣса и рощи зеленѣютъ,
Пригорки и луга пестрѣютъ,
И птичекъ хоръ вездѣ поетъ.
Тогда въ полдневный часъ свободной,
Приходитъ Никапоръ къ ручью,
Напиться тамъ воды холодной,
Благодаря судьбу свою; —
На злачный бережокъ поднялся,
Тутъ робкой зайчикъ гдѣ ни взялся,
И въ сторону стрекнулъ прыжкомъ,
Душистой лакомясь травою, —
И Никапоръ идетъ тропою,
Чрезъ лугъ цвѣтной, за бѣглецомъ, —
А зайчикъ прочь бѣжитъ полями,
Ловецъ за нимъ, — а тотъ кустами
Все далѣ, далѣ ускакалъ.
Сравнялся съ старою дуплою,
И лишь схватитъ его рукою —
Вдругъ зайчикъ изъ виду пропалъ!
Златыя пчелки полетѣли,
И ель, и сосна зашумѣли! —
Открылся съ золотомъ тутъ кладъ!
Сталъ жить и Никапоръ богато.

Давно пословицу твердятъ,
Что душу измѣняетъ злато;
Но Никаноръ такъ жилъ, какъ жилъ,
И кладъ души — не повредилъ.

ОСЕНЬ.

. . . .

Уже отечеству къ отрадѣ,
Нашъ Мининъ въ Нижнемъ Новѣградѣ,
Горя усердія огнемъ —
Граждапъ на площадь созываетъ,
Рѣчь старца души поражаетъ,
Какъ сильный и внезапный громъ;
Онъ Богомъ посланъ къ нимъ, взывая:
»Граждане! гибнетъ Русь святая!
И помощи несчастнымъ нѣтъ!
А мы живемъ, а не спасаемъ!
Но естьли Вѣру соблюдаемъ,
Спасемъ отечество отъ бѣдъ!
Такъ! живота не пожалѣемъ;
Все продадимъ, что ни имѣемъ,
И ратныхъ соберемъ людей,
Какъ Богъ святой повелѣваетъ;
Имѣнья ль мало, — долгъ вѣщаетъ,
Заложимъ женъ своихъ, дѣтей!
И тѣмъ Россію мы искупимъ.
Собой на рать другихъ возбудимъ,

Насъ не оставитъ самъ Творецъ.
Но естьли и умремъ — спасая,
Господь на подвигъ нашъ взирая
Пошлетъ нетлѣнный намъ вѣнецъ.«

Слова какъ молнія стрѣлою
Проникли сердце Россіянъ!
Вскипѣла ревность у гражданъ,
Соединясь одной душою,
Вскричали: — все мы отдаемъ,
И за отечество пойдемъ!
Тутъ Мининъ скорыми шагами
Въ свой мирный поспѣшаетъ домъ,
Съ женой на площадь, и съ сынами;
Идетъ со всѣмъ своимъ сребромъ;
Все предъ народомъ положили.
Вотъ други, все мое добро!
За нимъ изъ всѣхъ концовъ сносили
Монеты, жемчугъ, серебро;
Одежды, камни дорогіе,
Дѣвицы серьги изъ ушей,
Завѣтны кольцы золотые,
И жены перстни — даръ мужей,
Всѣ ихъ любимые уборы!
И бѣдные и сироты
Кладутъ, кто деньги, кто кресты;
Насыпались богатства горы!

А матери сыновъ ведутъ,
Души сокровище родное,
Пусть за отечество святое
И жизнь на жертву принесутъ!

Уже знамена развивались,
Идетъ Пожарскій Русь спасать;
Со всѣхъ сторонъ къ нему сбирались
Бояре, воины на рать.
И полетѣли соколами
Подъ бѣло-каменну Москву!
И подъ зубчатыми стѣнами
Дружины встрѣтили Литву;
Пожарскій какъ орелъ пустился —
Полки противные разить!
У ратныхъ мечь объ мечь дробился,
Стучали копья въ твердый щитъ;
Стальные бердыши сверкали;
Разятъ, сцѣпясь рука съ рукой;
Ряды противныхъ упадали!
И торжествуетъ Вождь-Герой!
Примѣтилъ Мининъ, — за рѣкой
Враги обходятъ Русскихъ съ тылу;
Боярскихъ кликнулъ онъ дѣтей,
Могучихъ рядъ богатырей;
Напалъ, какъ левъ, на вражью силу!
По мхамъ съ Донскаго поля гналъ,
Въ осеннихъ рвахъ стѣснилъ и смялъ.

Повсюду раздалась побѣда,
И вражьяго не стало слѣда!

Затихла буря грозныхъ тучь,
Съ зарею новый день свѣтаетъ;
Златаго солнца ясный лучь
Москву на радость освѣщаетъ!
Гудитъ родной веселый звонъ,
Творцу возносится моленье;
Бѣжитъ народъ со всѣхъ сторонъ,
Отчизны празднуютъ спасенье; —
Пѣснь Князю, Минину поютъ!
Они въ сердцахъ поднесь живутъ.

З И М А.

. . . .

Гульба въ селеньи для дѣвицъ,
Веселые настали святки!
Разсказы сновъ и небылицъ,
Любви мудреныя загадки:
Гадаютъ въ ночь о женихахъ
Красавицы глухой порою;
Идутъ къ насѣсткамъ и въ потьмахъ
Берутъ дрожащею рукою
Кто курицу, кто пѣтуха;
Льютъ воду имъ, и сыплютъ зеренъ;
Вѣдь будущій-то жребій теменъ;
Хотятъ знать сердце жениха.

Чья бросится къ водѣ холодной,
Женихъ охотникъ до вина.
А чья идетъ клевать зерна,
Женихъ богатъ, съ душою доброй;
Но чья порхаетъ и кричитъ,
У той бѣда: женихъ сердитъ!
Тамъ къ снѣгу ухомъ припадаютъ
И слушаютъ псовъ чуткихъ лай;
Смѣясь дѣвицы замѣчаютъ:
Быть замужъ выданой въ тотъ край. —
Такъ межъ подругъ идетъ гаданье;
Душа ихъ будущее знать:
Когда ихъ будетъ сочетанье?
Кому ихъ сердцемъ обладать?

Заря румяность разстилаетъ
По легкимъ въ небѣ облакамъ;
Отъ солнца ясный лучь сверкаетъ,
Скользя по мерзнущимъ полямъ.
Съ совѣта старика роднова,
Въ первые бурнаго гнѣдова
Запрегъ сынъ старшій — жеребца,
Его онъ видѣть хочетъ бѣгу;
И по пушистому онъ снѣгу
Пустилъ тихонько удальца!
Прядетъ конь острыми ушами,
Волнистой гривою крутитъ;

Храпитъ, — желѣзо мнетъ зубами,
И грудь натужа, вихремъ мчитъ!
Беретъ свою отважно волю,
И строгость сѣдока забылъ,
Младой ѣздокъ поворотилъ,
Туда, гдѣ глубже снѣгъ по полю.
На жеребцѣ пробился потъ,
Паръ изъ ноздрей густой клубится,
И конь потише сталъ рѣзвиться,
Возжей законы узнаетъ.

ПЕРЕПИСКА.

ПИСЬМА ИЗЪ ОТДАЛЕННОЙ СИБИРИ.

Баягантайскій Улусъ, 28 Декабря 1828 г.

Нынѣшняя зима считается здѣсь легкою потому, что до селѣ было не болѣе 6 сутокъ, въ которыя термометръ Реомюровъ опускался до 40, 41 и 42 гр.; обыкновенные же морозы простирались отъ 30 до 38 гр., 25 гр. считаютъ оттепелью, да и дѣйствительно, кажется не болѣе 10 Петербургскихъ. Такъ привыкаютъ здѣсь къ морозамъ. При 40 гр. солнце имѣетъ видъ необыкновенный: оно въ полдень показывается въ видѣ глобуса, висящаго на воздухѣ по видимому не болѣе 5 саженъ отъ горизонта; его восхожденіе и захожденіе ужасно; тогда кажется, въ полной мѣрѣ чувствуемъ, что находимся на Сѣверѣ близъ Ледовитаго моря. Во 2-мъ часу по полудни является мѣсяцъ, который свѣтитъ едва ли не сильнѣе солнца.

Но обратимся еще къ Якутамъ. Они, какъ и всѣ степные народы, скотоводцы, малымъ чѣмъ разнятся отъ Бурятъ и Монголъ; но живутъ чи-

ще, одѣваются богачѣ и ѣдятъ лучше сихъ послѣднихъ. Я говорю сіе о богатыхъ или достаточныхъ, но бѣдняки прежалкіе люди: они не имѣютъ даже постоянной пищи. Якуты живутъ въ весьма обширныхъ юртахъ, строеніе которыхъ у всѣхъ одинаково: почти квадратное, похожее внутри на наши кирпичные сараи; стѣны забираются не срубами, а тонкими, чистыми и ровными бревнами стоймя, нѣсколько покато, у богатыхъ же тесомъ и весьма плотно. Балки внутри поддерживаются нѣсколькими столбами; около стѣнъ широкія лавки, или нары, служащія для спаленъ, такъ, что двое могутъ лежать на нихъ спокойно; нары сіи раздѣляются перегородками, смотря по семейству. По срединѣ юрты каминъ, или какъ называютъ Якуты: *Чуваль*, самое благотворное изобрѣтеніе для здѣшняго климата. На полуденную и на Западную стороны 5 или 6 окошекъ, въ которыя вставлены толстыя прозрачныя льдины, освѣщающія всю юрту, имѣющую иногда въ окружности саженъ 30. Нѣкоторыя юрты бываютъ съ поломъ, но большая часть безъ онаго; земля, полъ и нары устилаются всегда тростниковою травой или сѣномъ; юрты снаружи обмазываются особен-

нымъ составомъ, толщиною аршина въ полтора, и потомъ засыпаются снѣгомъ такъ, что въ зимнее время, особенно при туманѣ, трудно было бы отличить ихъ отъ окружающихъ предметовъ, если бы онѣ не открывали себя летящими изъ камина искрами. — Бѣднѣйшіе Якуты въ продолженіе всей зимы держатъ рогатой скотъ въ той же самой юртѣ, въ которой живутъ сами, но достаточные пристроиваютъ особыя отдѣленія, обмазывая ихъ также толсто и крѣпко, какъ и самыя юрты, отъ которыхъ отдѣляются одною тоненькою стѣною. Можно представить, каковъ долженъ быть воздухъ, которымъ они дышатъ въ зимнихъ жилищахъ своихъ. На лѣто Якуты переходятъ въ другія, прекрасно сдѣланныя на подобіе сахарной головы, берестяныя палатки или по Якутски: *Уросы*. Береста выдѣлывается для сего очень хорошо, узорчато и сшивается конскими волосами.

Я доселѣ не говорилъ вамъ о Якуткахъ. Это такія красавицы, которыя въ миловидности не уступятъ ни Гречанкамъ, ни Черкешенкамъ. Черныя лица ихъ вообще выразительны и благородны, имѣютъ необыкновенную нѣжность, а иногда бѣлизну и розовый румянецъ; почти у всѣхъ

черные волосы и большіе черные глаза, послѣдніе при каждомъ взглядѣ кажется такъ и хотятъ выпащить сердце; голосъ имѣютъ тонкой, говорятъ замысловато, одѣваются весьма нарядно и богато: одна шуба и шапка стоятъ часто болѣе 1500 руб., шубы сіи бываютъ большею частію изъ алаго тонкаго сукна, похожія на наши Русскія полукафтанья, только съ разрѣзомъ на зади, подбиты бѣлкой и кругомъ опушены бобромъ, шириною вершка въ 3 и болѣе, а сверхъ сего по краямъ бобра серебреною насѣчкой; околышъ шапки, которую носятъ и зимою и лѣтомъ, и въ юртѣ и внѣ оной, дѣлаютъ изъ черной розоамахи или собольихъ хвостовъ, а верхушку изъ чернаго бархата, вышитаго серебромъ или алаго сукна, вышитаго золотомъ. На шеѣ или на плечахъ носятъ серебряное кольцо, къ коему привѣшиваются съ зади и съ переди по двѣ серебреныя чешуйчатаго вида лапочки, покрывающія грудь и спину. Если что въ ихъ нарядѣ дурно, такъ это большія серги, которыхъ вдѣваютъ по 4 въ каждое ухо. Женщины пользуются отъ мущинъ особеннымъ уваженіемъ, какъ завѣдывающія всѣмъ хозяйствомъ. Мущины также большею частію хоро-

ши и покрой платья имѣютъ почти одинакій съ женщинами, только по скуднѣе, но всегда кафтанъ или шуба обложены алымъ сукномъ или какою нибудь другою матеріею, а иногда и чернымъ плисомъ. Они большею частію флегматики, въ сердца которыхъ любовь рѣдко вкрадывается, не потому ли, что съ 12 лѣтъ познаютъ уже супружескія связи. Не смотря на то, что они теперь самые усердные христіане, въ семъ случаѣ придерживаются древняго своего обычая, состоящаго въ томъ, что по заплатѣ половины *калыма*, женихъ ѣздитъ къ своей невѣстѣ пользоваться правами мужа. Вообще народъ сей почти не имѣетъ никакакихъ предразсудковъ.

День тезоименитства Государя Императора (6 Декабря) провелъ я на берегу величественнаго Алдана самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Къ сему времени прибыли къ намъ еще два племени: *Тунгуское* съ береговъ Индигирки и *Ламутское* съ Оймеконя (?) Народъ сей былъ пораженъ удивленіемъ, когда я показалъ имъ портреты: Государя, Государыни и Наслѣдника. Всѣ они пали предъ ними ницъ; потомъ помолясь Св. Иконамъ, предъ коими теплилось 20 свѣчъ,

съ умиленіемъ подходили къ портретамъ, кланялись низко, глядѣли и не могли наглядѣться. Они никогда не видывали портретовъ. Послѣ сего принесли Коммисіи поздравленіе, благодаря насъ отборнѣйшими выраженіями за доставленіе имъ счастія видѣть ликъ своего Государя, что относили къ особенному къ нимъ милосердію Божію. Мѣсто, на которомъ стояли портреты, драпировано было шалями, платками и шарфами, представляя видъ трона. Всѣ чиновники и козаки одѣты были въ парадные мундиры; народъ же въ числѣ ста человѣкъ, въ праздничные кафтаны. Картина хоть куда! Семь Князцевъ и одинъ Улусный голова приглашены были къ нашему столу; для прочихъ же инородцовъ, всѣхъ Тунгусовъ и Ламутовъ приготовленъ былъ другой столъ. Обѣдъ сихъ послѣднихъ состоялъ изъ вареной говядины и жареныхъ карасей.

При питіи за здравіе Государя и всей Царской фамиліи, громогласное ура раздалось по юртѣ. Надо замѣтить, что вмѣсто Шампанскаго, мы пили крѣпкую настойку, которая одна только выдерживаетъ здѣшніе морозы: виноградныя вина и фруктовыя водки превращаются въ ледъ.

Къ чаю мы снова собрались вмѣстѣ. Якуты и Тунгусы открыли праздникъ своими народными пѣснями и плясками. Нѣсколько нарядныхъ красавицъ — Якутокъ, также участвовали въ семъ праздникѣ. Три Тунгуса, восьмидесяти-лѣтніе старики, но еще легкіе какъ серна, представили ловлю дикихъ оленей. Одинъ изъ стариковъ представлялъ оленя дикаго, робкаго и осторожнаго, другой — оленя домашняго, лукаваго, желающаго заманить въ сѣти собрата своего дикаря, третій ловца, или охотника. Сей послѣдній ползаетъ, прячется за деревья, приближается, пускаетъ мѣткую стрѣлу — и олень его! Какая радость для семейства охотника: они снова имѣютъ пищу! снова сыты!

Письмо мое я заключу совѣтомъ, чтобы пріѣзжающіе сюда не тяготились теплою одеждою. На дняхъ я простудился въ одной негодной юртѣ такъ, что чуть, чуть не умеръ, а все отъ того, что не хотѣлъ слѣдовать примѣру моихъ товарищей: одѣваться по теплѣе. Юрта была самая дурная по устройству: не было паза и льдины въ окнахъ, въ которые бы не дулъ вѣтръ. На другой день я былъ уже безъ памяти, не

помня какъ довезли меня въ городъ, отъ котораго, по счастію, находился только въ 40 верстахъ. И вотъ послѣ 3-хъ дней я едва могъ собрать силы, написать къ вамъ про мое житье бытье Сибирское.

ВОЕННЫЯ СОБЫТІЯ.

(Окончаніе).

Войска 2 арміи по переходѣ чрезъ р. Камчикъ быстро шли по пятамъ непріятеля, бѣжавшаго не останавливаясь за Балканы.

10 Іюля, при спускѣ съ сихъ горъ, авангардъ Генерала Ридигера встрѣченъ былъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ отъ засѣвшаго по сторонамъ дороги во рвахъ и кустахъ непріятеля. Егеря, составлявшіе часть сего авангарда, подъ начальствомъ Полковника Лидерса, вытѣснили ихъ изъ сихъ мѣстъ и гнали до новаго подкрѣпленія, подоспѣвшаго къ Туркамъ около селенія Келлеръ, но и тутъ нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ нашей артиллеріи заставили ихъ обратиться въ совершенное бѣгство, тогда козаки, слѣдовавшіе за Егерями, пустились въ погоню за непріятелемъ по дорогѣ къ Бургасу. На пространствѣ 10 верстъ преслѣдованія отбито одно знамя, 2 Бимъ-Баши, 4

Юсъ-Баши, 6 Делли-Башей и Байрактаровъ и 121 чел. нижнихъ чиновъ.

Въ сей день Генералъ Ротъ, спустившись съ Балканъ, прогналъ непріятеля отъ Монастыркіой, продолжая далѣе маршъ, увидѣлъ силы его отъ 6 до 7 тысячь человѣкъ подъ командою Сераскира Абдураамъ-Паши, расположенныя по правую сторону рѣчки Инжакіой. Послѣ первыхъ выстрѣловъ артиллеріи Турки обратились въ бѣгство и будучи сильно преслѣдуемы 10 верстъ нашею кавалеріею и конно-артиллеріею, потеряли 7 знаменъ 400 плѣнныхъ и оставили на морскомъ берегу двѣ батареи, о двухъ орудіяхъ каждую, защищавшія корабельную верфь, въ которой найдена совершенно новая корвета и неподалеку отъ сего мѣста отыскано еще 4 орудія. Послѣ сего Генералъ Ротъ, отбивъ укрѣпленный непріятельскій лагерь у стѣнъ Мисемвріи, въ коемъ найдено 2 знамя, 3 пушки и взято 375 чел. плѣнныхъ, придвинулъ всѣ свои батареи къ самой крѣпости. На разсвѣтѣ 11 числа Комендантъ Мисемвріи Османъ-Паша выслалъ ключи крѣпости и сдался военноплѣннымъ съ 2000 гарнизономъ и 100 почетнѣйшихъ чиновниковъ. Въ городѣ найдено 15 пушекъ и 10 знаменъ.

Сего же числа Генералъ Ридигеръ взялъ у деревни Алакаріи лагерь, оставленный 3-хъ тысячнымъ непріятельскимъ корпусомъ, въ коемъ найдено множество пожитковъ и 2 орудія, а въ д. Даутли много артиллерійскихъ и продовольственныхъ запасовъ.

Крѣпость Ахіоло, изъ коей гарнизонъ бѣжалъ, не дождавшись прибытія войскъ нашихъ съ сухаго пути, занята нѣсколькими матросами Черноморскаго флота. Въ ней найдено 14 пушекъ, 1 мортира, 3 пороховыхъ погреба и запасъ соли.

12-го Генералъ - Маіоръ Набель, составлявшій авангардъ Генерала Рота, при Бургасѣ встрѣченъ былъ непріятельскими войсками при 2 орудіяхъ; онъ тотчасъ атаковалъ ихъ, опрокинулъ, отбилъ орудія и на плечахъ ихъ вошелъ въ городъ, въ коемъ найдено еще 10 орудій.

Сего же числа Генералъ Ридигеръ двинулся къ Айдосу. Визирь, узнавъ, что всѣ города Бургасскаго залива въ рукахъ нашихъ, послалъ большой Корпусъ подъ командою Трехъ-бунчужнаго Паши Ибрагима для защиты Айдоса. При немъ произошло жестокое сраженіе, три часа продолжавшееся; наконецъ городъ взятъ и непріятель разсѣялся по Шумлинской

и Карнабатской дорогамъ. Потеря его простирается до 1000 человѣкъ убитыми и ранеными; сверхъ того взято въ плѣнъ 7 Офицеровъ и 220 нижнихъ чиновъ, 3 орудія и 4 знамя, 600 палатокъ и множество артиллерійскихъ снарядовъ.

16-го числа 7-й Пѣхотный Корпусъ занялъ Карнабатъ. Чтобы не упустить непріятельскихъ войскъ, отступившихъ изъ онаго, Главнокомандующій 2-ю арміею послалъ къ Ямболю Генералъ-Маіора Шереметева; здѣсь онъ встрѣтилъ 15-ти тысячный непріятельскій корпусъ, подъ командою Галиль-Паши, прогналъ оный въ городъ и сожегъ его лагерь. Галиль-Паша, боясь быть атакованнымъ всѣми нашими силами, поспѣшно отступилъ къ Сливнѣ и Адріанополю; тогда козаки, оставленные Генералъ-Маіоромъ Шереметевымъ для наблюденія за Ямболемъ, 20-го числа заняли оный, найдя значительные военные и продовольственные запасы.

25-го Генералъ - Маіорами Роговскимъ и Завадскимъ заняты дефилеи Ченге и Чалыкавакъ. Непріятель вездѣ почти изъ неприступныхъ тѣснинъ выгнанъ, всѣ укрѣпленія его срыты и тѣмъ возстановлено ближайшее сообщеніе съ Генералъ - Лейтенантомъ Красовскимъ, который,

подошедъ къ Марашу, послалъ Генералъ-Маіора Князя Горчакова къ Эски-Стамбулу. Онъ прогналъ обратно въ Шумлу Визиря, вышедшаго къ нему на встрѣчу, и большую часть войскъ его разсѣялъ по горамъ между Трулами и Матчинскимъ укрѣпленіемъ. Потеря непріятельская въ семъ дѣлѣ простирается до 500 чел.; въ плѣнъ захвачено болѣе 50.

Между тѣмъ изъ поисковъ, сдѣланныхъ отъ стороны Карнабата и Ямболя къ Сливнѣ, открылось, что въ оной собрался непріятельскій корпусъ изъ 13 полковъ регулярной пѣхоты, 3-хъ полковъ регулярной кавалеріи и отъ 4-хъ до 5-ти тысячь иррегулярнаго войска съ артиллеріею, подъ начальствомъ Сераскира Галиля и двухъ другихъ Пашей, и что ожидаютъ туда самаго Визиря съ войсками изъ Шумлы. Городъ сей весьма обширный, укрѣпленъ былъ шанцами со стороны Ямболя, откуда непріятель наиболѣе ожидалъ на него нападенія. Для взятія его Главнокомандующій приблизилъ къ нему 7 корпусъ изъ Карнабата, 6 изъ Айдоса, 2 корпуса 5 пѣхотную дивизію съ Павлоградскимъ Уланскимъ полкомъ изъ Карабунара и отрядъ Генералъ-Маіора Шереметева изъ Ямболя. Главнокомандующій, зная, что главныя

укрѣпленія города обращены по Ямбольской дорогѣ, направилъ всю пѣхоту 6 и 7 Корпусовъ около подошвы горъ, дабы занявъ городъ, взять въ тылъ непріятельскія укрѣпленія. Всѣ сіи распоряженія имѣли желаемый успѣхъ. Генералъ Ридигеръ атакою кавалеріи и артиллеріи опрокинулъ непріятеля къ городу и въ укрѣпленія. Въ сіе время правый флангъ нашъ живо подавался въ передъ, 19 артиллерійская бригада заставила непріятеля свезти свои пушки, а батальоны 18 пѣхотной дивизіи проникли въ городъ и принудили Турокъ, оставивъ укрѣпленія, бѣжать въ горы и ущелья. Сраженіе продолжалось не болѣе 3 часовъ. Трофеи сего дня состояли изъ 9 пушекъ, 8 знаменъ и 300 плѣнныхъ. Наша потеря убитыми и ранеными не превышала 60 человѣкъ. При вступленіи въ городъ, 31 числа, войска встрѣчены были духовенствомъ со крестами и Св. водою, а жителями, Болгарами, съ хлѣбомъ и солью.

По разбитіи Турецкаго корпуса при Сливнѣ, Россійская армія усиленными маршами по дорогѣ болѣе трудной нежели въ самыхъ Балканахъ, 7 Августа приблизилась къ Адріанополю. Въ немъ считалось до 80 т. жителей, изъ коихъ отъ 10 до 15 т. были хорошо вооружены, войска: 10 т. регу-

лярной пѣхоты, 1000 чел. конницы и до 1000 чел. ополченія.

Столь быстрое движеніе войскъ нашихъ такъ поразило Адріанопольскихъ Пашей, что они тотчасъ же прислали къ Главнокомандующему переговорщиковъ съ предложеніемъ о сдачѣ города. Онъ послалъ къ нимъ Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Фонтона съ условіями и далъ сроку для принятія оныхъ 14 часовъ.

8 Августа въ 5 часовъ по полуночи войска двинулись къ пунктамъ атаки. Увидя сіе непріятель, недождавшись положеннаго срока, выслалъ къ 7 часамъ Полномочныхъ, а по приближеніи войскъ нашихъ къ городскимъ стѣнамъ, многочисленный народъ вышелъ съ привѣтствіями радости на встрѣчу онымъ. Въ тоже время Турецкія войска, бросая оружіе, оставляли батареи и безоружные удалялись изъ города по дорогамъ къ Филипполи и Демотикѣ. Въ Адріанополѣ взято 58 орудій, 25 знаменъ, 8 бунчуковъ, нѣсколько тысячь ружей, почти новыхъ, большое количество военныхъ снарядовъ и продовольственныхъ запасовъ.

Сего же числа Генералъ-Лейтенантъ Будбергъ занялъ и Кирклисъ, а 9-го Люле-Бургасъ.

10-го числа жители города Демотико прислали къ Главнокомандующему Депутацію съ предложеніемъ здачи города, почему для занятія онаго отправленъ имъ Полковникъ Хомутовъ, который и исполнилъ сіе порученіе, не встрѣтивъ никакого препятствія.

16-го числа прибыли въ главную квартиру Арміи изъ Константинополя Дефтердаръ Мехмедъ - Садикъ - Еффенди и Абулъ - Кадиръ - Бей, высокіе Сановники Оттоманской Порты, снабженные полномочіями отъ Султана для вступленія въ переговоры о мирѣ. До пріѣзда полномочныхъ Его Императорскаго Величества Главнокомандующій поручилъ Генералъ-Маіору Князю Горчакову и Дѣйст. Стат. Совѣтнику Фонтону предварительное начатіе переговоровъ.

Въ тоже время для открытія сообщенія съ флотомъ, находящимся въ Архипелагѣ подъ начальствомъ Вице - Адмирала Графа Гейдена, Главнокомандующій послалъ Генералъ - Маіора Сиверса къ г. Эносу, а для поддержанія его еще два отряда, одинъ къ м. Ипсалѣ, а другой въ Демотико. Генералъ - Маіоръ Сиверсъ въ пути своемъ разсѣялъ Турецкій отрядъ изъ 150 чел., собранный Салоникскимъ Пашею и взялъ въ плѣнъ 50 чел.

25-го прибылъ къ Эносу, предложилъ Аяну онаго капитуляцію, но видя нерѣшительность его занялъ на другой день гору, съ коей могъ причинить большой вредъ непріятелю, и въ случаѣ неудачи сего средства рѣшился шипурмовать ворота цитадели. Тогда Аянъ, выѣхавъ къ Генералъ-Маіору Сиверсу, сдалъ цитадель и городъ. Въ Эносѣ взято 25 орудій большаго и 29 малаго калибра; сверхъ того 60 боченковъ пороху и 2000 ядеръ и гранатъ.

Между тѣмъ осадныя работы при Шумлѣ продолжались и передовые траншеи и батареи приведены были въ такое оборонительное положеніе, что три баталіона пѣхоты могли защищать оныя отъ нападенія большихъ силъ. Для воспрепятствованія же подвозовъ продовольствія въ Шумлу Генералъ-Лейтенантъ Князь Мадатовъ 25 числа выступилъ для поисковъ къ Тырнову и Джумаю. На перекрестной дорогѣ отъ Тырнова къ Шумлѣ и Джумаю, одинъ его отрядъ захватилъ множество повозокъ съ продовольствіемъ, а другой былъ отправленъ къ г. Джумаю, жители коего встрѣтили оный весьма дружественно, съ хлѣбомъ и солью, и тотчасъ прислали къ Генералъ-Лейтенанту Князю Мадатову Депута-

товъ съ изъявленіемъ миролюбія и покорности.

31 Августа Генералъ - Адъютантъ Киселевъ выступилъ изъ Рахова для дѣйствія на правомъ берегу Дуная противъ войскъ Мустафы Паши, перешолъ уже г. Врацу, еще 9 Сентября занятый его авангардомъ, какъ достигло извѣстіе о заключеніи мира.

Симъ оканчиваются дѣйствія 2 арміи въ Европейской Турціи.

При столь блистательныхъ подвигахъ 2-й арміи на сухомъ пути, Россійской флотъ продолжалъ свои дѣйствія также успѣшно. 8 Іюля Адмиралъ Грейгъ съ тремя кораблями Черноморскаго флота вошелъ въ заливъ Мисемвріи и много способствовалъ сухопутнымъ войскамъ покоренію сей крѣпости, взорвавъ пороховой магазинъ въ оной.

Въ ночи съ 20 на 21 число отправлены были фрегатъ Поспѣшный и бригъ Орфей для занятія города Василико, кои соединившись съ пароходомъ Метеоромъ, высадили войска, въ дессантъ назначенныя, на берегъ, подъ начальствомъ Подполковника Бюрно, и очистя дѣйствіемъ артиллеріи берегъ отъ непріятеля, дали онымъ возможность овладѣть городомъ, имѣвшимъ для защиты своей до 300 Турокъ.

23-го числа фрегаты Флора и Поспѣшный атаковали съ моря укрѣпленный городъ Агатополь. Турки производили сильный огонь по судамъ симъ до тѣхъ поръ, пока Подполковникъ Бюрно, шедшій съ сухаго пути, не разогналъ Турецкую кавалерію, устремившуюся на него изъ города. Матросы фрегата Поспѣшнаго овладѣли главною батареею, а двѣ роты Камчатскаго полка монастыремъ Св. Іоанна Крестителя, тогда Турки побѣжали изъ лагеря, расположеннаго при ономъ, и изъ самаго города, а наши войска заняли оные. Въ Агатополѣ взято 7 пушекъ и большое количество снарядовъ и муки.

7 Августа отрядъ судовъ, состоявшій изъ корабля Нордъ-Адлера, фрегатовъ: Флоры и Поспѣшнаго, бриговъ: Орфея и Ганимеда и бомбардирскихъ судовъ: Опыта, Подобнаго, и Соперника, подъ командою Капитанъ-Лейтенанта Басканова, покорилъ Россійскому оружію важную крѣпость Иніаду, обративъ послѣ упорнаго двухъ-часоваго боя въ бѣгство 2-хъ тысячный непріятельскій корпусъ. Въ ней взято 30 пушекъ, 2 мортиры и значительное количество военныхъ снарядовъ.

17 числа занята крѣпость Мидія, высаженными съ 5 іоловъ 50 матро-

сами, подкрѣпленными 3 ротами 23-го Егерьскаго полка.

Равномѣрно въ Азіи Отдѣльный Кавказскій Корпусъ продолжалъ свои дѣйствія съ неимовѣрными успѣхами.

Послѣ разбитія Сераскира и Гагки-Паши, Главнокомандующій 21 Іюня выступилъ со всѣмъ корпусомъ и обозами въ передъ и на пути соединился съ отправленными имъ 20-го числа отрядами Генералъ-Маіора Бурцова и Полковника Симонича, а 23 съ отрядомъ Генералъ-Маіора Князя Бековича-Черкасскаго. Сего числа Графъ Паскевичъ-Эриванскій узналъ, что остатки разбитой Турецкой арміи, собранные при Гассанъ-Кале, предаются бѣгству, что Сераскиръ удалился въ Арзерумъ, а Паша, оставленный для защиты сей крѣпости, забравъ все, что могъ поднять на вьюки, бѣжалъ по Арзерумской дорогѣ, по сему онъ, перейдя съ авангардомъ 20 верстъ, въ 9 часовъ ночи занялъ Гассанъ-Кале, крѣпость, могущую почесться ключемъ къ Арзеруму. Въ ней пріобрѣтено 29 орудій, пороховой магазинъ и довольно значительные хлѣбные запасы.

24 числа Главнокомандующій отправилъ въ Арзерумъ съ возваніемъ къ народу Мамишъ-Агу, взятаго въ

плѣнъ въ сраженіи 19 числа, въ коемъ убѣждалъ Арзерумцевъ не сопротивляться мощному Россійскому оружію. Въ слѣдствіе сего по утру 26 числа явились къ Главнокомандующему депутаты отъ народа и Сераскира, съ удостовѣреніемъ о совершенной покорности всѣхъ жителей его предложеніямъ; но въ тоже время одинъ изъ нихъ весьма двусмысленно объявлялъ опасеніе свое, что приближеніе войскъ нашихъ можетъ ожесточить народъ, возбудить въ немъ фанатизмъ, и преклонить на упорную защиту, посему убѣждалъ остановить движеніе. Напротивъ сего Главнокомандующій предпочелъ слѣдовать впередъ, и остановившись въ 5 верстахъ отъ Арзерума, отпустилъ депутатовъ, пославъ вмѣстѣ съ ними Генералъ-Маіора Князя Бековича-Черкаскаго, которому далъ подробное наставленіе какъ дѣйствовать на народъ и Сераскира. Послѣ совѣщанія продолжавшагося всю ночь, уже по утру, Князь Бековичь убѣдилъ Сераскира и старшинъ города прислать къ Главнокомандующему депутата съ рѣшительнымъ увѣреніемъ, что въ 4 часа по полудни они сдадутъ Арзерумъ. Но Графъ Паскевичь-Эриванскій далъ сроку только до 3 часовъ.

Между тѣмъ съ самаго появленія войскъ нашихъ предъ Арзерумомъ Турецкая кавалерія производила стрѣльбу по передовымъ полкамъ, и съ батареи устроенной на горѣ Топъ-Дагѣ, находящейся на восточной сторонѣ города, безпрерывно брасали ядра по нашимъ карауламъ и фуражирамъ.

Минуло три часа, но отвѣта не было. Между тѣмъ временемъ узнано было, что Сераскиръ умышленно желаетъ выиграть время чрезъ разныя уклоненія, ожидая къ себѣ на помощь изъ Арнуджи Кяги своего. Сіе рѣшило Главнокомандующаго итти на приступъ, и стройными колоннами, съ музыкою, началъ обходить Топъ-Дагъ; Турки усилили пальбу съ батарей, но устрашась быстраго движенія войскъ нашихъ, ушли въ городъ и со всѣхъ батарей онаго открыли сильный огонь. Поставленныя на Топъ-Дагѣ орудія наши произвели своими залпами въ городѣ примѣтное замѣшательство. Скоро на другой оконечности показались Сановники Турецкіе въ торжественномъ сопровожденіи, по приближеніи которыхъ Бегларъ-Бекъ (Военный Губернаторъ) поднесъ Главнокомандующему ключи крѣпости и цитадели.

Главнокомандующій тупъ же учредя новое правленіе въ покоренной области приказалъ Генералъ-Маіору Панкрапьеву съ бригадами Генералъ-Маіоровъ Князя Бековича Черкасскаго и Князя Голицына ипши торжественно для занятія города, крѣпости и цитадели. Войска наши, пройдя городъ и крѣпость, неожиданно остановлены были предъ стѣнами цитадели Арнаутами, нехотѣвшими сдать оной, но видя рѣшимость Русскихъ ипши на приступъ, отворили ворота. Такъ взятъ Арзерумъ, столица Анатоліи, центръ могущества Турецкаго на Востокѣ.

Въ Арзерумѣ найдено болѣе 150 орудій, большіе магазины съ провіантомъ и великое множество запасовъ артиллерійскихъ.

Для необходимаго обезпеченія фланговъ корпуса отъ всѣхъ непріятельскихъ покушеній, Графъ Паскевичь послалъ двѣ экспедиціи: одну въ укрѣпленіе Хнизъ, а другую въ крѣпость Бейбуртъ.

Между тѣмъ 4 Іюля прибыли изъ крѣпости Хниза депутаты, съ ключами оной и съ прошеніемъ защиты отъ войскъ Паши Мушскаго, кои противъ него взбунтовались и обратились на грабежъ, Хниза; посему Полковникъ Леманъ и занялъ сію крѣ-

пость. Жители Санджаковъ Ольпа и Нариманскаго равномѣрно прислали Депутатовъ съ изъявленіемъ покорности.

Экспедиція Генералъ Маіора Бурцова въ Бейбурть совершена съ такимъ же успѣхомъ. Отряженный имъ Маіоръ Зассъ, овладѣвъ мѣдными заводами, лежащими въ двухъ часахъ отъ Бейбурта, выступилъ къ оному и недоходя до него 12 верстъ былъ встрѣченъ пятью Старшинами, кои представили актъ отъ всѣхъ жителей о сдачѣ города и объявили, что Турецкіе Начальники, иные 6-го, а другіе сего 7 числа оставили Бейбуртъ. Въ немъ найдено 4 орудія, запасъ пороху и значительный провіантскій магазинъ.

Ванскій Паша, собравшій въ началѣ Іюня 10 тысячь войска, покушался на освобожденіе крѣпости Баязета: 20 числа повелъ атаку на сей городъ. Онъ открылъ огонь изъ орудій, поставленныхъ на высотахъ, и подъ покровительствомъ онаго пошелъ на приступъ къ восточной батареѣ. Баязетскіе жители Татарскаго квартала, увидя приближеніе Турокъ, начали производить изъ домовъ своихъ сильный ружейный огонь по нашимъ войскамъ. Жестокой бой продолжался до самой ночи и батарея сія, пе-

реходя четыре раза изъ рукъ въ руки, наконецъ многочисленностію Турокъ была отбита. На другой день 12 нашихъ орудій разрушили многіе домы въ Татарскомъ кварталѣ и вытѣснили изъ онаго Турокъ, тогда Нашебургскій съ двумя ротами Козловскаго полка отбилъ у непріятеля занятую имъ вчера батарею. Въ 12 часовъ 6 тысячь Турокъ сдѣлали последнее покушеніе овладѣть городомъ, но встрѣченные всею нашею Артиллеріею перекрестно, остановились, замѣшались и обратились назадъ. Послѣ сего Паша отступилъ на 9 верстъ отъ Баязета. Потеря непріятеля простиралась до 2000 человѣкъ убитыми. Съ нашей стороны убито 4 Оберъ-Офицера и нижнихъ чиновъ 73, ранены: Генералъ-Маіоръ Панютинъ, Штабъ-Офицеровъ 2, Оберъ-Офицеровъ 10, нижнихъ чиновъ 290. Войска Ванскаго Паши до 30 числа почти каждый день окружали городъ и уходили назадъ, а въ сей день, получивъ извѣстіе о взятіи Арзерума, бросивъ лагерь, удалились отъ Баязета.

Генералъ-Маіоръ Бурцовъ, занимавшій Бейбуртъ, извѣстясь, что близъ Хюмишь-Хане непріятель собрался въ числѣ отъ 10 до 12 т. че-

ловѣкъ, 18 Іюля выступилъ изъ Бейбурта съ пятью ротами, а 19 встрѣтился съ непріятелемъ у селенія Хартъ, мужественно вступилъ съ нимъ въ бой и видя его многочисленность ударилъ на него всѣми своими силами, но въ пылу сраженія получилъ смертельную рану пулею въ грудь на вылетъ. Принявшій по немъ команду Подполковникъ Линденфельдъ, видя несоразмѣрность силъ своихъ съ силами непріятеля, отступилъ къ Бейбурту.

Графъ Паскевичъ - Эриванскій, получа о семъ дѣлѣ извѣстіе, выступилъ 22 числа для истребленія сихъ непріятельскихъ войскъ, занявшихъ восемь деревень, кои облегали полукружіемъ Бейбуртъ. 27 числа атаковалъ онъ деревню Хартъ, въ коей засѣли 2000 отчаянныхъ Лазовъ, обрекшихъ себя на смерть для защиты ввѣреннаго имъ поста. Главнокомандующій, истребя непріятельскую засаду, составленную пришедшими на подкрѣпленіе Лазовъ Турками во флангѣ и въ тылу его отряда и сбивъ удачнымъ дѣйствіемъ артиллеріи шанцы, окружилъ деревню; прибывшее къ оной уже ночью другое подкрѣпленіе, послѣ упорнаго сраженія, было отбито и обращено въ бѣг-

ство. Лазы, видя неминуемую погибель свою бѣжали малыми отрядами изъ деревни Хартъ, потерявъ при семъ много людей и три бывшія у нихъ знамя. Занявъ деревню Хартъ Графъ Паскевичь-Эриванскій послалъ отрядъ для осмотра окрестныхъ деревень: одна часть онаго подъ командою Генералъ-Маіора Раевскаго встрѣтила непріятельскую пѣхоту въ числѣ 1000 чел., которая, увидя наши войска, тотчасъ скрылась на высочайшія скалы; другая же часть подъ начальствомъ Полковника Анрепа открыла у д. Балахоръ лагерь Османъ-Паши, занятый трехъ-тысячнымъ войскомъ. Послѣ кровопролитнаго боя здѣсь возгорѣвшагося, непріятель былъ обращенъ въ бѣгство и преслѣдованъ по всѣмъ направленіямъ въ горы. Въ семъ дѣлѣ отбито 2 орудія, одно знамя и весь лагерь Османъ-Паши, побито болѣе 300 Турокъ, въ числѣ коихъ много знатныхъ Чиновниковъ, въ плѣнъ взято 150 человѣкъ.

Съ нашей стороны въ продолженіе 27 и 28 числъ убито нижнихъ чиновъ 6 и ранено: 1 Штабъ-Офицеръ, 3 Оберъ-Офицера и до 60 нижнихъ чиновъ.

Послѣ сего Трапезонтскій Паша

14*

началъ собирать въ горахъ новыя значительныя силы, сосредоточивъ ихъ при крѣпости Хюмишь-Хане. Главнокомандующій, узнавъ о семъ, отрядилъ Полковника Графа Симонича для овладѣнія симъ пунктомъ. Сей послѣдній открылъ непріятеля 12 Августа на укрѣпленной горѣ Гяуръ-Дагъ, рѣшительно вступилъ съ нимъ въ бой, разсѣялъ его, преслѣдовалъ до самой ночи и на другой день подступилъ къ Хюмишь-Хане, но войска Турецкія между тѣмъ оставили сію крѣпость, а жители, большею частію Греки, встрѣтили отрядъ нашъ съ иконами и поднесли Полковнику Графу Симоничу ключи крѣпости.

Для большаго разсѣянія силъ непріятеля и для обозрѣнія Трапезонтской дороги Главнокомандующій предпринялъ 17 Августа движеніе по оной. По неимовѣрно трудной дорогѣ достигъ 22 числа до мѣста, называемаго Каракабанъ, въ 40 верстахъ отъ Трапезонта, но по невозможности слѣдовать далѣе и по приближенію осени, которая въ семъ гористомъ краѣ начинается гораздо ранѣе, возвратился въ Арзерумъ.

Во время сихъ движеній Генералъ-Маіоръ Гессе выступилъ противу жителей Кабулетскаго Санджака,

кои будучи подстрѣкаемы Пашею Тусчи Оглы ополчились въ значительныхъ силахъ и расположились въ укрѣпленномъ лагерѣ на урочищѣ Муха - Эстанъ. 6 Августа послѣ упорнаго сраженія, онъ овладѣлъ симъ лагеремъ и отбилъ 2 знамя и одно орудіе.

Сіи блистательные подвиги Русскихъ героевъ въ Европѣ и Азіи, уничижившіе гордыню Оттоманской Порты и показавшіе всѣму свѣту ея безсиліе и могущество Россіи, принудили Турецкаго Султана предать себя великодушію Императора НИКОЛАЯ I, Который, храня благоденствіе народовъ, даровалъ Портѣ миръ, заключенный 2 Сентября минувшаго года въ Адріанополѣ на слѣдующихъ условіяхъ: Дарданелы и Босфоръ открыты навсегда для торговли всѣхъ народовъ безъ изъятія. Присоединены къ Россійской Имперіи крѣпости: Анапа, Поти, Ахалцихъ, Ахцуръ и Ахалкалакъ, необходимые для огражденія предѣловъ оной съ Азіятской стороны; прежніе Трактаты съ Портою признаны ею въ полной силѣ. Вознагражденіе убытковъ, отъ войны понесенныхъ, и тѣхъ, кои причинены Россійскимъ подданнымъ, обезпечено. Преимущества Княжествъ

Молдавіи и Валахіи утверждены. Права Сербамъ дарованныя по Бухарестскому договору нынѣ воспріимутъ свою силу. Политическое бытіе Грецiи признано Портою безусловно.

СМѢСЬ.

УМОРИСТИКА.

ЛЮДИ НЕ НА СВОИХЪ МѢСТАХЪ.

(Окончаніе).

Калифъ, проснувшись довольно рано и подошедъ къ окну, чтобы освѣжиться пріятнымъ утреннимъ воздухомъ, увидѣлъ въ саду своемъ невольника, который сидѣлъ подъ деревомъ и плакалъ. Въ это время подошелъ къ сему невольнику надзиратель надъ садами и съ большимъ гнѣвомъ началъ говорить ему: »ты, проклятой лѣнивецъ ничего не работаешь! или думаешь, что слезы твои избавитъ тебя отъ трудовъ?« и съ сими словами поднялъ въ верхъ толстую палку, удары которой посыпались бы градомъ на спину бѣднаго

невольника, если бы голосъ Калифа не остановилъ разсерженнаго надзирателя. »Приведи этаго невольника ко мнѣ, вскричалъ Калифъ, и невольникъ вскорѣ явился Благородный, величественный видъ сего послѣдняго и нѣсколько отвѣтовъ на вопросы Ал-Рашида показывали, что онъ рожденъ не въ низкомъ состояніи. Калифъ намѣревался продолжать свои вопросы; но въ это время вошелъ къ нему Гіафаръ въ сопровожденіи Государственнаго Казначея, Селима, Имана, начальника стражи и Мезрура. Всѣ они, кромѣ Гіафара и Государственнаго Казначея, пали передъ Калифомъ на колѣна. Ал-Рашидъ повелѣвъ имъ встать и объявивъ все, чему онъ въ прошедшую ночь былъ свидѣтелемъ, продолжалъ: »мнѣ нужно знать, какими путями достигли вы занимаемыхъ вами мѣстъ; а потому и разскажите главныя обстоятельства жизни вашей — но разскажите справедливо; въ противномъ случаѣ, страшитесь моего гнѣва!« По приказанію Калифа прежде всѣхъ началъ Иманъ.

»Имя мое Гассанъ, Повелитель Правовѣрныхъ! Я родился отъ небогатыхъ и незнатныхъ родителей. Мать моя во время беременности видѣла какой-то сонъ, по суевѣрному,

мнѣнію ея предвѣщающій несчастіе: для предупрежденія этаго мнимаго несчастія, она сдѣлала обѣщаніе, чтобы новорожденнаго младенца, если онъ будетъ мужескаго пола, посвятить духовному званію. На 6 году отъ роду я отданъ былъ для ученія одному дервишу, который старался поселить въ меня желаніе со временемъ быть духовною особою. Я оказалъ быстрые успѣхи въ наукахъ; но, не смотря на убѣжденія своего наставника, не чувствовалъ ни малѣйшей охоты поступить въ класъ духовныхъ. Когда я кончилъ науки и пришелъ въ совершенный возрастъ, то родители мои начали принуждать меня вступить въ назначенное ими званіе. Всѣ просьбы и убѣжденія мои остались тщетными и только побѣгъ изъ дома родительскаго избавилъ меня отъ принужденія. Послѣ этого я нашелъ себя въ возможности исполнить любимѣйшее желаніе свое, т. е. опредѣлился въ войско; былъ на сраженіи со врагами отечества, успѣлъ отличиться, отбилъ два знамя и представилъ къ своему начальнику. Полученныя мною въ сраженіи раны принудили меня слечь въ постелю, отличіе мое осталось ненагражденнымъ; болѣзнь изнурила меня, а бѣдность угрожала голодомъ,

Вотъ причины принудившія меня возвратиться въ домъ родителей и выполнить желаніе ихъ. Чистосердечно признаюсь, что я не могу исполнять обязанностей, сопряженныхъ съ званіемъ духовной особы и гораздо болѣе могъ бы принести пользы отечеству, если бы находился въ военномъ состояніи. Вотъ моя исторія, Повелитель Правовѣрныхъ, и она совершенно справедлива.«

Теперь начинай ты, сказалъ Калифъ, обратясь къ начальнику стражи, и сей повиновался.

Исторія моя очень коротка, Повелитель Правовѣрныхъ: имя мое Асмудъ, родители мои были люди довольно достаточные и они, воспитавъ меня лучшимъ образомъ, отправили въ войско. Однажды нѣкоторая часть воиновъ произвела ропотъ и отказалась повиноваться начальникамъ своимъ; я произнесъ къ неповинующимся рѣчь, въ которой самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ старался доказать сколь священна власть начальниковъ, поставленныхъ надъ нами Государемъ и что неповиновеніе не останется безъ наказанія и въ семъ мірѣ и въ будущемъ. Рѣчь моя подѣйствовала: возмутившіеся обратились къ повиновенію, — и отъ отъ этаго зависѣлъ выигрышъ сра-

женія. Сей поступокъ мой доставилъ мнѣ чинъ начальника стражи, совершенно несоотвѣтственный способностямъ моимъ, которыя, быть можетъ, сдѣлали бы меня значительнымъ — не въ военномъ, но въ духовномъ званіи.«

Скажи мнѣ, спросилъ Калифъ, для чего ты въ то время, когда Иманъ разгонялъ стражу, удалился въ мечеть?

»Для того, Повелитель Правовѣрныхъ, чтобы принести моленіе объ отпущеніи грѣховъ этому Иману и обращеніи его на стезю благонравія.«

Теперь началъ говорить Мустафа: я признаюсь, Повелитель Правовѣрныхъ, что званіе Государственнаго Казначея доставили мнѣ заслуги моихъ предковъ. Но клянусь великимъ Пророкомъ и священнымъ Алкораномъ, что я должность свою отправлялъ честно и первое преступленіе мое состояло въ намѣреніи воспользоваться нѣкоторою суммою изъ государственной казны. Не смѣю просить тебя, Великій Государь, о пощадѣ, не смѣю представлять тебѣ, что каждый человѣкъ — есть человѣкъ, и можетъ впасть въ искушеніе. Теперь я готовъ на жесточайшія мученія, которыя заслужилъ преступнымъ намѣреніемъ своимъ:

пусть для другихъ будетъ это самымъ лучшимъ урокомъ!

Мустафа кончилъ и началъ говорить Селимъ: я не имѣю ничего донести тебѣ, Повелитель Правовѣрныхъ, какъ только, что отецъ мой былъ Сераскиръ-Ибрагимъ, получившій смерть отъ роковаго снурка. Послѣ своего отца я остался безъ родственниковъ, безъ имѣнія, и безъ всякихъ пособій; великодушный Мустафа взялъ меня къ себѣ и воспиталъ какъ роднаго сына.

Теперь твоя очередь, Мезруръ, сказалъ Калифъ.

О, свѣтило міра! воскликнулъ Кади — говорить собственно о себѣ я почитаю лишнимъ: ибо за меня говорятъ заслуги моихъ предковъ. Всѣ они, начиная съ дѣда моей бабки, занимали важнѣйшія мѣста въ Калифатствѣ и прославились усердіемъ къ отечеству....

Довольно, довольно! вскричалъ Ал-Рашидъ и обратился къ невольнику, приведенному изъ сада: я желаю знать твои приключенія; разсказывай.

»Я называюсь Адемдай, Великій Государь, отецъ мой принадлежитъ къ числу владѣтельныхъ особъ въ счастливой Аравіи. Юность моя протекла въ тишинѣ и полезныхъ занятіяхъ, но осьмнадцатый годъ былъ роковымъ

для меня годомъ. Я любилъ ѣздить на охоту, чтобы пріучить руку свою къ мѣткому пусканію стрѣлъ, какъ однажды, заѣхавъ очень далеко, заблудился, утомленная лошадь моя не могла идти, я привязалъ ее къ дереву, а самъ пошелъ къ текущему вблизи источнику, чтобы утолить мучительную жажду.... Но что я увидѣлъ! молодая дѣвушка, прелестная какъ гурія, сидѣла на травѣ и перебирала душистые цвѣты. Я хотѣлъ приближиться къ красавицѣ, но она какъ быстрая серна отъ меня скрылась — и унесла съ собою мое спокойствіе. Съ большимъ трудомъ я отыскалъ дорогу и возвратился къ своему жилищу, которое нашелъ окруженнымъ воинами подъ предводительствомъ сосѣдственнаго владѣтеля Ахмета, стариннаго непріятеля моего отца. Будучи хорошо вооруженъ, я недолго размышлялъ, бросился на враговъ и врубился въ ряды ихъ. Осажденные, ободрясь моимъ примѣромъ, сдѣлали вылазку — и разбили непріятеля, который предался бѣгству. Мы преслѣдовали враговъ до самаго жилища ихъ; я съ небольшимъ числомъ воиновъ, ворвался въ домъ Ахмета и, распаленный гнѣвомъ, лишилъ бы его жизни, если бы въ дочери его, Земирѣ, не узналъ плѣнив-

щую меня незнакомку. Все это кончилось миромъ и согласіемъ Ахмета отдать за меня прелестную дочь его. Я почиталъ себя первѣйшимъ счастливцемъ въ мірѣ, но скоро узналъ свою ошибку. Однажды Земира и я пошли прогуливаться; непримѣтнымъ образомъ удалились мы отъ жилища, были окружены разбойниками, схвачены и приведены въ Багдадъ; я достался тебѣ, Повелитель Правовѣрныхъ, а Земира продана Кадію Мезруру.«

Гарунъ Ал-Рашидъ, по кратковременномъ молчаніи, произнесъ слѣдующее: »Всѣ вы находитесь не на своихъ мѣстахъ, а потому я и назначаю васъ къ такимъ должностямъ, которыя болѣе приличны вамъ. Ты, Гассанъ, будь начальникомъ стражи: неустрашимость твоя увѣряетъ меня, что къ должности сей ты болѣе способенъ, нежели къ званію духовнаго, только веди себя повоздержнѣе.— Тебя, краснорѣчивый и набожный Асмудъ, я назначаю въ Иманы: ты не рожденъ для военнаго званія.—Ты, Мустафа, согласился самъ, что стоишь жестокаго наказанія, но я тебя прощаю единственно изъ уваженія къ благодѣяніямъ, оказаннымъ тобою Селиму; однакожъ ты не можешь остаться въ званіи Го-

сударственнаго Казначея: пусть это мѣсто займетъ Селимъ, который, надѣюсь, будетъ честнѣе тебя.—Но ты Мезруръ, ты человѣкъ самый негодный, самый низкій, неспособный ни къ чему болѣе, какъ только къ занятіямъ невольника: ты заступаешь мѣсто Адемдая, который вмѣсто тебя пусть будетъ Кадіемъ и обладателемъ твоихъ сокровищь и прекрасной Земиры. Ступайте; а ты, Гіафаръ, сдѣлай приличныя распоряженія для исполненія моей воли.«

Ал-Рашидъ не забылъ и бывшаго Агу - Базима: доставилъ ему самое безбѣдное состояніе и благородной Базимъ до самой смерти своей умолялъ Всевышняго и Великаго Пророка Магомета о ниспосланіи непрерывнаго благоденствія доброму и великому Калифу.

Ротта,

или присяга Самоядовъ.

Самояды, собравшись въ одно мѣсто дѣлаютъ изъ снѣгу или темноватой глины нѣсколько остроконечныхъ треугольныхъ болвановъ, съ изображеніемъ лика. Поставя оныхъ

на снѣгъ, приводятъ къ тому мѣсту живую черную собаку и приносятъ носъ бѣлаго мѣдвѣдя; послѣ чего, прикосновенные по какому либо случаю Самояды, раздѣваются до нага и становятся въ кучу лицемъ къ лицу, глядя съ большимъ вниманіемъ и усердіемъ на небо и произнося слѣдующія слова: »Богъ насъ накажи или, чтобъ пожрала насъ земля, разтерзалибъ тѣла наши звѣри.« Послѣ сего ротившіеся (присягавшіе) убиваютъ упомянутую собаку, и въ тужъ секунду вырѣзываютъ изъ лѣваго ея боку сердце; вынявъ оное бросаютъ на снѣгъ или землю и когда оно еще трепещетъ, каждый ротникъ схватываетъ по порядку его съ земли, отрѣзываетъ ножемъ по частицѣ онаго и бросаетъ опять на землю, потомъ также каждый отрѣзываетъ по частицѣ упомянутаго ошкуя или медвѣдя и ѣстъ; наконецъ вышеозначенный болванъ мажутъ кровью и разбиваютъ въ мѣлкія куски на томъ же мѣстѣ.

Примѣчаніе. Самояды увѣрены, что кто сію роту принимаетъ во лжи, тотъ скоро дѣлается добычею звѣря или какимъ нибудь другимъ образомъ погибаетъ.

Кудеси или колдовство Самоядовъ.

Нѣсколько человѣкъ Самоядовъ собираются въ нарочно для сего приготовленный чумъ, и кудесникъ надѣваетъ на себя изъ краснаго сукна расшитую по спинѣ золотыми хозами малицу. Предметомъ колдовства бываетъ обыкновенно желаніе знать, хорошъ ли будетъ путь гулять, т. е: ѣхать на промыслъ звѣря и проч. и счастливо ли возвратятся. Кудесникъ, обѣщаясь исполнить ихъ требованіе, проситъ для принесенія въ жертву невидимымъ духамъ оленя, котораго приводятъ и привязываютъ къ чуму, послѣ чего кудесникъ начинаетъ пѣть чародѣйскіе стихи или пѣсни, призывая дьявола, *Хасово таляндy*, потомъ завѣшиваетъ свое лицо кускомъ сукна въ поларшина величины, къ которому привѣшены колокольчики и мѣдныя бляхи, а на правую руку надѣваетъ перчатку, въ которую беретъ лапку бѣлаго зайца, ставитъ на сукно трехъ каменныхъ и одного деревяннаго остроконечныхъ идоловъ, обшитыхъ разными сукнами. Послѣ сего начинаетъ заячьею лапою бить въ бубенъ, именуемый пензеромъ, и всѣ бывшіе Самояды принимаются кричать самымъ необыкновеннымъ и отвратитель-

нымъ голосомъ. Сіе странное дѣйствіе продолжается около трехъ часовъ, и всѣ увѣрены, что въ это время что-то невидимое свиститъ и пищитъ въ воздухѣ вкругъ чума. Напослѣдокъ кудесникъ выходитъ изъ чума на улицу, задавливаютъ привязаннаго оленя арканомъ и ставятъ у чума нѣсколько пикъ, удавленнаго же оленя кладутъ на землю или на снѣгъ. Всѣ бывшіе тутъ Самояды, надѣвъ на себя новые изъ оленьихъ шкуръ малицы, садятся вкругъ онаго: кудесникъ разрѣзываетъ у оленя брюхо, отрѣзавъ часть мяса, обмакиваетъ оное въ горячую кровь и ѣстъ, чему слѣдуютъ и прочіе Самояды. По окончаніи сей трапезы кости кидаютъ собакамъ, оленью жъ кожу привѣшиваютъ къ дереву, въ жертву невидимымъ духамъ, а голову ставятъ на высокій хребетъ, именуемый собни, въ верхъ носомъ (для вспоминовенія, что на семъ мѣстѣ былъ битъ кудесъ). Послѣ онаго *чародѣйства*, кудесникъ снимаетъ съ себя все платье и объявляетъ, что путь ихъ будетъ съ прибылью.

ЕЩЕ БЕЗДЕНЕЖНЫЙ КУРСЪ

На Россійскомъ языкѣ.

Курсъ Лѣсоводства.

Хотя Правительство всегда обращало, и въ особенности нынѣ обращаетъ вниманіе на лѣсоводство, сей важный источникъ Государственнаго богатства, показывающій намъ способы производить на маломъ пространствѣ земли въ кратчайшее время наибольшее количество лѣса, но при всемъ томъ замѣчено, что Гг. помѣщики, обладающіе пространными лѣсами, пользуясь выгодами отъ нихъ получаемыми, ни мало не заботятся о разведеніи и сохраненіи лѣсовъ, отъ чего они безпрерывно уничтожаются и очевидное уменьшеніе оныхъ въ послѣдствіи можетъ заставить насъ, какъ и въ Германіи, прибѣгнуть къ средствамъ лѣсныхъ наукъ; но это можетъ быть поздно, естьли не примутъ нынѣ мѣръ къ отвращенію сей небрежности, произходящей отчасти отъ предубѣжденія, будто лѣсоводство требуетъ значительныхъ издержекъ, которыя не могутъ

соотвѣтствовать приобрѣтаемымъ отъ того выгодамъ, частію отъ того, что природа, какъ полагаютъ иные, сама собою безъ помощи людей вознаградитъ ежегодную вырубку лѣсовъ. —

Не трудно будетъ опровергнуть неосновательность сихъ мнѣній и доказать, что безъ всякихъ почти издержекъ, достаточно единственнаго наблюденія правильности при вырубкѣ, дабы лѣса безпрерывно возобновлялись и сохранялись въ хорошемъ состояніи, доставляя при томъ самый большой доходъ. Для сей цѣли, какъ и для распространенія столь полезной для владѣльцовъ, сельскихъ хозяевъ, управителей и т. д. науки, преподается:

Курсъ лѣсоводства еженедѣльно по одному разу отъ 7 — 8 ч. вечера, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Курсъ сей читается Г. Статскимъ Совѣтникомъ Стефани въ домѣ Вольнаго Экономическаго Общества, которое изъявило готовность свою для содѣйствія въ столь общеполезномъ подвигѣ, принятіемъ на себя освѣщенія прекрасной залы своей для помѣщенія слушателей.

Въ семъ курсѣ разсуждаемо будетъ единственно о предметахъ, касающихся до лѣсоводства. О прочихъ же

лѣсныхъ наукахъ упоминаемо будетъ только тогда, когда оныя имѣютъ непосредственное вліяніе на разведеніе лѣсовъ, какъ на примѣръ:

Изъ Ботаники — познаніе *полезнѣйшихъ* деревъ и ихъ сѣмянъ, не входя въ ихъ систематическія признаки.

Изъ Энтомологіи — только познаніе вредныхъ для лѣсоводства насѣкомыхъ.

Изъ Технологіи, имѣющей малую связь съ лѣсоводствомъ, но составляющей главную цѣль онаго, упомянуто будетъ вкратцѣ о употребленіи разнаго рода деревъ.

Лѣсная Таксація (лѣсоизчисленіе), показывающая намъ количество лѣса, растущаго на извѣстномъ пространствѣ, ежегодное приращеніе каждаго дерева, какъ и цѣлаго пространства лѣса, и сколько ежегодно срубать можно, чтобы срубка была соразмѣрна ежегодному приращенію, такъ какъ и правила для раздѣленія лѣсовъ на засѣки, дабы каждый годъ можно было срубать поравному количеству. Какъ на сей части основывается лѣсоводство, то и показаны будутъ способы вышесказаннаго изчисленія, не входя въ алгебраическія формулы.

Поелику пространство Россіи слишкомъ обширно, чтобы дать общее правило, приличное для всѣхъ губер-

ній; то обращено будетъ особенно вниманіе на тѣ законы природы и тѣ общія правила, изъ которыхъ особенныя правила извлекаются; а потому въ составъ сего курса войдетъ слѣдующее:

Лѣсоводство.

А) *Введеніе.*

Дѣйствіе климата, мѣстоположенія и земли на разведеніе лѣсовъ.

В) *Разведеніе лѣсовъ посредствомъ самосѣянія* [Waldbau].

О засѣкахъ, ихъ расположеніи, срубкѣ и т. д.

О правилахъ при срубкѣ

a) высокоствольныхъ (Hochwald).
b) средняго (Mittelwald) и
c) нискоствольнаго лѣса (Niderwald; наблюдаемыхъ дабы лѣса могли возобновляться.

О смѣшанныхъ лѣсахъ (gemischter Bestand), т. е. лѣсахъ, состоящихъ изъ деревъ разнаго рода.

О лѣсахъ худаго стоянія (Schlechter Bestand).

О преобразованіи лѣсовъ, (Umwandlug der Wälder) на примѣръ изъ осиноваго въ березовый; или изъ низкоствольнаго въ высокоствольный и т. д.

О сбереженіи лѣсовъ.
Злоупотребленіе (Forst Frevel).

C) *Разведеніе лѣсовъ посредствомъ сѣянія* (Zotzzucht).

Когда оное употребляется, на примѣръ, въ безлѣсныхъ мѣстахъ.
О выборѣ рода деревъ, мѣста и т. п.
О пріуготовленіи земли.
О посѣвѣ.
О количествѣ сѣмянъ, потребныхъ для извѣстнаго пространства земли.
О пересадкѣ.
О черенкахъ.
О плантажѣ.

Г) *Технологія (употребленіе лѣсовъ).*

Главнѣйшія свойства различныхъ родовъ деревъ.
Изчисленіе деревъ, годныхъ на постройку:
под водою,
надъ водою,
для заводовъ и т. п.
О жженіи угольевъ, поташа и т. п.

СЛОВЦО ОБЪ АКТЕРАХЪ-ВОЛОНТЕРАХЪ.

Зная, что Господинъ Издатель Отт. Записокъ любитъ и покровительствуетъ все Русское, что онъ любитъ, такъ сказать, выводить на свѣтъ бѣлый дарованія и таланты соотечественниковъ, не смотря на ихъ состояніе — и даетъ мѣсто въ Журналѣ своемъ всему соотвѣтствующему сей цѣли, я беру смѣлость сообщить нѣчто въ семъ родѣ.

Февраля 2-го дня мнѣ случилось быть въ одномъ замѣчательномъ спектаклѣ, составленномъ изъ Актеровъ, не учившихся никогда правиламъ сценическаго искуства, и не имѣвшимъ даже случая много видѣть хорошей игры извѣстныхъ нашихъ Актеровъ.

Въ прошедшемъ году въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ кто-то подъ фирмою В. Б. напечаталъ объ нихъ статейку въ Сынѣ Отечества. Это такъ ихъ ободрило, что давай устроивать новый спектакль, въ лучшемъ противъ прежняго видѣ и учить лучшіе піэсы! — Играли: *Воздушные замки, Продолженіе оныхъ и Петиметръ въ деревнѣ.* Первая шла въ особенности порядочно: Саша, которую представляла Алексѣева 2-я, и Викторъ, котораго роль

выполнялъ Татариновъ, доставилъ большое удовольствіе публикѣ: многократный аплодиссементъ и громкіе браво! служили тому доказательствомъ. Когда послѣдняя піэса кончилась, всѣ думали разойтись, но вдругъ на сцену является вышеупомянутый Татариновъ, Московскій мѣщанинъ и Каммердинеръ въ домѣ Тайн. Сов. Б—ва) музыка загудѣла, и онъ, поклонясь публикѣ, не думано, не жданно пропѣлъ премилымъ голосомъ слѣдующіе куплеты:

Мы всей труппою желали
Вамъ игрою угодить,
И за счастіе считали
Васъ спектаклемъ угостить.

* *
*

Какъ умѣли, такъ сыграли
И въ надеждѣ, что на насъ
Не взыщите — коль не знали,
Веселить достойно васъ.

* *
*

Благодарность мы приносимъ,
Что похлопали вы намъ;
Добрыми и впредь быть просимъ
Васъ къ покорнѣйшимъ слугамъ.

Скажутъ мнѣ, что въ куплетахъ сихъ нѣтъ ничего остраго, піитическаго? Быть можетъ; но чего жъ хотите вы, Милостивые Государи, отъ человѣка, знающаго едва русскую грамоту, сочинившаго это во время одного изъ своихъ уходовъ за кулисы: ça avait aumoins le prix de l'impromtue, а этимъ не всегда могутъ похвастаться и наши паркетные остряки. Со всякимъ добрымъ Русскимъ я радуюсь всякому доброму начинанію и желаю, чтобъ изъ Актеровъ-Волонтеровъ вышелъ когда нибудь новый Щепкинъ, Рязанцевъ.

С. Люборуссовъ.

СПИСОКЪ

Авторовъ, участвовавшихъ въ десятилѣтнемъ издании Отечественныхъ Записокъ.

Д.

Давыдовъ (Денисъ Васильевичь Ген. М.). ч. I. II. IV. VII. VIII. IX. X. Выписки изъ партизанскаго дневника 1812 г.

Данилевскій - Михайловскій (Александръ Ивановичь). ч. II. Черты изъ жизни Князя Кутузова-Смоленскаго.— ч. III. IV. V. VI. VII. Разборъ Россійскихъ сочиненій, касающихся до Исторіи 1812 года. — ч. XIV. Отрывокъ изъ описанія Турецкаго похода Россіянъ подъ начальствомъ Г. отъ Кн. Голенищева - Кутузова въ 1811 году.— ч. XVII. Аттестатъ Лебедеву. — ч. XX. Объ открытіи основаній десятинной церкви.

Дебу (Осипъ Львовичь Ген. М.). ч. VIII. IX. X. Разныя историческія замѣчанія о Кавказскихъ народахъ. Ч. XV. Замѣчанія о Черноморіи и Черноморскихъ козакахъ. — ч. XVI. XVIII. XIX. О начальномъ установленіи и распространеніи Кавказской линіи.

Демидовъ (Ник. Петр.) ч. XXVII. Нѣкоторыя замѣчанія на опытъ теоріи налоговъ, соч. Ник. Тургенева.

Деньгинъ. ч. XXXVI. Свѣденіе о рѣкѣ Печорѣ.

Державинъ. XXXII. О Московскихъ шаляхъ.

Дерьярдъ (Пав. Осип.) ч. XV. Письмо объ Исторіи Малороссіи. ч. XXI. Письма къ издателю.

Долгиковъ. ч. XXXVII. Письмо изъ Варны. ч. XXXIX. Наблюденія Русскаго Офицера въ Варнѣ.

Друцкой-Соколинской (Кн. В. Н.) О концертѣ, данномъ въ Москвѣ любителями музыки въ пользу пострадавшихъ отъ наводненія въ С. Петербургѣ.

Е.

Евгеній (Митрополитъ Кіевскій). Ч. VIII. О Русской церковной музыкѣ. — Ч. IX. О слѣдахъ древняго Греческаго города Херсона, доселѣ видимыхъ въ Крыму. — ч. XVI. Описаніе золотой медали, найденной въ Кіевѣ, Сентября 1823 г. — ч. XVIII. Слово предъ избраніемъ Судей въ Кіевѣ. — ч. XIX. О древностяхъ, найденныхъ въ Кіевѣ. Ч. XXI. Планъ первобытной Кіевской десятинной церкви съ объясненіемъ онаго. — XXII. Лѣтопись древняго Славяно-Русска-

го города Изборска. — XXXVI. Описаніе церковной встрѣчи въ Кіевѣ Императрицы Александры Ѳеодоровны. — XL. Описаніе церковной встрѣчи въ Кіевѣ Императора Николая Павловича.

Ейхвельдъ. Ч. IV. Вѣчный огонь на берегу Каспійскаго моря. Ч. VI. Кавказская дорога.

Екатерина II. Ч. XXII. Собственноручная записка о раздѣленіи лѣсовъ въ Россіи.

Елоховскій. Ч. XXV. и XXVI. Преданность къ своимъ Государямъ и Отечеству жителей Смоленской Губерніи. — Ч. XXVII. Взглядъ на достопримѣчательныя зданія въ городѣ Смоленскѣ и урочища, находящіяся въ Смоленской Губерніи.

Енгельманъ (Стат. Совѣт.) Ч. XII и XV. Опредѣленіе выгоднѣйшей для Россіи системы сельскаго хозяйства и промышленности.

Ермоловъ (Алекс. Петр.) Ч. XXXII. XXXIII. Выписка изъ Журнала Россійскаго Посольства въ Персію въ 1817 г.

Ермоловъ (Петръ Алексѣевичъ). Ч. XXXV. О прощаніи и послѣднемъ засѣданіи въ Орловскомъ тюремномъ Комитетѣ Преосвященнаго Гаврiила.

Ж.

Жмакинъ (Александръ Яков.) ч. XXVIII. Рѣчь предъ открытіемъ дворянскихъ выборовъ.

Жолудковскій. ч. XVIII. О Крупицкомъ Монастырѣ и келіи Св. Димитрія Ростовскаго.

Журавлёвъ. ч. XXXVIII. Примѣръ сыновней любви.

З.

Закревскій (Арсеній Андреевичь). ч. V. и VI. Походъ Графа Каменскаго 2-го противъ Турокъ въ 1810 и 1811 годахъ.

Зельницкая (Елис. Григор.) ч. XXVII. Изслѣдованіе древнихъ Историческихъ мѣстъ или урочищъ, которыя должны находиться въ предѣлахъ нынѣшней Калужской Губерніи.

Зотовъ (Никита Моисеевичь). ч. XV. Предположенія о водяныхъ сообщеніяхъ въ Россіи и Польшѣ въ началѣ XVIII столѣтія.

И.

Ивановъ. ч. VIII. Открытіе Кремлевскаго сада, въ день тезоименитства Государя Императора, въ 1821 году.— ч. VIII. О новой Итальянской труппѣ въ Москвѣ. — ч. X. Нѣкоторыя подробности о Московскомъ гуляньѣ

подъ Новинскимъ. — ч. XIII. О скульпторѣ Замараевѣ. — XXXVI. О Персидскихъ трофеяхъ.

Ириней (Епископъ Пензенской). ч. VII. Слово, говоренное на Молдавскомъ языкѣ на кончину Митрополита Гавріила. — ч. XII. О Монастырѣ Городищѣ.

К.

Канкринъ (Гр. Егоръ Францовичъ). Ч. XXIX. Монограмы или родъ гербовыхъ знаковъ на стѣнахъ Изборскаго замка.

Казадаевъ (Александръ Васильевичъ). Ч. XXIX. Историческое похвальное слово Димитрію Донскому.

Карниловичъ. ч. II. Нѣчто о ратномъ искуствѣ древнихъ Россіянъ. — ч. V. и VI. Лефортъ, Генералъ-Адміралъ и Вице-Роа Новогородскій.

Кирсановъ (Ген. Маіоръ). Ч. XXIX. Мысли о произхожденіи Донскихъ козаковъ.

Козловъ (Н. Я.) Ч. XXIV. Письмо изъ Таганрога о болѣзни и кончинѣ Императора Александра I. — XXV. Выписка изъ письма отъ 12 Ноября 1825 г.

Козловскій (Князь Ал.) ч. XIV. Благодѣтельные крестьяне Кинешемскаго Уѣзда. — ч. XVII. О памятникѣ въ Кинешмѣ. — ч. XVIII. Вичуга.

Ковалевскій (Евграфъ Петровичь). Ч. VII. О чугунной дорогѣ въ Колыванскомъ заводѣ. — XXXVII. Некрологія А. И. Могилевскаго.

Крейцъ (Вице-Адмиралъ). Ч. XIX и XX. Розысканія о Донѣ, Азовскомъ морѣ, Воронежѣ и Азовѣ, поднесенныя Царевичу Алексѣю Петровичу.

Ксиландръ. Ч. XXXVI. Праздникъ въ Петрозаводскѣ по случаю извѣстія о взятіи Варны. —

Кудряшевъ (Пет. Мих.) Ч. XXI. О пребываніи Императора Александра I. въ Оренбургѣ. — XXVIII. Предразсудки и суевѣрія Башкирцевъ. — Киргизскій плѣнникъ (быль Оренбургской линіи). — Рѣдкой примѣръ безкорыстія. — XXIX. Абдряшъ, Башкирская повѣсть. — XXXIX. Даржа, Калмыцкая повѣсть. — XL. Илецкій казакъ Иванъ, сокрушитель Пугачева.

Куницкій (Петръ Семеновичь). Ч. VII. Слово на кончину Митрополита Гавріила.

Кугушевъ (Князь). Ч. VII. Свѣденія о Нижегородской ярмонкѣ. — XIII. О Саровской пустынѣ. — XI. Новости изъ Нижняго Новагорода 1822 г. — XII. О нижегородской ярмонкѣ. — XVII. Объ Евангеліи И. М. Булгакова въ Арзамасѣ. — XXV. Выписка изъ письма. — XXIX. Объ откры-

тіи въ Лысковѣ ярмонки. — XXXIII. О Нижегородской ярмонкѣ въ 1827 г. — XXXVI. Освященіе памятника Минину и Пожарскому въ Нижнемъ Новѣгородѣ. —

Л.

Ладыженскій. Ч. XXXII. XXXIII. Краткая лѣтопись войнамъ, веденнымъ Русскими противъ Персіянъ.

Лесницкій. Ч. XXIV. Генералъ-Фельдмаршалъ Гр. Петръ Алек. Румянцевъ Задунайскій предъ Турецкою войною.

Лисенко (Ѳедоръ Ильичь). Ч. XVIII. Письмо изъ Твери.

Ломоносовъ. Ч. XXXVII. Записка, имъ самимъ составленная о трудахъ его по соляной части.

Львовъ (Ив. Ѳед.). Ч. XV. Цейгаузъ Петра Великаго въ Воронежѣ.

Львовъ (Павелъ Юрьичь). Ч. II. Взглядъ на Маріинскій каналъ. — IV. Причина наименованія Маріинскаго канала. — V. О системѣ плаванія по Маріинскому каналу — VII. Петръ Первый творецъ Маріинскаго канала. — XIX. О городѣ Вышегрѣ. — XXVII. О сочиненіяхъ его относительно къ Отечественному.

Любирскій. Ч. XVI. Объ открытіи платины въ Россіи.

Лупулъ. Ч. XXX. О монетахъ. XXXIII. Отвѣтъ на критику Руссова.

Львивцевъ (Стат. Совѣт.) Ч. XXX. Описаніе построенія города Ярославля и заложенной въ основаніи онаго церкви во имя Св. Пророка Иліи Великимъ Княземъ Ярославомъ I.

Конецъ

второй книжки сорокъ первой части.

лѣтнимъ трудомъ Издателя, — трудомъ, наполняющимъ всю его думу и воображеніе, составляющимъ все его честолюбіе; трудомъ, бывшимъ однимъ изъ предметовъ и побужденій для поѣздокъ его по Россіи; однимъ словомъ: *съ Исторіею царствованія Петра Великаго,* которая приводится имъ къ окончанію.

Добавлю, что Отечественныя Записки неизмѣнятся ни въ наружномъ видѣ своемъ, ни во времени своего выхода въ свѣтъ, ни въ самой цѣнѣ, хотя многіе Журналисты находятъ большія выгоды въ ежегодныхъ измѣненіяхъ того и другаго.

Цѣна годовому изданію Отечественныхъ Записокъ, состоящему изъ двѣнадцати книжекъ, каждая по 7 и болѣе печатныхъ листовъ, съ четырьмя и болѣе видами и планами замѣчательнѣйшихъ отечественныхъ городовъ, монастырей и т. п., *по прежнему:* въ С. Петербургѣ 25 рублей, а съ пересылкою во всѣ города Имперіи, 30 рублей ассигнаціями.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: у самого Издателя Павла Петровича Свиньина, живущаго въ Садовой улицѣ, въ домѣ Жербина, и въ книжныхъ лавкахъ А. Ф. Смирдина и И. В. Сленина и прочихъ значительнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ: у содержателя Университетской книжной лавки — А. С. Ширяева.

Господа иногородные благоволятъ относиться съ требованіями своими въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта; впрочемъ, могутъ подписываться и во всѣхъ Почтамтахъ и Конторахъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, коими приняты мѣры къ исправнѣйшему доставленію сего Журнала.

Павелъ Свиньинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

Практическій Механикъ въ Гражданѣ. [illegible]

Договорная окончательная Грамота, составленная и подписанная въ 1634 г. Полномочными Русскими и Польскими Послами, объ отреченіи Владислава отъ Царства Русскаго. [illegible]

Отрывокъ изъ Дневника Егерскаго Офицера. 221

[illegible], или вечеръ наканунѣ Ивана-Купала (Малорос. повѣсть). [illegible]

Стихотворенія.

Второй отрывокъ изъ поэмы: Сибир- скій Бытъ 265

Отрывки изъ Сельской поэмы Славутин- скаго: Четыре времени года Русскаго поселянина 275

Переписка.

Письма изъ Сибири 299

Военныя событія. (Окончаніе). . . . 301

Смѣсь.

Умористика. (Окончаніе) 319

Причины Самоѣдовъ 327

Кубекъ или владѣніе Самоѣдовъ 329

Еще безденежный курсъ о Лѣсоводствѣ на Русскомъ языкѣ 331

Свѣдѣнія объ анонерахъ-волонтёрахъ [illegible]

Списокъ Авторовъ, участвовавшихъ въ 10-ти лѣтнемъ изданіи Отече- ственныхъ Записокъ 331

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Департ. Внѣш. Торг.

1830.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

О продолженіи Отечественыхъ Записокъ въ настоящемъ 1830 году.

Ласкаюсь надеждою, что почтенные соотечественники мои отдадутъ справедливость усердію и постоянству, съ коими я выдержалъ изданіе *Отечественныхъ Записокъ* въ продолженіе *десяти лѣтъ*, несмотря на величайшія затрудненія, сопряженныя съ принятою цѣлію — говорить въ нихъ объ одномъ Русскомъ, отечественномъ. Но признаюсь, что нестолько пріисканіе матеріяловъ для замѣщенія ежегодно 80-ти и болѣе печатныхъ листовъ одними Русскими, оригинальными статьями, сколько размѣщеніе оныхъ въ видѣ разнообразномъ и привлекательномъ, приводило меня въ крайнее затрудненіе. И сего одного было бы достаточно, чтобъ отказаться впредь отъ сей тягостной обязанности, если бы стеченіе великаго множества любопытныхъ матеріяловъ, полученныхъ мною въ послѣднее время изъ разныхъ мѣстъ Россіи, невозлагало на меня обязанности передать ихъ для свѣдѣнія Публики, а потому и продолжать изданіе Отечественныхъ Записокъ въ настоящемъ 1830 году.

Цѣль и планъ ихъ остаются по прежнему. Позволяю себѣ только, для большаго разнообразія, помѣщать иногда сцены изъ оригинальныхъ характерныхъ Русскихъ трагедій и комедій въ стихахъ, національныя Русскія пѣсни и баллады, съ историческими примѣчаніями, и т. п.

Отечественныя Записки въ настоящемъ 1830 году ознакомятъ читателей и съ шести-

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

Мартъ, 1830. № 119.

Наставленіе Выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ Коммисію о сочиненіи проэкта новаго уложенія Г. Коллежскому Совѣтнику и Члену той Коллегіи Наталину.

Малороссійская Коллегія, избравъ васъ Депутатомъ въ Коммисію сочиненія проэкта новаго уложенія, надѣется, по извѣстному вашему въ дѣлахъ искуству, прилѣжности и раченію въ должности, что вы, яко Членъ оной, во всякомъ случаѣ и требованіи найдетесь въ состояніи увѣдомлять Коллегію о всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ въ Малой Россіи и въ надобномъ обьяснять, но дабы и съ стороны сей Коллегіи Вы-

XLI

сочайшее Ея Величества повелѣніе въ точности исполнено было, и вы всѣмъ тѣмъ, что къ свѣденію и объясненію здѣшнихъ обстоятельствъ и дѣлъ надобно, и что по крайнему нашему разсужденію къ лучшему оныхъ обновленію и къ исправленію послужить можетъ, снабдены были, даются вамъ нижеслѣдующіе пункты, а всѣ вышеписанные изъ всѣхъ отысканныхъ здѣсь въ Архивахъ дѣлъ надобныя справки подъ буквами прилагаются, а имянно: А) о Главномъ Правленіи въ Малой Россіи по временамъ, Б) о судахъ, В) о правахъ, Г) о обрядѣ производства дѣлъ по временамъ, Д) о имѣніяхъ Государевыхъ, Е) о ревизіи, Ж) о Государственныхъ доходахъ, З) о Коммисаріатѣ, И) о городахъ, К) о шляхетствѣ, ихъ преимуществахъ и имѣніяхъ, Н) о чиновникахъ Малороссійскихъ, Л) о артиллеріи, П) о простомъ народѣ, Р) о Грекахъ.

I.

О Правительствѣ и Судахъ.

При вступленіи малой Россіи подъ державу Всероссійскихъ Государей жалованною грамотою постановлено, войско Запорожское содержать по прежнимъ правамъ и привиллегіямъ, каковы имъ даны отъ Королей Польскихъ и Великихъ Князей Литовскихъ и ихъ нарушать ни въ чемъ не велѣно и шляхтѣ, въ малой Россіи оставшейся, Суды земскіе и гражданскіе отправлять по правамъ ихъ чрезъ выбранныхъ ими старшинъ, а товариществу Войсковому судиться гдѣ три человѣка козаковъ, тогда два третьяго судятъ; но всѣ тѣмъ судамъ принадлежащія дѣла со временемъ вошли въ Правленія Войсковыя, отъ чего Судъ Генеральный и другія здѣсь Правленія названы неизвѣстно, да и какія тѣ Войсковыя права, по которымъ козакамъ су-

диться велѣно, въ Архивахъ и нигдѣ освѣдомиться не можно, въ книгѣ жъ Статута Литовскаго Княжества именуются здѣсь Малороссійскія права раздѣлъ второй, о службѣ военной гласящіи, привиллегіею въ 1569 году отрѣшенъ, а въ Конституціи 1609 года упоминается что въ Польши, когда еще Малая Россія была въ соединеніи съ нею, для военныхъ людей о дисциплинѣ ихъ есть военное особливое право, но какое здѣсь неизвѣстно; въ 1763 году имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ о опредѣленіи въ Малой Россіи настоящихъ подкаморевъ, и поступать по правамъ точно повелѣно. Но при учрежденіи Земскихъ и Гражданскихъ Судовъ, причислены къ разбору въ нихъ и дѣла казачіи и вовся въ противность артикула 1-го, раздѣла 4-го, выбираются въ земскія судьи и изъ людей казачей и поселянской породы. А какъ сіи судьи по необширности

земли, ниже по числу судящихся въ оныхъ, но и по полкамъ расположены, въ Полтавскомъ же и вовся неучреждены, слѣдовательно о сихъ разностяхъ правленія и смѣшенія военныхъ, гражданскихъ и земскихъ дѣлъ происходятъ вездѣ затрудненія, и часто нерѣшимости. Малороссійская Коллегія и подчиненныя оной присутственныя мѣста нерѣдко себя въ сихъ обстоятельствахъ находя въ правахъ, употребляютъ для всего земства Статутъ Великаго Княжества Литовскаго, а для городовъ привиллегированныхъ права Магдебурскія, или порядокъ гражданской присвоиваютъ, однакожъ при томъ и другіе законы не рѣдко и Россійское Соборное уложенье; часто же Суды вершатъ дѣла по своему разсмотрѣнію и изобрѣтенію, а ябедники, пользуясь темными въ Статутѣ выраженіями и употребленіемъ разныхъ правъ кривыми толками наво-

дятъ право одно на другое и Цитырунскіе законы, и въ каковыхъ случаяхъ нѣкоторые въ Статутѣ суть точныя положенія, и въ которыхъ другія права точно цывтыровать не велѣно, сверхъ того сіе Литовскаго Княжества право, по многимъ матеріямъ, яко Самодержавному обладательству, и по свойствамъ всѣхъ народныхъ кондицій съ трудностію наводится, будучи по натурѣ состоянія своего вовсе для инаго государствованія, шляхетства, и посполства здѣлано, а поелику несовершенно, требуетъ новыхъ постановленій, что до правительства помѣстныхъ правленій принадлежитъ, то по мнѣнію нашему признавается за наиусерднѣйшее, настоящую Коллегію раздѣлить на четыре разные Департамента, и первому изъ нихъ именоваться Императорскимъ правительствомъ, или Генералъ Губернаментомъ; Малороссійскіе въ вѣденіижъ сего Департа-

мента дѣла назначиваются точно Генеральною и особою инструкціями, Губернаторской должности предписанныя, особливо до права и преимуществъ Государскихъ и Государственныхъ касающееся наблюденіе, и предосторожность оныхъ внутренній покой, тишина и безпокойность заграничная и внутри Государства; съ Министрами, Коллегіями и Канцеляріями коресподенція, произвожденіе въ чины воинскіе и штатскіе степеней Оберъ-Офицерскихъ, по аттестатамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ кто службу продолжаетъ, да на привиллегіи на заводскія и дозволенія Мануфактуры и фабрики.

Въ прочихъ трехъ, зависимыхъ безпосредственно отъ онаго правительства, или Генералъ Губернамента и имянно, въ Военномъ Коммисаріатѣ, всѣ дѣла военные генерально, и особливо ополченіе, вооруженіе и пропитаніе войскъ, ассигнованіе жа-

лованья, изготовленіе магазейновъ, и довольства войскъ марширующихъ, судъ и расправа въ дѣлахъ военныхъ и земскихъ, до служивыхъ персонально или имущества ихъ касающихся, по апелляціямъ на нижніе суды.

Въ Камеръ-Канторѣ всѣ доходы, употребленіе оныхъ въ расходъ, по штатамъ и ассигнаціямъ Военнаго Коммисаріата, генеральнаго щета темъ сочиненія, а подчиненныхъ ревизія и апробація городовъ перваго класса безпосредственно, а прочихъ посредственно чрезъ опредѣленные Департаменты и Камисаръ-правленія, всѣ Полицейскія и Комерческія дѣла, торгъ и промыслъ, исключая только судныя, защищеніе правъ и преимуществъ ихъ, вся земская полиція и экономія генерально, въ которыхъ специально сочиненіе ревизіи и межеванія генерально, всѣ откупы и контракты публичныхъ промысловъ ниже предписанной суммы, главному

правительству апробовать, разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ по апеляціямъ на нижніе суды между коронными поселянами, и все сіе на оныхъ отъ посторонних.

Въ Надворномъ судѣ разсматриваніе и апробація криминальныхъ дѣлъ, апелляціямъ надъ Земскими, Гражданскими судами, надзираніе надъ Опекунствомъ, утвержденіе и записка всякихъ документовъ на недвижимыя имущества, сіи три Департамента имѣютъ посредственно чрезъ Генералъ-Губернатора зависѣть, и отъ Государственныхъ начальныхъ мѣстъ, до котораго они по дѣламъ подлежать будутъ. Въ пяти Камеръ Департаментахъ имѣютъ быть вѣдомы всѣ дѣла Камеръ-Канторѣ принадлежащія, посредственные города и во всякомъ изъ нихъ Департаментъ, въ округахъ по одному опредѣленныя Коммисарства, которыхъ въ должность предписать надзи-

раніе надъ городами, Градскую и Земскую полицію, квартерныя дѣла, сборъ всѣхъ доходовъ и надзираніе надъ оными, винокуреніе, пивовареніе и другіе промыслы въ городахъ и землѣ, наблюденіе въ постановленіи умеренныхъ цѣнъ, надзираніе надъ строеніями новыми, и починкою старыхъ, надъ ремесленниками, свидѣтельство щетовъ градскихъ доходовъ, посѣщеніе для осмотру ввѣренныхъ имъ городовъ и мѣстечекъ, ежегодно по два раза, и все то въ государственныхъ имѣніяхъ генерально, что непремѣнному Земскому Комисару въ прочихъ предписано.

Въ пяти провинціальныхъ судахъ назначаются всѣ криминальныя и до особъ дворянства касающіяся дѣла, яко первой инстанціи, апеляціи надъ Земскими и Гражданскими, втораго класса городовъ, судами, по дѣламъ не движимыхъ имѣній, введеніе во владѣніе чрезъ Земскаго Комисара въ

пожалованныя, покупныя и наслѣдственныя имѣнія. Десять Земскихъ судовъ, которые опредѣляются въ два округа, по одному имѣютъ отправлять ординарныя термины тѣмъ судамъ, назначивая по мѣстамъ обоихъ округовъ, ко облегченію истцовъ, а иногда на экстраординарные термины по ордеру Генералъ-Губернаторскому и къ разграниченію земель, гдѣ на мѣстѣ дѣло слѣдовать необходимо и очевидной осмотръ надобенъ, судить; а впрочемъ непремѣннаго Земскаго Коммисара по требованіямъ опредѣлять, купчія и завѣщанія записывать при введеніи во владѣніе наслѣдныхъ, купленныхъ и пожалованныхъ имуществъ копіи протоколовъ, за справою своею въ Надворныя провинціальныя суды посылать. Земскихъ и непремѣнныхъ Комисаровъ во всякомъ округѣ по одному опредѣленныхъ, должность есть поднятіе и осмотръ мертвыхъ тѣлъ, хотя бы

убійца и не ихъ вѣдомства былъ, дѣлать и того же часа о томъ провинціальному исцу доносить, словесныя брачныя договоры, завѣщанія, уступки и разныя раздѣлки въ случаѣ живота и смерти утверждать, а противу правъ иныя опровергать, уничтожать и протестовать, и таковыя словесныхъ договоровъ выписанныя протоколы Провинціальному суду на коштѣ истцевъ представлять, записывать всѣ письменныя завѣщанія, договоры, и здѣлки по просьбамъ отсылая потому же протоколу для утвержденія въ Провинціальной судъ, надзирать надъ управляющими въ опекѣ сущихъ имуществомъ, однакожъ тогда токмо, когда Комисаръ основательно увѣдомленъ будетъ о худомъ содержаніи въ опекѣ сущихъ сиротъ и ихъ имѣнія, потомъ немедленно по слѣдствіи Надворному суду давать знать, ожидая отъ онаго, какъ при томъ поступать, даль-

нѣйшихъ наставленій, въ случающихся жалобахъ отъ поселянъ на владѣльцовъ и ихъ начальства въ самомъ началѣ, стараться лучшимъ образомъ утолять и увѣщевать, и какой потомъ конецъ таковое дѣло получитъ, провинціальному суду доносить, обстоятельно безъ продолженія, однакожъ обѣихъ сторонъ печатать.

Имѣніе отходящихъ отъ сего свѣта, когда бы наслѣдники всѣ малолѣтные, или же въ отсудствіи были, или бы кто того требовалъ, распечатывать запечатанныя имѣнія, дѣлать опись онымъ, когда участники въ наслѣдіи пожелаютъ имѣть обстоятельною, вынимать вещи, которыя въ указну юпродажу назначатся, и что надлежитъ къ сохраненію тѣхъ учреждать, брать надлежащія обстоятельства о томъ опекуновъ въ порядочномъ и указномъ отданныхъ въ опеку сирыхъ и имуществъ ихъ смотреніи и управленіи,

и когда отъ Надворнаго суда по обстоятельствамъ ему поручено будетъ, и всякаго званія чиновъ въ свидѣтельствахъ и ихъ допрашивать по суднымъ дѣламъ, когда ему отъ судовъ то было бы препоручено, цѣнить деревни въ искахъ или наслѣдныхъ дѣлахъ, сохраняя при томъ всякаго округа древнее наблюденіе, и приглашая къ тому изъ сосѣдства знающихъ въ хозяйствѣ и земледѣтельствѣ людей показывать границы по требованію владѣльцовъ, и по опредѣленіямъ судовъ всѣ въ таковыхъ дѣлахъ случающіяся споры съ пріобщеніемъ своимъ благопризнанія вышнему суду представлять, владѣльцамъ отъ вотчинъ отказывать и во владѣніе вводить, какъ иногда отъ вышняго суда ему препоручено будетъ надзирать, дабы они въ порученныхъ имъ дѣлахъ немедленно и надлежащимъ образомъ поступали, Комисары въ винахъ маловажныхъ,

такъ же по препорученію судовъ имѣющихъ стараться примирять, въ случаѣ на то несогласія, ихъ требованія выслушавъ, и въ протоколъ взявъ, на резолюцію вышнему суду представлять обратно; въ дѣлахъ же Военнаго Коммисаріата изъ канторы подаваемыхъ ему коммисіямъ, представлять резолюцію требовать и. потомъ отсылать въ то мѣсто, отъ куда получилъ свои коммиссіи.

Всѣ чины, полагаемые всѣмъ правительствамъ и судамъ, кромѣ земскихъ, произвожденіе должно зависѣть отъ Всевысочайшаго соизволенія и усмотрѣнія вышняго правительства, въ которые могутъ помѣщаемы быть и не дворянѣ, всѣ имущества и достоинства, такова званія людямъ приличныхъ не имѣющіе, а въ земскіе суды и Комисары выбирать всегда дворянству, изъ между

себя и представлять къ Генералъ-Губернатору на апробацію.

2.

О раздѣленіи Малой Россіи на части.

При учрежденіи недавно вышеписанныхъ судовъ, дабы сходственнѣе земскимъ правамъ переименовать полки, раздѣлить на повѣты; но по естественному положенію и числу народа, признавается быть за способно, пяти провинціямъ, а именно: Стародубовской, Черниговской, Прилуцкой, Переяславской и Лубенской; и во всякой изъ нихъ по четыре округа, или уѣзда, а имянно: *въ Стародубовской:* Стародубовской, Новгородской, Полтавской и Глуховской; *въ Черниговской:* Черниговской, Козелецкой, Батуринской, Березинской; *въ Переяславской:* Переяславской, Баришпотской, Золотоношской, Пирятинской; *въ Прилуцкой:* Нежинской, Иваницкой, Гадяцкой

Ромѣнской; *въ Лубенской:* Лубенской, Миргородской, Занковской и Полтавской.

3.

О учреждении присяжныхъ Адвокатовъ и публичныхъ Нотаріусовъ.

Прошенія и доношенія пишутъ въ Малой Россіи безъ наблюденія надобной на то формы, нерѣдко проситель и писатель не отыскиваются, а отъ лица многихъ безъ уполномочія часто и затейно таковыя подаваются, равнымъ образомъ всякія сдѣланныя крѣпости иногда подложныя, а иногда противъ законныя сочиняютъ, и для того нужно надобно, опредѣлить для судскихъ дѣлъ адвокатовъ, а для завѣщаній, договоровъ и сдѣлокъ публичныхъ Нотаріусовъ, и обоимъ симъ быть присяжнымъ, и какъ для сихъ, такъ генерально на всякія по дѣламъ инструменты давать точныя предписанія.

4.

О Государственныхъ доходахъ.

Государственныя доходы, чтобъ точно положеннымъ и единовременно сбираемы были, о томъ, по благо присоединеніи Гетманомъ Хмелницкимъ прошено, но отъ времяни въ другое, при разныхъ вновь учрежденіяхъ и перемѣнахъ, оные до нынѣ въ надлежащій порядокъ приведены не были, и такъ за удобнѣйще признавается оные доходы разположить съ земель, до генеральнаго объ нихъ межеванія съ душъ, или инако какъ отъ Ея Величества соизволеніе послѣдуетъ.

5.

Многіе города и мѣстечки розданы владѣльцамъ, чего въ статьяхъ Гетманскихъ и правахъ не написано, жители въ оныхъ свойства свободнаго, и многіе собственное свое недвижи-

мое имѣніе имѣющіе, опасаяся таковыхъ роздачь и другихъ притѣсненій, принуждены были писаться въ Козаки, торгуютъ и промышляютъ противъ права, натурально со многими неудобностями и безъ успѣховъ; а гражданское все бремя лежитъ на оставшихъ, коль въ числѣ малыхъ столь и бѣдныхъ людяхъ. Гражданское начальство должности своей во храненіе правъ и привиллегій не токмо не наблюдаетъ, но подъ разными видами имѣнія и доходы городскія присвоило, частію въ собственность, и другія подъ именемъ урядовъ. Слѣдственно города естьли гражданами пусты, публичныя строенія сами себѣ изошли, среди оныхъ заняты приватными людьми, плотины и построенныя на нихъ мѣльницы на селѣ вновь, или присвоены изъ гражданъ въ партикулярныя владѣнія жители, слѣдственно подъ именемъ городовъ обратилисѣ, разнымъ тѣхъ жи-

вущихъ владѣльцовъ деревни, хотя право Генеральное и всѣ привеллегіи согласно гласятъ: чтобъ всякій кто ни былъ, въ городѣ домъ и наслѣдіи всякое бремя Гражданское несъ и правленію Гражданскому послушенъ былъ; строеніе же въ городахъ вездѣ деревянное безпорядочное, видъ безобразной имѣющее и для огня крайне опасное истреблялъ.

Въ книгѣ Статута, роздѣлу 3-го въ артикулѣ 36-мъ предохраненія ради дороговизны съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, по временамъ точныя цѣны установлять и мѣры и вѣсы разныя велѣно; но сіи обои установленія безъ всякаго наблюденія остаются, не меньше и книги порядокъ правъ Гражданскихъ, о всемъ томъ что къ цѣлости, безопасности, чистотѣ и украшенію городскому служитъ, достаточно по тогдашнимъ временамъ наставляетъ.

Художества и ремесла, вездѣ по привиллегіямъ быть и цѣхи свои имѣть должны, но только изъ тѣхъ и мастерство по перемѣнѣ правъ и обычаевъ мало надобное, либо же безъ всякаго поправленія въ своемъ первоначальномъ состояніи остается, нерѣдко сіи мастеровые и другіе мещане прямо въ противность Гражданскихъ своихъ правъ; ради винокуренія вписуются въ Козаки, а протекціи ради подъ владѣльцовъ.

Къ возстановленію падшаго Гражданства и купечества, яко нужной въ разсужденіи внутренних торговъ и промысловъ вѣтви общенародной пользы, городовыхъ положеніяхъ со всѣми принадлежностями обмежевать, во образѣ строенія ограничить и всѣ принадлежности Гражданскія имъ возвратить, и розданныхъ Грузинамъ и другимъ владѣльцамъ перемѣнить другими безъ обидно, въ селахъ и деревняхъ живущихъ охра-

нить ихъ особыми привиллегіями, заключающими въ себѣ прямой порядокъ Гражданскаго правленія и градскаго послушанія, которому подлѣжать должны и дворянство въ разсужденіи домовъ, торговъ и промысловъ, которыя они въ городахъ имѣютъ, исключая особъ ихъ раздѣлить на два класса, а имянно: въ 1-мъ, Стародубъ, Черниговъ, Нежинъ, Переяславъ, Полтаву, въ 2-мъ, Глуховъ, Мглинъ, Погаръ, Новгородокъ Спырскій, Кролевецъ, Керопъ, Конотокъ, Баргну, Новыемлины, Салтыкову Дѣвицу, Березну, Сосницу, Козелецъ, Остеръ, Роменъ, Прилуку, Лубны, Гетву; и первые изъ тѣхъ препоручить безпосредственно Камеръ Конторѣ, а вторые, Камеръ Департаментамъ, и Камисарамъ въ надзираніе. Въ Членыжъ Магистрата опредѣлить годныхъ и въ правахъ Гражданскихъ искусныхъ людей и гражданъ; а на первой случай изъ военныхъ и шпатскихъ чи-

новъ, а имянно въ города 1-го класса Бургомистровъ по четыре ратцгеровъ, шесть судевыхъ, четыре Секретарей, и Актуаріуса, Регистратора, Бухгалтера, Нотаріуса; Канцеляристовъ шесть, городскаго Вахмистра, солдатъ для караулу по двенадцати, Магистратскихъ служителей по двенадцати, изъ нихъ правящему Бургомистру имѣть вышнюю власть и начальство въ городѣ и предмѣстіяхъ, разборъ по купечеству и ремеслу между жителями и посторонними, второму Бургомистру вѣдать полицію, генерально яко строеніе и безопасность отъ пожаровъ, установленіе цѣнъ, держаніе вѣсовъ и мѣръ указныхъ, разборъ между Гражданами и посторонними въ ссорахъ и дракахъ; 3. вѣдать всѣ дѣла побочныя, какъ то: надзираніе надъ церквами, гошпиталями и школами и Генеральное Опекунство; надъ всѣми сиротами въ опекѣ сущими и нищими; —

4. съ Судевыми или такъ называемыми Лавниками производить всѣ дѣла, и особо препоручаемыя отъ Магистрата по комисіямъ всякимъ, слѣдственныя; двумъ ратцгерамъ быть въ 1-мъ Департаментѣ, и изъ нихъ спѣціальнымъ одному надъ купечествомъ, а другому надъ ремесленниками, начальствовать; двумъ во второмъ, изъ которыхъ одному пожарныя, а другому квартирныя дѣла отправлять; — и послѣднему Квартирнеромъ именоваться; одному ратцгеру вѣдать всѣ доходы, градскія и Камериромъ, а другому Инспекторомъ надъ вотчинами именоваться, въ городахъ втораго класса Бургомистровъ по два, ратцгеровъ четыре, судевыхъ четыре, Секретаря, Актуаріуса, Регистратора, Бухгалтера, Нотаріуса, Канцеляристовъ четыре, Вахмистра, солдатъ шесть, служителей шесть, изъ нихъ первому Бургомистру вѣдать, на что въ первомъ

класѣ первому и четвертому положено; второму, что второму и третьему выше предписано, а радцгерамъ одному надъ купечествомъ и цѣхами, другому Камериромъ, третьему Инспекторомъ, четвертому надъ пожарными дѣлами, квартермейстеромъ быть; въ мѣстечкахъ же, гдѣ владѣнія Коронныя смѣшаны съ партикулярными, наблюденій ради полиціи, порядка въ торгахъ, промыслахъ подъ вѣдомствомъ Камеръ-Камисаровъ, опредѣлить по одному полиціи бургомистру, судныяжъ ихъ письменныя дѣла принадлежатъ Земскимъ судамъ, но какъ неоспоримо, что въ благоучрежденныхъ городахъ не на множество гражданъ, торгующихъ купцовъ и ремесленниковъ, но на имущество годныхъ имуществъ и добрый кредитъ примѣчается, дабы таковыми неискусными и неимущими купцами и ремесленниками вводящими себя и другихъ чрезъ одно

токмо неограниченіе торговъ, промысловъ въ разныя гибели, общество отягощаемо не было, то въ разсужденіи сего благопристойно и надлежитъ во всякомъ городѣ, по его положенію, къ вѣрнѣйшей надеждѣ и къ исправленію могущихъ тамо быть торговъ и ремеслъ, таковое число назначивать, каковое на тогдашнее время до предусмотрѣнія лучшихъ и удобнѣйшихъ содержано быть можетъ, раздѣля всякой городъ, перваго класса на три уряда; а имянно: первой урядъ Магистратъ, въ которой избрать годнѣйшихъ и лучшаго состоянія людей, примѣчая надобныя свойства и качества, каковы въ которой должности и званіи потребны, и конечно изъ втораго уряда. Во второй урядъ граждане ученые, отъ своихъ капиталовъ себя содержащіе промыслами купеческими въ анбарахъ, погребахъ и лавкахъ оптомъ и порознь упражняющіеся, Доктора, Лѣкаря, Апте-

кари и всѣ подъ названіемъ свободныхъ художествъ числящіяся мастеровые, которыхъ Магистрату повсѣмъ экстраординарнымъ дѣламъ, а особливо по расположенію каковыхъ либо съ вышней апробаціи новыхъ сборовъ и свидѣтельствъ, градскихъ щетовъ иногда всѣхъ, а иногда первыхъ изъ нихъ въ Совѣтъ Градскій созывать. Третій урядъ ремесленники всѣ безъ изьятія, въ прилавкахъ и на столцахъ разными, а паче старыми вещами и овощами торгующіе, фурманщики или извощики, изъ которыхъ старѣйшихъ, разумѣя цейхмистровъ на выше сего предписанный Совѣтъ въ Магистратъ созвать же, во всѣхъ же трехъ урядахъ считать, напримѣръ въ 1-мъ, яко Магистратъ токмо Бургомистровъ Судей и Ратсгеровъ, Лавниковъ и Секретарей; во 2-мъ и 3 мъ хозяевъ самихъ и записныхъ въ ихъ общество комисіантовъ, а прочимъ всѣ другіе магист-

ратскіе въ Оберъ-Афиціанты и Эсаулы считать должны по чинамъ — тѣ коихъ имѣютъ, а прочіе, коихъ званіемъ и обществомъ гдѣ и каковымъ кто принадлежитъ, но суднымъ быть всегда отъ Магистрата; въ 2 и 3-хъ урядахъ контракта, Бухгалтеры, купеческіе товарищи, подмастерьи, дѣти лѣтъ совершенныхъ имѣютъ правомъ городскимъ пользоваться, и судимы быть всякъ по своей Канцеляріи, то есть званію, по службѣ, въ какихъ они находятся; во отрочествѣ жъ сущіе, такъ какъ и всѣ дѣвицы, принадлежатъ токмо своимъ родителямъ и правамъ ихъ, первые до совершеннаго возраста, а послѣднія до замужства пользоваться и защищаться имѣютъ; слуги и служанки имѣютъ быть вѣдомы и въ случающихся дѣлахъ съ стороны господъ ихъ жалобы приносить къ полиціи бургомистру, для чего и особое предписаніе сдѣлать надлежитъ,

за симъ раздѣленіемъ всѣхъ другихъ неспособностей ни имущества, ни ремесла, ни промысла гражданамъ пристойныхъ неимущихъ, яко то черной работой, то есть, земледѣліемъ на своихъ грунтахъ или по наймамъ упражняющихся, или же въ протекцію себя владѣльцамъ отдавшихъ, первыхъ на градскихъ земляхъ особыми поселянами населять, а другихъ подъ именемъ работниковъ, въ городахъ числить, и по праву гражданскому ниже къ обществу не причитать, развѣ бы кто изъ нихъ пріобрѣлъ доброму гражданину необходимо надобныя, и частію выше предписанныя свойства и качества, продавшихся же или въ протекціи отшедшихъ, вовсе изключить изъ гражданства, и оставить на волю ихъ владѣльцовъ, втораго класса въ городахъ перемѣняясь вышеписанныхъ, въ первыхъ двухъ урядахъ го-

родовъ перваго класса, раздѣлить на одинъ урядъ, земледѣльцовъ и урядчиковъ къ праву гражданскому не принимать, но какъ выше написано, ихъ щитать и въ прочемъ поступать.

(Оконч. въ слѣд. книжки.)

ДОГОВОРНАЯ
ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ГРАМОТА,

составленная и подписанная въ 1634 году Полномочными Послами Рускими и Польскими объ отреченіи Владислава, Короля Польскаго, отъ Престола Московскаго и отъ всѣхъ Царскихъ титуловъ Россійскаго Государства.

(Окончаніе).

А какова обида учинитца межъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества Великихъ Государствъ и межъ Великаго Государя Владислава Короля великихъ Государствъ въ городѣхъ отъ Воеводъ и Намѣстниковъ, въ земляхъ и въ водахъ и въ иныхъ обидныхъ дѣлѣхъ, и тѣ Воеводы и Намѣстники и приказные люди украинные, сославься межъ себя, тѣмъ обиднымъ дѣламъ всякимъ управа чинить на обѣ стороны безо всякіе неправды, а кото-

рые Воеводы и Намѣстники, старосты и всякіе приказные люди не учинятъ управы, и Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Θеодоровичу всей Руси Самодержцу Его Царскому Величеству и Великому Государю Королю Владиславу Его Королевскому Величеству о томъ обослатися и выслати суседей съ обѣ стороны добрыхъ и они съѣхався и на томъ крѣстъ цѣлуютъ, что имъ дѣлать съ обѣ стороны правда безо всякіе хитрости, да тѣмъ обиднымъ дѣламъ всемъ и права учинить на обѣ стороны безъ хитрости и безволокидно, а данное и заемное и положенное порученное, отдать; а ворамъ, и татемъ и разбойникамъ и убійцамъ, по суду, и по прямому сыску, кто доведетца, казнь чинити безъ пощады, а которые полоненики Московскаго Государства, Русскіе и всякіе люди и пашенные крестьяне и иноземцы въ

полону въ Смоленскѣ, и въ иныхъ въ Польскихъ и въ Литовскихъ городѣхъ и въ Королевскомъ и въ Германскихъ полкахъ, также которые и у Запорожскихъ Черкасъ, кто гдѣ ни взяты и которые больные Русскіе люди оттстали подъ Смоленскимъ по сіе мѣсто задержаны для болѣзни, и тѣхъ отпустить въ Царскаго Величества сторону безъ задержанія а въ неволѣ ихъ у себя не держать и кормы, и подводы имъ дать, до коихъ мѣстъ пригоже, а полонениковъ изъ Смоленскаго, и изъ иныхъ изъ ближнихъ городовъ на рѣчьку на поляновку послѣ нашего посольскаго мирнаго вѣчнаго докончанія, какъ мы обои великіе Послы на докончальныхъ грамотамъ крестъ поцалуемъ, съ того числа двѣ недѣли спустя, а которые городы въ Польшѣ и въ Литвѣ по далѣ и изъ тѣхъ привести полонениковъ на рѣчьку на Поляновку, Сентября въ д҃ день рмг҃ году, а по римски

ахлд году Сентября десятаго числа, а которые городы и тѣхъ далѣ и изъ тѣхъ на Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іусуса Христа, а которые городы и тѣхъ далѣ и тѣхъ отпустить на великъ день, а по Римскому календарю, ахле; а изъ самыхъ изъ дальнихъ городовъ отпустить нынѣшняго нашего посолскаго докончанія передъ годомъ будетъ ранѣе того отпустить не успѣетъ, а будетъ которые полоненики и изъ городовъ поспѣютъ прежде сроку и объ нихъ обсылаться изъ городовъ державцомъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества съ Воеводы и отдати ихъ прежде сроку, какъ поспѣютъ, и съ порубежныхъ городовъ отдати полонениковъ Государя нашего и Его Царскаго Величества въ городы, воеводамъ, гдѣ пригоже; такъ же которыхъ Польскихъ и Литовскихъ людей, и всякихъ и пашенныхъ крестьянъ, ко-

торыхъ поймали въ полонъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества ратные люди подъ Смоленскимъ и въ иныхъ мѣстахъ въ нынѣшнюю войну, и тѣхъ всѣхъ полонѣниковъ Польскихъ и Литовскихъ людей, Черкессъ и Татаръ и иноземцовъ и жидовъ по томужъ отпустить въ Польшу и въ Литву безъ задержанія, которые въ Вязьмѣ и въ Дорогобужѣ и на Бѣлой, и тѣхъ отпустить нынѣ. А которые полонеников на Москвѣ, и тѣхъ поставить на рѣчькѣ Поляновкѣ отъ того дня какъ мы великіе Послы нынѣшнее докончаніе крестнымъ цѣлованіемъ закрѣпимъ двѣ недѣли спустя, а которые полоненики съ Москвы разосланы по городамъ, и тѣхъ привести на рѣчьку на Поляновку Сентября 1 числа 143 году, а которые городы по далѣ тѣхъ и изъ тѣхъ городовъ привести на Рождество Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 143 го-

ду, а которые и тѣхъ далѣ, и тѣ
на великъ день, а самыхъ дальни
которые въ Астрахани или въ С
бири, и тѣхъ полонениковъ привес
съ того числа, какъ мы Великіе П
лы крестнымъ цѣлованіемъ на се
докончаніе закрѣпимъ къ году, а
детъ, которые полоненики пос
ютъ и прежде тѣхъ сроковъ, и
нихъ обослатца Великаго Госуда
нашего Его Царскаго Величест
Вяземскимъ Воеводамъ, съ Доро
бужскими Державцы, и отдать
тѣмъ, кого Державцы пришлютъ
рѣчьку на Поляновку для и не
срокъ, какъ поспѣютъ, а далѣ г
полоненниковъ ни какихъ на обѣ ст
роны не держать, и отпустить
лоненниковъ всѣхъ безъ задержан
сыскавъ съ обѣ стороны, въ пра
накрѣпко, которые живы и сыска
ихъ будетъ мочно, а въ неволѣ по
венниковъ Русскихъ и Польски
и Литовскихъ людей на обѣ сто

ны не задержать ни которыми дѣлы, а изъ Великаго Новагорода съ пригороды, и изъ Пскова съ пригороды, и изъ Старые Русы, и изъ Торопца, и изъ Лукъ Великихъ отдать на Невлъ Державцамъ Сентября въ д҃ число ρмг҃ году, также и изъ Путимля, и изъ Рыльска, и изъ иныхъ Украинныхъ городовъ полоненниковъ отпустить въ Королевскую сторону въ тѣ городы, гдѣ податно, обослався съ Державцы, и какъ мочно поспѣть, а даромъ имъ на обѣ стороны задержанія не учинить, и во всемъ то наше нынѣшнее докончаніе держать съ обѣ стороны цѣло и нерушимо по семъ доконченными грамотами, а кто Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всей Руси Самодержцу и Его Государевымъ дѣтямъ и внучатамъ Государемъ нашимъ и впредь будущимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Россійскимъ и ихъ

Великимъ Россійскимъ Государствамъ и всѣмъ ихъ землямъ, которые къ Россійскому Государству налѣжатъ не другъ будетъ, того Великому Государю Владиславу Королю Его Королевскому Величеству и по немъ будущимъ Государемъ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ и Паномъ-раде Каруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго и всему посполству противъ Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всей Руси Самодержца и Его Царскихъ дѣтей и внучатъ Государей нашихъ и впредь будущихъ Государей Царей и Великихъ Князей Россійскихъ и всѣхъ Великихъ Государствъ Россійскаго Царствія всякому не другу, людьми и казною и ничѣмъ не вспомогати и не умышлять и через свое Великое Государство на Московское, воинскихъ людей не пропущать, такъ же кто Великому

Государю Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, и Его Королевскому Величеству и впредь будущимъ Государемъ Королемъ и Паномъ-раде Коруне Польской и Великому Княжеству Литовскому и всемъ землямъ, которые Каруне Польской и Великому Княжеству Литовскому належатъ, не другъ будетъ, того Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Өедоровичу всеа Руси Самодержцу, и Его Царскимъ детемъ и внучатамъ, Государемъ нашимъ, и впредь будущимъ Государемъ Царемъ и Великимъ Княземъ Россійскимъ, и Великаго Государства Россійскаго Бояромъ, и всякихъ чиновъ людямъ, по томужъ людьми, казною не вспомогати и не умышляти, и черезъ свои великія Государства Россійскаго Царствія на Каруну Польскую и Великое Княжество Литовское и на все земли ихъ, воинскихъ людей не про-

пущать, по сей нашей доконченной грамотѣ безо всякія хитрости, и какъ мы Великіе Послы о тѣхъ о всѣхъ дѣлахъ, о которыхъ есьма договорили, и всѣхъ нашихъ доконча-лыхъ грамотахъ написали есмя, съ обѣ стороны крестнымъ цѣлованіемъ и записьми укрепимся и размѣнимся, и Великому Государю Королю Владиславу, Его Королевскому Величеству, и Гетманомъ Родивилу и Казановскому, и всѣмъ Полковникамъ и Ротмистрамъ, которые съ нимъ и со всѣми Польскими и съ Литовскими людьми, и всякимъ воинскимъ людямъ, изъ Московскаго Государства вытти въ свою землю не мешкая, также и Запорожскимъ Черкасамъ и Нѣмцамъ, и всемъ Полковникамъ съ ихъ служилыми людьми, Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества, изъ Россійскихъ Государствъ изо всѣхъ городовъ и уѣздовъ велѣти выйти въ свою землю не меш-

кая, и идучи изъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества земли, Московскаго Государства ни чемъ не зацѣпляти, и къ городамъ не приступати и не имати, и селъ и деревень не жечь, и не грабити, и людей всякихъ не побивати и не грабити, и въ полонъ не имати никакими мѣрами, по сему нашему договору также Великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Руси Самодержца, Его Царскаго Величества, Московскаго Государства всякимъ людямъ Великаго Государя Владислава Короля и Каруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго, ратныхъ и всякихъ людей, какъ пойдутъ назадъ въ Польшу и въ Литву, и въ оддаточныхъ городѣхъ не побивати, и въ полонъ не имати, и не грабить, и шкоды имъ ни которые не чинити, по сему нашему договору, а для большаго укрѣпленія того договору и вѣчнаго докончанія,

Великимъ Государемъ слати, съ обѣ стороны Пословъ своихъ Великихъ, а какъ будутъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества, брата Его Великаго Государя Владислава, Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго Великіе Послы, и Великому Государю нашему Его Царскому Величеству грамоту свою докончалую велѣти написати съ сего списка слово въ слово, и печать свою Царскую къ той грамотѣ велѣти привѣсити, и на той докончальной грамотѣ цѣловати святый и животворящій крестъ Господень, въ Царствующемъ градѣ Москвѣ при Королевскихъ Послехъ на уложенной срокъ въ лѣто отъ созданія міра ЗРМГ Февраля въ І д. а по Римскому календарю АХЛЕ г. Февраля К и тое докончальную грамоту Великому Государю нашему дати, Королевскимъ Великимъ Посломъ и отпустити Пословъ къ Его Коро-

левскому Величеству не задержавъ безо всякія зацѣпки, также будутъ Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества Великіе Послы у Великаго Государя Владислава Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, и Великому Государю Владиславу Королю по томужъ грамоту свою докончальную велѣти написати съ сего списка слово въ слово, и печать свою къ той грамотѣ велѣти привесить, и крестъ ему на той докончальной грамотѣ цѣловати передъ Царскаго Величества Великими Послы на уложенной срокъ Февраля въ ї д. рмг году, а по Римскому календарю Февраля въ к̃ д. ахлє году, чтобы то вѣчное докончаніе обоимъ Великимъ Государемъ подкрѣпитъ въ одинъ день, и тое докончальную грамоту Великому Государю Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Литовскому дати за своею печатью, Великаго Государя

нашего Его Царскаго Величества Великимъ Посломъ, и отпустить ихъ къ Царскому Величеству не задержавъ безо всякіе зацѣпки, а что было учинено Московскаго Государства Бояръ, всякихъ чиновъ людей съ Гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ, договоръ и утвержденіе какъ было Королевича Владислава, а нынѣшняго Государя ихъ Короля, на Московское Государство обрали, и тотъ договоръ за Боярскими и всякихъ чиновъ людей за руками и за печатьми, а грамоты, каковы о томъ и Великому Жигимонту Королю Польскому и Великому Князю Литовскому посланы съ Москвы отъ Бояръ, и то все письмо что и къ нынѣшнему Государю ихъ Владиславу Королю причитаню Московскаго Государства належитъ, что ни есть Великому Государю Владиславу Королю, Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества Великимъ Посломъ при крестномъ цѣ-

лованіи отдати всѣ, а у себя тѣхъ писемъ не оставити ничего, и крестнымъ цѣлованьемъ Великому Государю Владиславу Королю то закрѣпить, что Ему и брате Его и дѣтемъ потому договору и Московскому Государству причитаніе ни чемъ не имѣти, и не описыватися и не подыскиватись никакими мѣрами, по сему нашему договору и утвержденію, и о томъ вѣчномъ докончаніи Великому Государю нашему Царю и Великому Князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Руси Самодержцу и Великому Государю Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Литовскому слати своихъ Посланниковъ къ пограничнымъ Великимъ Государемъ Христіянскимъ и Бусурманскимъ, которые къ Великимъ Государствамъ Россійскаго Царствія и къ Корунѣ Польской и къ Великому Княжеству Литовскому смѣжны, объявляючи имъ, что Великій Государь нашъ Царь и

Великій Князь Михаило Өедоровичь всеа Руси Самодержецъ Его Царскаго Величества съ Великимъ Государемъ Владиславомъ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ съ Его Королевскимъ Величествомъ учинилось въ братской дружбѣ и въ любви и въ соединеніи съ Великіе Государства ихъ, также въ любви и въ дружбѣ на вѣки не подвижно, а какъ впередъ опричь нынѣшняго Посольства что будутъ обоихъ Великихъ Государей Великіе Послы для того Государскаго крестнаго цѣлованія,ково и Великому Государю нашему Его Царскому Величеству, Великій Государь Владиславъ Король пошлетъ Пословъ своихъ или Посланниковъ или гонцовъ или Великаго Государя нашего Его Царскаго Величества къ Бояромъ Паньрады и всѣе рѣчи посполитой Каруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго пошлютъ своихъ Великихъ

Пословъ или Посланниковъ или гонцовъ о добрыхъ дѣлехъ, и тѣмъ Королевскимъ Посламъ и Посланникамъ и гонцамъ къ Царскому Величеству пріѣхати и назадъ отъѣхати добровольно, безо всякіе зацѣпки и задержанія, а къ Боярамъ Царскаго Величества Каруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго Посламъ и Посланникамъ и гонцамъ по тому жъ пріѣхати и отъѣхати назадъ добровольно безо всякіе зацѣпки и задержанія, также Великій Государь нашъ Царь и Великій Князь Михаило Ѳеодоровичь всеа Руси Самодержецъ, ково пошлетъ къ Владиславу Королю Польскому и Великому Князю Литовскому, къ Его Королевскому Величеству Пословъ своихъ Великихъ или Посланниковъ и гонцовъ въ дружбѣ и въ любви, или о какихъ дѣлехъ ни буди, и тѣмъ Посламъ и Посланникамъ и гонцамъ по тому жъ къ Королю пріѣхати и отъѣхати до-

бровольно безо всякаго задержанія со всѣми ихъ людьми и съ животы вцѣле, также Царскаго Величества Бояре пошлютъ Каруны Польскіе и Великаго Княжества Литовскаго и къ Паномъ-радѣ и къ рѣчи посполитой своихъ Пословъ или Посланниковъ или гонцовъ, и тѣмъ Посламъ и Посланникамъ и гонцамъ къ Паномъ и ко всѣй рѣчи посполитой пріѣхать и отъѣхать добровольно безо всякаго задержанія и зацѣпки со всѣми людьми и животы, а ходить большимъ Посламъ на обѣ стороны во стѣ человѣкѣ, а лошадей будетъ съ ними сто пятдесятъ лошадей, а Посланникамъ ходити въ тридцати человѣкахъ, а съ ними пятдесятъ лошадей, а гонцамъ въ пяти и восьми человѣкахъ, а съ ними десять лошадей, а больше того Посламъ и Посланникамъ и гонцамъ людей и лошадей не имати, а будетъ съ ними людей и лошадей больше того, и на

тѣхъ кормъ покупати собою, а будетъ по ссылкѣ съѣздъ Посламъ, будетъ на рубѣжѣ, и въ тѣ поры кормъ съ обоихъ сторонъ имати съ собою, и задержанія Посламъ въ дорогѣ и Посланникамъ и гонцамъ никакого мотчанія съ обѣ стороны чинити не велѣти, а держати Пословъ и Посланниковъ и гонцовъ Великимъ Государемъ у себя съ пріѣзду ихъ съ обѣ стороны, и Посольства ихъ отправить въ два мѣсяца и отпустить назадъ безо всякіе зацѣпки, а больше того уложеннаго сроку дву мѣсяцовъ Посламъ и Посланникамъ и гонцамъ съ обѣ стороны задержанія не чинити. По сему договору и утвержденію, на томъ на всемъ мы Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руси Самодержца, Его Царскаго Величества Бояри всѣхъ Великихъ Россійскихъ Государствъ Великіе Послы, язъ Бо-

ярииъ и Намѣстникъ Псковской Өедоръ Ивановичь Шеремѣтевъ, язъ Окольничей и Намѣстникъ Суздальской Князь Алексѣй Михайловичь Львовъ, язъ Дворянинъ и Намѣстникъ Шацкой Степанъ Матвѣевичь Проестевъ, мы Царскаго Величества Дьяки Григорій Ивановъ сынъ Нечаевъ, Василій Прокофьевъ; Великаго Государя Владислава Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго Его Королевскаго Величества и Каруны Польскія и Великаго Княжества Литовскаго съ Панырадою и Великими Послы, со Ксендзомъ съ Якубомъ Жадикомъ Бискупомъ Хелминскимъ и Померанскимъ, Канцлеромъ Карунным съ Христофомъ, Родивиломъ, Княжатемъ, на Биржахъ и Дубинкахъ, съ Воеводою Виленскимъ, Гетманомъ полнымъ Великаго Княжества Литовскаго, съ старостою Жишморскимъ, Быстриц-

кимъ, Сердеевскимъ, Воеводою Подольскимъ, Гетманомъ Полнымъ Карунныымъ Тлумацкимъ, Нижикскимъ, Предборскимъ, старостою съ Александромъ Корвинымъ и Гасевскимъ, Воеводою Смоленскимъ и Писаремъ полнымъ Великаго Княжества Литовскаго, Пунскимъ, Кутижскимъ и Бельскимъ, съ старостою съ Александромъ Песоченскимъ, Каштеляномъ Каменецкимъ, съ старостою Нова-городка Сиверска и Улановскимъ, съ Марцыяномъ Трызною, Рефендаремъ и Писаремъ Великаго Княжества Литовскаго, и Герановскимъ, Троцкимъ, Пробощимъ, съ Андреемъ Знакъ гловинъ, дворяниномъ Покоевымъ Королевскимъ, съ старостою Либужскимъ, съ Николаемъ Гневышемъ, Хорунжимъ Любенскимъ, съ Александромъ Окгитскимъ, Хорунжимъ Троцкимъ, старостою Рогачевскимъ, докончаніе договора учи-

*

нили и грамоты докончальные подписали, а для большаго утвержденія къ тѣмъ договорнымъ докончальнымъ грамотамъ и печати свои приложили и съ обѣихъ сторонъ крестнымъ цѣлованіемъ между насъ закрѣпили и сими докончальыми грамотами размѣнились, на томъ на всемъ, что мимо сихъ нашихъ договорныхъ докончальныхъ грамотъ, между Великаго Государя нашего Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича всеа Руси Самодержца, Его Царскаго Величества, и Великаго Государя Владислава Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, Его Королевскаго Величества, и межъ ихъ Великими Государствы тѣмъ дѣламъ инако не быти, а содержану быти во всемъ крѣпко и нерушимо по симъ нашимъ докончальнымъ грамотамъ и утвержденію на вѣки неподвижно.

Писано на съѣзжемъ мѣстѣ у рѣчки у Поляновки при дорогѣ Вязем-

ской и Дорогобужской. Лѣта отъ созданія міру ӡ҂рме мѣсяца, Іюня д дня, а по Римскому календарю Іюня съ ді дня, лѣта отъ Рождества Господа нашего Іисуса Христа ҂ахлд.

ЗАПИСКИ

Генералъ-Маіора Броневскаго.

О Киргизъ—Кайсакахъ Средней Орды

О границахъ Киргизцевъ.

Пространство Киргизъ-Кайсаками Средней Орды занимаемое, лежитъ между 55° и 44° Сѣверной широты, 82° и 102° Восточной долготы; оно граничитъ къ Востоку съ Монголіею, къ Западу съ Малою Ордою Киргизъ-Кайсаковъ, къ Сѣверу Сибирскою линіею, къ Югу съ Большою Ордою, Коканіею и Бухаріею. Татарское слово Киргизъ-Кайсакъ, значитъ въ переводѣ: *Киръ* — степь *Гизъ* — человѣкъ, *Кай* — кто, *Сакъ* — осторожень. — Нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій кто присвоилъ имъ сіе наименованіе, ибо они называютъ себя

обыкновенно *казакъ*, (по Киргизски бѣглой — потерявшийся человѣкъ, а по Арабски разбойникъ). Языкъ Киргизъ-Кайсаковъ есть Татарскій, которымъ говорятъ многія Магометанскія племена, обитающія въ Турціи, Аравіи, на Кавказскихъ горахъ, въ Бухаріи и другихъ странахъ. Сходство языка сихъ народовъ, раздѣляемыхъ значительнымъ пространствомъ столь велико, что не требуетъ доказательствъ и ручается за ихъ единородство, ибо вѣка минули, но они сохранили нѣчто общее даже въ нравахъ и обычаяхъ.

Происхожденіе Киргизъ.

Исторія происхожденія народа Киргизскаго, не сохранившая ничего, кромѣ преданій, теряется въ мракѣ баснословія. Народъ безграмотный и невѣжественный, находящійся и донынѣ въ первобытной простотѣ по-

лудикаго человѣка, могъ ли имѣть что либо для Исторіи?

Народныя преданія.

Преданіе сохранило между народомъ понятіе, что Чингизъ-Ханъ, отъ котораго всѣ Татарскія племена любятъ производить свою родословную, раздѣливъ владѣнія сыновьямъ своимъ — одному изъ нихъ, Цагадаю, далъ Большую и Малую Бухарію. — По Цагадаѣ наслѣдовалъ Тохтамышъ, другіе утверждаютъ что Джаныбекъ, просвѣтившій ихъ вѣрою Магомета; онъ основалъ городъ Туркестанъ, нынѣ лежащій на границѣ Коканіи, и болѣе извѣстный подъ именемъ Азрета, гдѣ и ханствовалъ. За нимъ наслѣдовалъ Ханъ-Жанибекъ, далѣе же преданіе ничего не объясняетъ о владѣтеляхъ Киргизскихъ, хотя всѣ нынѣ существующіе Солтаны считаютъ ихъ своими родоначальника-

ми, но это однакоже не простирается въ глубокую древность.

Далѣе разсказываютъ, что по прошествіи многаго времяни, мятежъ въ ордахъ ихъ былъ причиною народнаго разсѣянія по инымъ землямъ: будто бы десять тысячь человѣкъ, оставивъ своего Хана, пошли чрезъ необитаемыя степи къ Дону, Кубани и въ Турцію, гдѣ поселившись были причиною, что тамошніе жители въ воспоминаніе сего ихъ выхода изъ Туркестана назвали себя Турками. Во время упомянутаго бѣгства отторгнувшихся отъ Хана Киргизцевъ, около предѣловъ рѣки Ишима потеряли они табунъ лошадей, для сысканія коего оставлено ими было отборныхъ тридцать три человѣка и двѣ женщины; блуждая продолжительно по степямъ, они никакъ не могли уже настигнуть своихъ единоземцевъ, и рѣшились противъ желанія остаться при рѣкѣ

Ишимъ. Иные говорятъ, что осталось не тридцать три, а только три человѣка, что они есть основатели Большой, Малой и Средней Ордъ. Сіи заблудшіеся люди, добывая грабежемъ у сосѣдственныхъ имъ Сибирскихъ народовъ женъ и имущество, нарочито размножились, получивъ чрезъ то названіе Козакъ, что значитъ заблудившагося или потерявшагося человѣка. — Потомъ составили 33 поколенія или волости. Въ Среднейже Киргизской Ордѣ полагаютъ изъ сихъ поколеній только четыре, извѣстныхъ подъ названіями: Найманъ, Аргынъ, Кипчакъ и Увакъ; напослѣдокъ по мѣрѣ размноженія раздѣлились на тѣ безчисленные роды, кои намъ нынѣ извѣстны.

Историкъ Азійскій, Абулгазій—Богадуръ-Ханъ, отечествомъ Киргизцовъ полагаетъ предѣлы въ окрестностяхъ рѣки Акранъ, Муранъ, (Амуръ)!

Нѣчто изъ Сибирской Исторіи о Киргизцахъ.

История Сибирская Фишера около 1603 года полагаетъ Киргизцовъ кочующимъ народомъ, пребывавшимъ на рѣкахъ Енисеѣ, Чюсѣ (Чулымъ) и Абаканѣ. По покореніи Сибири и основаніи гор. Томска въ 1604 году, они спали быть весьма извѣстны Россіянамъ, отличаясь хищеніемъ и набѣгами на наши селенія и были попеременно, иногда и въ одно время, то подъ властію Россіи, то Монголовъ, и дѣйствовали даже соединенно съ сими послѣдними противъ Русскихъ Козаковъ въ Кузнецкѣ; — когда же вредъ грабежами ихъ наносимый сдѣлался ощутителенъ, то ихъ оттѣснили въ земли Мунгаловъ или Калмыковъ. Удаленію Киргизцовъ отъ предѣловъ Россійскихъ способствовалъ и мятежъ, произведенный ихъ Князьцемъ Ношчою, за оскорбле-

ніе будто бы его жены въ городѣ Томскѣ, съ которой Русскіе сняли соболью шубу. Ношча, раззоривъ грабежемъ нѣкоторыя селенія Сибирскихъ Татаръ, откочевалъ въ степи Калмыцкія, но вѣроятно не далѣе рѣки Абаканы и горъ Саянскихъ. Но кто былъ Ношча? Ханъ или Солтанъ? Какую Орду составляли тѣ Киргизцы? — ни въ Исторіи, ни въ преданіяхъ Киргизскихъ ничего не объясняется. Калмыки по сіе время называютъ ихъ Бурутами; не соплеменны ли они извѣстнымъ Бурятамъ; кочующимъ за Байкаломъ, довольно по образу жизни и обычаямъ имъ подобнымъ? Языкъ Бурятъ, (кочующихъ за Байкаломъ) и Киргизцевъ, хотя имѣетъ большую разность, но представляетъ много сходства, какъ и Калмыкской; конечно время, законъ Магомета и новое сосѣдство съ Бухаріею, Ташкентомъ и Коканіею произвело сіе различіе.—Они весьма удоб-

но могли принять нынѣшнее Татарское нарѣчіе и отстать отъ нѣкоторыхъ обычаевъ, Монголами соблюдаемыхъ. Сродство Киргизцовъ съ Монголами, Турками и другими Татарами, какъ выше сказано, доказывается сходствомъ языка; всѣ историки, писавшіе о сихъ народахъ, свидѣтельствуютъ, что они участвовали въ тѣхъ ужасныхъ нашествіяхъ Чингизъ-Хана, Батыя, Тохтамыша и Тамерлана, слѣдовательно, бывъ подвластнымъ имъ народомъ, вошли въ тѣсныя связи съ Монголами и разность, ощущаемая нынѣ между тѣми и другими, причинена только несходствомъ вѣры.

Переселеніе Киргизцевъ отъ рѣкъ Енисея и Абакана на степь Монгольскую, съ вѣроятностію заключить можно, воспослѣдовало около 1606 года, но гораздо послѣ построенія г. Томска; но когда они перекочевали въ мѣста, нынѣ ими занимаемыя, не отыскано

ни въ дѣлахъ, ни въ преданіяхъ (*). Впрочемъ извѣстно, что на степи противу крѣпостей: Омской, Ямышевской, Семиполатинской, Усть-Каменогорской и Бухтарьмы, еще въ 1742 году существовало Зюнгорское владѣніе, которое тщетно оспоривая у Россіи право на владѣніе землями, линіею между упомянутыми крѣпостями занятыми, съ 1716 года, и о господствованіи надъ Татарами, живущими на Барабинской степи, кои имъ платили ясакъ звѣриными шкурами и орлиными крыльями, не одинъ разъ отправляло въ Москву своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ. Послѣдніе посланцы ихъ были при возшествіи на Всероссійскій престолъ блаженныя памяти Импе-

(*) Нѣкоторыя изслѣдователи удостовѣряютъ, что это не средней Орды Киргизцы, а дикокаменными именуемые, которые живутъ за горами Алтау, кругомъ великаго озера Иссыкуля.

ратрицы Елисаветы Петровны и удостоились присутствія при коронаціи и приглашенія посмотрѣть славнаго города С. Петербурга, куда они вмѣстѣ съ отбытіемъ Двора были доставлены на казенной щетъ, и возвращены съ отвѣтною грамотою къ ихъ владѣльцу. Государыня въ милостивыхъ выраженіяхъ обнадеживала Зюнгорскаго владѣльца въ покровительствѣ, а на щетъ спора о принадлежности земель, оставлено дальнѣйшему объясненію и разсмотрѣнію. — Но послѣ съ 1745 года, Зюнгорское владѣніе изчезло изъ виду Сибирской линіи, Китайцы по упорной войнѣ совершенно покорили ихъ, и переселили частію въ Туркестанъ и Малую Бухарію, имъ подвластную, частію въ Монголію къ великой стѣнѣ. Нельзя воспоминать безъ искренняго сожалѣнія о семъ несчастіи, постигшемъ Зюнгорцевъ. Они извѣстны какъ народъ болѣе мирный, имѣв-

шій нѣкоторую степень гражданскаго образованія, производившій обширное хлѣбопашество, скотоводство и даже рудные промыслы, что свидѣтельствуютъ нынѣ еще сохраняющіеся слѣды пашенъ, канавы, употребляемыя для орошенія земли и горныя разработки. Они по близкому сосѣдству къ Сибири составляли бы добрыхъ и полезныхъ гражданъ, во всемъ превосходящихъ Киргизцовъ, болѣе дикихъ и въ хищеніи упорныхъ.

Переселеніе Киргизцовъ на степь Зюнгорцами занимаемую.

Когда степи, Зюнгорцами занимаемыя опустѣли, то Киргизцы тѣснимые въ предѣлахъ рѣкъ Енисея и Абакана, съ одной стороны Россіянами, а съ другой Калмыками, ринулись и мгновенно наводнили степь, оставленную, и для кочевыхъ народовъ, съ ихъ многочисленными стадами, какъ бы природою назначенную.

Киргизцы однакоже и сего не столь давняго событія подробно не умѣютъ изъяснить, называя себя давными туземцами. — Впрочемъ ни какъ полагать не надлежитъ, чтобы въ предѣлахъ Енисея и Абакана пребывали всѣ, или большая часть Киргизцевъ, которые теперь разсѣяны по степямъ противъ линій Оренбургской и Сибирской: имъ тамъ бы и помѣститься трудно было — судя по необширности тѣхъ мѣстъ. При томъ весьма доказано многими изслѣдователями, писавшими о переселеніи народовъ, что пространство земель между Оренбурга, Омска, Хивы, Бухаріи, Кокештана и Зюнгорской земли съ давнихъ временъ обитаемо Киргизцами Малой, Средней и Большой Орды, что бывшіе на Енисеѣ Киргизцы составлять могли только знатную часть Средней или другой Орды, а не всю, — и конечно по стеченію какихъ либо обстоятельствъ,

шуда отдѣлившуюся (*). Достовѣрно извѣстно, что Киргизцы Большой Орды помогали Китайцамъ, а Средней сами собою нападали на Зюнгорцовъ и весьма много содѣйствовали изгнанію ихъ изъ мѣстъ ими занимаемыхъ. По сему Китайцы за такое вспоможеніе уступили Зюнгорскую землю, по договору съ Аблай-Ханомъ, Киргизцамъ Средней Орды, полагая послѣ сего границею Китая рѣку Аягусъ; а, Большую Орду за Аягусомъ при озерѣ Балхашѣ на семи рѣкахъ и за Илею кочующую, стали щитать себѣ подвластными, и съ 1771 года берутъ съ оной въ видѣ дани съ аула по одной лошади.

Источникъ, изъ коего надлежало почерпнуть свѣденіе о произхожденіи

(*) Отъ г. Иркутска не далѣе 400 верстъ, въ горахъ къ Китайской границѣ по нынѣ кочуетъ часть племени Киргизцевъ купно съ Кирагасами. (Смотри письма о Восточной Сибири Маріаса 1827 года стр. 18 и 19.)

Киргизъ столь скуденъ, а преданія народныя столь нелѣпы и баснословны, что нѣтъ средствъ начертать что либо положительное и прибавить въ Исторіи Киргизцевъ.

О Ханахъ Киргизскихъ.

Извѣстные Ханы Киргизъ-Кайсацкіе суть: Джаныбекъ, Тактамышъ, Ишимъ, Шигай, сынъ его Турсунъ, Шемякъ, Баракъ, Абуль-Маметъ, Аблай, сынъ его Валій и сынъ Баракъ Хана Букей. Они по обыкновенію называютъ себя потомками Чингисъ-Хана. Послѣ кончины Валія и Букея, уже не существуютъ Ханы. Правительство не признаетъ за благо ихъ имѣть, и они по уставу о сихъ Киргизцахъ изданному, въ 1822 году, замѣняются во внѣшнихъ округахъ старшими Султанами, по праву первородства и желанію народа избираемыми. Ханы и Солтаны отече-

ствомъ своимъ щитаютъ Туркестанъ: дѣдъ и отецъ Букея владѣли въ Туркестанѣ. Родъ Букея и донынѣ боготворитъ Азретъ или все равно Туркестанъ, гдѣ хранятся кости праведнаго Азрета, по преданію ихъ Божія угодника и Батыря. Фамилія Букея Баракъ Ханова тѣла усопшихъ своихъ родоначальниковъ, не взирая на отдаленность, туда отвозитъ для погребенія.

Порядокъ возведенія Хановъ.

Ханы во владѣніе Ордою вступали наслѣдственно по первородству; вступленіе сіе обыкновенно сопровождалось отправленіемъ депутацій къ Россійскому и Китайскому Правительствамъ. Пограничное Начальство по установленному и издавна наблюдаемому церемоніалу, дѣлаетъ обрядъ возведенія на Ханство при собраніи народа, прочитавъ утверди-

тельную грамоту, возлагаетъ на него знаки Ханства; т. е. богатой парчи халатъ, шубу, шапку черныхъ лисицъ и саблю, вручаетъ особенныя подарки и давъ ему грамоту, которую онъ съ благоговѣніемъ пріемля, цѣлуетъ, приводятъ къ присягѣ чрезъ Алкоранъ, онъ клянется за себя и народъ служить вѣрою и правдою Государямъ Всероссійскимъ и быть вѣрноподданнымъ. Послѣ сего народъ снятую съ него старую Солтанскую одежду раздираетъ на мѣлкіе куски, и всякой Киргизъ старается въ воспоминаніе событія, сохранить въ своемъ семействѣ лоскуточикъ одежды Хана. Потомъ Старѣйшины съ радостнымъ воплемъ берутъ его съ мѣста, и посадивъ на бѣлой войлокъ, при восклицаніяхъ носятъ на головахъ, и качая, возхваляютъ его мудрость, храбрость и добродѣтели. — За симъ слѣдуетъ изобильное угощеніе на щетъ Правительства какъ

самаго Хана, такъ и народа, при чемъ всегда бывала музыка, пушечная пальба и фейерверкъ. Китайцы обрядъ сей совершаютъ особливымъ образомъ, присылая значительные подарки.

Первый изъ владѣльцовъ Средней Орды вступилъ въ Россійское подданство въ 1731 году Шемякъ—Ханъ, но онъ забывъ свои обязанности и присягу, ходилъ войною на Башкирцовъ двукратно, причинилъ великое раззореніе, и бывъ побѣжденъ, снова присягалъ, купно съ народомъ.

По кончинѣ его въ 1739 году заступилъ его мѣсто Абульмаметъ, сынъ Кучукъ Хана Меньшой Орды. Онъ также присягалъ на вѣрноподданство, по распоряженію Начальника Оренбургской линіи Генералъ-Лейтенанта Урусова. Въ 1739 году Августа въ 24 день, Абульмаметъ Ханъ и братъ его двоюродный Аблай Солтанъ, были въ Оренбургѣ съ многочисленными свитами, также и Мень-

шой Орды Абулхаиръ Ханъ; они объявили собственное желаніе ихъ и всего народа быть подданными Россіи. Абулхаиръ, говорилъ рѣчь, а Абульмаметъ и Аблай подали написанную за печатьми, потомъ приняли со всѣмъ народомъ торжественную присягу. Абулхаиръ, ревнуя Абульмамету и Аблаю, за превосходство породы, въ коей Владѣльцы Средней Орды предпочитаются Меньшой, и будучи хитрѣе ихъ, разглашалъ въ народѣ о нихъ разные поносительныя нелѣпости и довелъ до того кроткаго Абульмамета, что онъ оставилъ Ханство и удалился въ Туркестанъ, пребывъ вѣрнымъ Россіи. Преемникомъ по немъ остался сынъ его Абульфеисъ Солтанъ, но владѣлъ только въ части Средней Орды, именно въ Noймaнскихъ родахъ. Абульфеисъ, славящійся и донынѣ отличными своими качествами, содержалъ однакоже себя ближе къ Ки-

пайской сторонѣ; онъ потому и не могъ быть Ханомъ, да и народъ при жизни отца, по своему обыкновенію, не учинилъ ему избранія. Аблай Солтанъ, какъ знатнѣйшій въ Ордѣ, былъ приглашаемъ на упраздненное Ханство, но легкомыслію своему принялъ оное, и самопроизвольно народомъ возведенъ въ сіе достоинство. Придя однакожъ въ раскаяніе, просилъ чрезъ депутацію подтвержденія, кое и получилъ съ особенными обрядами. Въ 1759 году удостоенъ Высочайшею грамотою, подарками, жалованьемъ по 300 рублей въ годъ, и выстроенъ ему деревянный домъ въ вершинахъ рѣки Ишима у горы Ингисъ-Тау. Родственникамъ его, особенно бывшему Депутатомъ въ С. Петербургѣ Санбарисъ Солтану пожалованы значительные подарки. Аблай въ 1781 году померъ: Китайское Правительство по древнему обычаю черезъ годъ, т. е. въ 1782 году при-

слало своего чиновника Амбо, для поминовенія усопшаго, что составляло многія издержки. Въ томъ же году со стороны Россіи возведенъ въ Ханы сынъ Аблая Валій, который въ 1820 году померъ.

Въ 1817 году Каракисетской волости Солтанъ Букей, будучи сынъ Баракъ-Хана, владѣвшаго въ Туркестанѣ, домогался Ханства Средней Орды и былъ Правительствомъ Россійскимъ подтвержденъ, имѣя въ зависимости своей волости Каракисетскую, Аргынскую и Туртуульскую, не бывшія подъ властію Хана Валія. Букей и его родъ есть преданнѣйшіе и благомыслящіе, онъ скончался въ 1819 году и погребенъ въ Туркестанѣ. Валій и Букей суть послѣдніе Ханы Средней Орды.

Киргизскіе Солтаны, извѣдавъ опытами, съ какою ласкою принимаютъ ихъ при дворахъ Россійскомъ и Китайскомъ, не престаютъ употреб-

ляпь стараній къ изходотайствованію на сіе позволенія. Случается, что они отправляютъ сыновей и ближнихъ родственниковъ въ одно время и въ С. Петербургъ и Пекинъ. Китайцы силятся поддерживать тѣнь своего владычества надъ Киргизцами, показывая участіе въ выборѣ Хановъ, хотя это въ самой вещи не имѣетъ никакого вѣса и много имъ стоитъ. Но они постоянно новыхъ Хановъ подтверждаютъ, присылая съ многочисленнымъ отрядомъ чиновниковъ своихъ войскъ изъ города Кулджи, что въ Илійской провинціи, на Западной границѣ, въ горахъ, называемыхъ Баянъ-Аулъ, кои отстоятъ отъ Сибирской линіи въ 180 вер. противъ крѣпости Ямышевской. Не излишнимъ считаю сообщить здѣсь послѣднее пришествіе къ Баянъ-Аулу Китайцевъ.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

БИСАВРЮКЪ,

или

ВЕЧЕРЪ НАКАНУНѢ ИВАНА-КУПАЛА.

Малороссійская повѣсть,

(изъ народнаго преданія)

разсказанная дьячкомъ Покровской церкви.

(Окончаніе).

Цѣлой день и цѣлую ночь спалъ Петрусь нашъ словно убитый. На другое только утро пробудился онъ отъ своего богатырскаго сна и мутными глазами окидывалъ пыльные углы своей хаты, какъ будто несполна протрезвившійся пьяница. Напрасно силился онъ припомнить случившееся съ нимъ: память его была словно карманъ стараго скряги, изъ котораго шеляга не выманишь. Какъ вотъ замѣтилъ онъ въ ногахъ у се-

*

бя четыре туго набитые мѣшка. — Глянь въ нихъ—чистое золото! Тутъ только начало проясняться предъ нимъ, какъ въ туманѣ, его ночное странствіе. Тутъ только вспомнилъ онъ, что искалъ какого-то чуднаго растѣнія, что отрылъ богатой кладъ; вспомнилъ какъ ему было страшно одному ночью. Но какимъ образомъ досталъ онъ кладъ, какою цѣною пришло ему это сокровище — сколько ни ломалъ головы своей, ни какъ не могъ понять. — Да и до того ли, когда передъ глазами такая несмѣтная куча денегъ? Вотъ схвативши мѣшки въ обѣ руки, подралъ онъ во весь духъ къ хатѣ богатаго козака. Старый Коржъ изумился, долго щупалъ себя за носъ и за усы, наконецъ принялся и за сытые мѣшки, какъ бы желая увѣриться не спитъ ли онъ, не воснѣ ли чудится ему такое диво? Что бы скорѣе увѣрить его, что все это на яву, Петро высыпалъ

предъ нимъ одинъ мѣшокъ! яркіе, какъ огонь, червонцы зазвенѣли.... Это чуть не свело старичину съ послѣдняго ума. Откуда ни возьмись и привѣтливыя слова и ласки: сякой, такой, Петрусь, не мазаной! да я ли тебя не жаловалъ? да не былъ ли ты у меня какъ сынъ родной? такъ, что Петруся до слезъ разобрало. — Добромъ или худомъ было нажито золото, о томъ предки наши мало заботились? не то было время. Всякой знавалъ за собой грѣшокъ и развѣ изъ тысячи только одинъ могъ выбраться такой, у котораго обѣ руки были святы. Какъ бы то ни было, только старый Коржъ захлопнулъ дверь щеголеватому Поляку подъ самой носъ, съ приговоркою едва ли не погрознѣе той, какую услышалъ отъ него Петрусь. Слышно было, что Полякъ долго еще хвастался, крутя усы и бряча саблею, что старой Коржъ хотѣлъ ему навязать

дѣвку, какой бы не согласился взять ни одинъ порядочной человѣкъ, да встрѣтившись одинъ разъ подъ темный вечерокъ съ Петрусемъ, такъ присмирѣлъ послѣ того, что сколько ни спрашивали у него потомъ,— онъ молчалъ, какъ рыба. Тутъ Пидорка съ плачемъ расказала Петрусю какъ мимо проходившіе цыганы украли Ивася.... и чтожъ вы думаете? хоть бы ненарокомъ перемѣнился онъ въ лицѣ. Проклятая бѣсовщина такъ обморичила его, что онъ едва могъ запомнить даже лицо Ивася, чему Пидорка не мало дивовалась и сколько ни билась, не могла разгадать, что все это значитъ?

Откладывать было не зачѣмъ. Вотъ и заварилъ Коржъ свадьбу, какой въ тогдашнія времена слыхать не слыхано. Меду наварено столько, сколько душа желала, въ водкѣ хоть выкупайся. Посадили *молодыхъ* за столъ, разрѣзали коровай, заиграли

бандуры, цимбалы, сопилки, козбы и пошла потѣха. . . . .

Въ старину свадьба водилась не въ сравненье съ нашей. Тетка моего дѣда съ восторгомъ разсказывала, какъ красныя дѣвушки въ красивомъ головномъ уборѣ изъ алыхъ, синихъ и розовыхъ стричекъ (*) сверхъ коихъ повязывался золотой галунъ, въ тонкихъ рубашкахъ, вышитыхъ по всѣмъ швамъ краснымъ шолкомъ и изнизанныхъ мѣлкими серебряными цвѣточками, въ сафьянныхъ сапогахъ на высокихъ желѣзныхъ подковахъ, напередъ плавно, словно павы, и послѣ съ шумомъ—что вихорь, скакали *въ горлицу*, какъ *молодицы* съ *корабликомъ* на головѣ, котораго верхъ былъ весь сдѣланъ изъ сушо-золотой парчи и казался словно выкованнымъ изъ золота, на затылкѣ съ вырѣзомъ, изъ котораго выглядывалъ золотой

(*) Ленты, составляющія нарядъ Малороссійскихъ дѣвушекъ.

счипокъ съ двумя выдавшимися одинъ напередъ, другой назадъ, рожками, самаго мелкаго черната смушка; въ синихъ изъ лучшаго *полутабенеку*, съ красными клапанами, *кунтушахъ*, важно подбоченившись выступали хоромъ и мѣрно выбивали *Гопака*. — Какъ парубки въ высокихъ козацкихъ шапкахъ, въ тонкихъ суконныхъ свиткахъ, затянутыхъ шитыми серебромъ поясами, съ люльками въ зубахъ, разсыпались передъ ними мѣлкимъ бѣсомъ и точили лясы на колесахъ. —Довольно, когда даже самъ старый Коржъ не утерпѣлъ, глядя на молодыхъ, чтобъ не тряхнуть стариной. Съ бандурóю въ рукахъ, потягивая люльку и вмѣстѣ припѣвая съ чаркою на головѣ, пустился при громкомъ крикѣ гулякъ въ присядку. Чего не выдумаетъ молодежъ на веселѣ? какъ начнутъ бывало наряжаться въ хари: — Господи, Боже ты мой! Вѣдь на человѣка не

похожи. — Не спать нынѣшнихъ переодѣваній, что бываютъ на свадьбахъ нашихъ? только что корчатъ Цыганокъ да Москалей. Нѣтъ, вотъ бывало одинъ одѣнется жидомъ, а другой чортомъ, да пустятся между собою въ раздобары, а послѣ въ драку — что за умора? надорвешся со смѣху! Иные поодѣнутся въ Турецкія и Татарскія платья: все горитъ на нихъ какъ жаръ.... А какъ начнутъ дурѣть да строить шутки — ну! тогда хоть святыхъ выноси. Съ почтенною свидѣтельницею, сообщившею моему дѣду всѣ сіи подробности, случилось одно забавное происшествіе: она была тогда одѣта въ Татарское широкое платье и съ чаркою въ рукахъ угощала все собраніе; вотъ одному вздумалось окатить ее сзади водкою, другой, тоже видно не промахъ, высѣкъ въ тужъ минуту огня да и поджегъ... синее пламя вспыхнуло, бѣдная тетка испугав-

шись давай сбрасывать съ себя при всѣхъ платье ... шумъ, хохотъ! — ералашъ такой поднялся, какъ на первой день ярмонки. — Однимъ словомъ, старики говорили, что еще никогда не запомнили такой веселой свадьбы.

Вотъ и начали жить да поживать Петрусь съ Пидоркою — какъ Царь съ Царицею. Домъ словно полная чаша; платье-то на нихъ какъ ясныя звѣзды; ѣда - то у нихъ медъ, да сало, да вареники. Правда, что добрые люди кивали головою, глядя на ихъ житье, поговаривали даже, что недолго поживутъ они такъ, чужое доброе не въ корысть, особливо дьявольское. Объ томъ уже и несомнѣвались, что онъ получилъ его чрезъ бѣсовскія руки. Неушло изъ виду, и то, что въ тотъ самой день, когда у Петра появились золотые мѣшки, Бисаврюкъ канулъ какъ въ воду. Говорите же, что люди злорѣчивы:

вѣдь въ самомъ дѣлѣ не прошло мѣсяца, какъ Петро нашъ сдѣлался совсѣмъ не тотъ, а что за причина была этому — никто не могъ узнать. Только Пидорка начала примѣчать, что иногда по цѣлымъ часамъ сидитъ онъ предъ своими мѣшками и вздрагиваетъ при малѣйшемъ шорохѣ, какъ будто боится, что бы кто не пришелъ отнять или украсть ихъ. А иногда вдругъ середи рѣчи остановится и часъ, другой, стоитъ словно убитой; все силится что-то вспомнить, и сердится, и бѣсится, что не можетъ вспомнить. Такъ, что наконецъ и веселость прежняя пропала. Бывало ходитъ вокругъ своей хаты пасмурный и угрюмый, какъ воробьиная ночь, съ знакомыми хоть бы слово, и чуть гдѣ завидитъ человѣческое лицо, такъ и удираетъ околицами да проселками. Чего не дѣлала Пидорка, чтобы пособить горю: и совѣтовалася съ *знахарями* и

услужливыми старушками, ворочавшими языкомъ столь же исправно какъ веретеномъ, и сама старалась ласками и прозьбами разогнать хандру его — ничто не помогало. Всѣ средства были испытаны, и заговаривали зло и *выливали переполохъ* и *заваривали сонлишницу* (*). — Все по напрасну!

Такъ прошло и лѣто: одни отжались и откосились, другіе, которые были по разгульнѣе, начали въ походъ

(*) *Выливаютъ переполохъ* отъ испугу; для сего топятъ и льютъ воскъ въ холодную воду и чье подобіе онъ приметъ, тотъ самой предметъ испугалъ больнаго. По совершеніи сего дѣйствія онъ немедленно выздоравливаетъ.

Заговариваютъ сонлишницу отъ дурности и боли въ животѣ; для этаго ставятъ больному на животъ миску наполненную водою, берутъ глиняную кружку или горшокъ и бросивъ въ него зажженный клокъ пеньки, съ приговариваніемъ и зашептываніемъ, оборачиваютъ его вверхъ дномъ и ставятъ въ миску. Послѣ чего даютъ пить этой воды больному.

снаряжаться. Стаи утокъ еще толпились на нашихъ болотахъ, но *кропивянокъ* уже и въ поминѣ не было. Въ поляхъ закраснѣло. Скирды хлѣба то-сямъ то-тамъ, словно козацкія шапки, пѣстрѣли по полю, и мужикъ на дюжихъ волахъ давно уже поплелся за дровами въ лѣсъ. Земля сдѣлалась тверже и начала прохватываться мѣстами морозомъ. Копыты молодецкаго коня верстъ за пять стали слышны; а тутъ и зима не за горами: снѣгъ началъ перепадать большими охлопьями; деревья закутало пушистою шубою. Вотъ уже въ ясный, морозной день красногрудый снѣгирь, словно щеголеватой Польской шляхтичь, прогуливался по снѣговымъ кучамъ, вытаскивая зерно, и дѣти огромными кіями гоняли по льду деревянные кубари; между тѣмъ какъ почтенные отцы ихъ покойно вылеживались на печи, выходя по временамъ съ зажженною люлькою въ зубахъ, ругнуть добрымъ порядкомъ

православной морозецъ или провѣтриться и промолотить въ сѣняхъ залежалой хлѣбъ. Вотъ уже и на тепло понесло, и снѣга начали таять, и *щука хвостомъ ледъ расколотила* (*)— а Петро нашъ все чемъ далѣе тѣмъ суровѣе. Одичалъ такъ, что на него смотрѣть сдѣлалось страшно и все по прежнему сидитъ надъ мѣшками, да думаетъ, да боится. — Бѣдной Пидоркѣ жизнь не въ жизнь стала; изныла, изсохла, словно щепка, на свѣтъ Божій не глядитъ. Сначала было страхъ ее пробиралъ — да чего не сдѣлаетъ привычка? Свыклась, бѣдняжка, съ невзгодою, какъ съ родною сестрою. Одно только ей горько было, что Петро сначала хоть нищей братіи удѣлялъ изъ своихъ мѣшковъ, теперь же ни копѣйки ни на церьковь, ни женѣ своей, такъ что въ послѣдствіи ей даже ходить

(*) Въ Малороссіи существуетъ повѣрье, что ледъ не самъ разламывается, но щуки разбиваютъ его хвостами.

не въ чемъ было. Бѣдность въ хатѣ такая, какой у послѣдняго бобыля не бываетъ. Петро дрожитъ вынимая копѣйку, всю ночь не спитъ на пролетъ: залаетъ ли бровко, заскрыпитъ ли что, за шелеститъ ли какая птица на крышѣ — уже онъ схватывается и обшариваетъ закоулки всей хаты, послѣ чего ни съ мѣста отъ своихъ мѣшковъ. Люди дивовались, дивовались, да и перестали дивиться. Уже совѣтовали Пидоркѣ бросить своего мужа . . . Но ничто не могло убѣдить ее; нѣтъ, думаетъ себѣ, онъ для меня погубилъ можетъ быть свою душу, а я его оставлю, оставлю покинутаго всѣмъ свѣтомъ — и цѣлой день простаивала передъ иконою, да молилась о спасеніи души Петра.

Вотъ въ одинъ вечеръ, именно на канунѣ Ивана Купала, Петро нашъ вдругъ заболѣлъ и не могъ встать съ постели, горячка и бредъ поминутно усиливались, такъ, что

Пидорка принуждена была отправиться въ дальнѣе село просить помощи. Только на половинѣ дороги попадается ей старушка беззубая, вся въ морщинахъ, словно кошелекъ безъ денегъ. Слово за словомъ, узнаетъ Пидорка, что она мастерица лѣчить. Этаго-то ей и нужно. Уговоривши старуху со слезами помочь ей въ напасти, приводитъ она ее въ хату.— Сначала Петро было не замѣтилъ новой гостьи, какъ же всмотрится пристально въ лицо ей, какъ задрожитъ, какъ хватится съ постели, какъ размахнется топоромъ.... Топоръ на два вершка вбѣжалъ въ дубовую дверь, а старухи и слѣдъ простылъ. Выхвативъ его съ неимовѣрною силою подступилъ онъ къ Пидоркѣ: за чемъ ты привела ко мнѣ вѣдьму? Ты хочешь меня сгубить, Господи Боже мой! уже было и руку занесъ . . . . да глядь невзначай въ сторону и руки опустились и языкъ отняло; болѣзненная судорога прохва-

тила его по всѣмъ членамъ, волосы поднялись дыбомъ и мертвый холодный потъ выступилъ на лицѣ: по середи хаты стояло дитя съ покрытою головою. Покрывало свѣялось.... Ивась!.. закричала Пидорка и хотѣла броситься къ нему — неизъяснимый страхъ удержалъ ее; а привидѣніе покрылось съ ногъ до головы кровавымъ цвѣтомъ и стало рость, рость, какъ изъ воды итти, пока не тронулось наконецъ головою въ перекладину; тутъ голова его отдѣлилась, все туловище сдѣлалось какъ огонь.... Пидорка съ испугу выскочила въ сѣни. »Меня жжетъ! мнѣ душно!.. кричалъ Петро, какъ будто охваченный пламенемъ: но дверь такъ крѣпко захлопнулась вслѣдъ за нею, что сколько она ни силилась, ни какъ не могла отворить ее. Въ страхѣ и попыхахъ побѣжала она звать на помощь кого нибудь. Отчаянный голосъ Петра, меня жжетъ! мнѣ душно! поминутно чу-

дился и жалобно свисталъ ей въ уши. Людей збѣжалась цѣлая орда. Вѣдь и въ тогдашнія времена зѣвакъ было довольно. Дверь отперли и чтожъ вы думаете, хоть бы одна душа была въ хатѣ. На серединѣ только лежала куча сѣраго пеплу, который еще дымился мѣстами. Кинулись къ мѣшкамъ — однѣ битые черепки лежали въ нихъ на мѣсто червонцовъ. Долго стояли всѣ разинувъ рты и выпуча глаза, словно вороны, не смѣя пошевельнуть ни однимъ усомъ, — такой страхъ навело на нихъ это дивное произшествіе. — Наконецъ такой подняли шумъ, толкуя каждый по своему, что собаки со всего околодка начали лаять. Явились и добрыя старушки, пронюхавшія, что у Пидорки осталось еще отцовское добро, которымъ, по скупости своего мужа, она никогда почти не пользовалась и принялись дружно, со всѣмъ усердіемъ утѣшать ее. Бѣдной Пидоркѣ казалось все это такъ дико,

такъ чудно, какъ во снѣ. — Совѣщаніе кончилось тѣмъ, что съ общаго голосу пепелъ раздули на вѣтеръ, а мѣшки спустили по веревкѣ въ яму, потому, что никто изъ честныхъ козаковъ не захотѣлъ осквернить рукъ дьявольщиною. Въ награду за такое благоразумное распоряженіе потребовали они себѣ вѣдра четыре водки и шатаясь на всѣ стороны отправились во свояси. Попеченіяжъ усердныхъ старушекъ не кончились тѣмъ: одна изъ нихъ трещала на ухо Пидоркѣ, что ей нужно построить новую хату, другая предлагала щегольскаго жениха, третія открыла по секрету, что знаетъ искусныхъ швей для свадебныхъ рушниковъ, четвертая трезвонила, что нужно сдѣлать люльку для будущаго робенка .... Признаюсь, что такая куча совѣтовъ, взбѣсила бы хоть кого; но бѣдная Пидорка ничего не видѣла, ничего не слышала.

Оправившись не много она дала себѣ обѣтъ итти на Богомолье и чрезъ нѣсколько времени точно ее уже не было на селѣ. Но никто не зналъ куды дѣвалась она; почтенныя старушки отправили ее было уже туда, куды и Петро потащился, какъ одинъ разъ пріѣзжій козакъ, бывшій въ Кіевѣ, разсказывалъ, что видѣлъ въ Монастырѣ монахиню безпрестанно молящуюся, въ которой по всѣмъ описаніямъ узнали земляки Пидорку; что она пришла пѣшкомъ и внесла богатой окладъ къ иконѣ Божіей Матери, какого еще и невидывали, весь изъ золота, изцвѣченный такими яркими и блестящими камнями, что всѣ зажмуривались глядя на него.

Постойте — этимъ еще не все кончилось; въ тотъ самой день, когда Петра взяла нелегкая, появился снова Бисаврюкъ, снова началъ разгульничать да сыпать деньгами, только люди недались уже въ обманъ, всѣ бѣгомъ отъ него. Исторія Петруся

слишкомъ запамятовалась у всѣхъ, узнали, что этотъ Бисаврюкъ, никто другой какъ самъ нечистой, принявшій человѣческой образъ, что бы отрывать клады, а какъ кладъ недается нечистымъ рукамъ, такъ вотъ онъ и губитъ людей. Чтобы не попасться въ соблазнъ лукавому, они бросили свои землянки и хаты и перебирались въ село; но и тутъ не было покою отъ проклятаго Бисаврюка, тетка моего дѣда говорила, что нечистой именно болѣе всего злился на нее за то, что оставила она прежній шинокъ свой по Опошнянской дорогѣ, и потому всѣми силами старался вымѣстить все на ней. Одинъ разъ всѣ старѣйшины села собрались въ шинокъ и чинно бесѣдовали за дубовымъ столомъ, на которомъ кромѣ разнаго рода фляжекъ, на диво возвышался огромной жареной баранъ. Бесѣда шла долго, приправляемая какъ водится шутками и диковинными расказнями.

Вотъ и померещилось — еще бы ничего, естьли бы одному — а то именно всѣмъ, что баранъ поднялъ голову, блудящіе глаза его ожили и засвѣтились, и въ мигъ появившіеся черные щетинистые усы значительно заморгали на присутствующихъ; всѣ тотчасъ узнали на бараньей головѣ рожу Бисаврюка, такъ, что тетка дѣда моего думала уже, что вотъ-вотъ попроситъ водки.... Честные предсѣдатели пирушки скорѣй за шапки, да опрометью во свояси.

Въ другой разъ самъ церковной староста, любившій по временамъ раздобарывать про старину глазъ на глазъ съ дѣдовскою чаркою, не успѣлъ еще два раза достать дна и поставить ее передъ собою, какъ видитъ, что чарка кланяется ему въ поясъ, онъ отъ нее; давай креститься!... А тутъ съ достойною половиною его тоже диво: только что она начала замѣшивать тѣсто въ огромной дижѣ, какъ вдругъ дижа выпрыгнула и подбоченившись,

важно пустилась въ присядку по всей хатѣ... Да, смѣйтесь, смѣйтесь, сколько себѣ хотите, только тогда не до смѣху было нашимъ дѣдамъ. Долго терпѣли, наконецъ потянулись всѣ гурьбою къ отцу Афанасію и взмолятся: помоги ты намъ Божьею властію, выгони нечистаго. Отецъ Афанасій обошелъ крестнымъ ходомъ все село, окропилъ святою водою всѣ переулки, и съ той поры никакихъ проказъ уже не было, хотя тетка моего дѣда долго еще жаловалась, что слышала часто какъ будто кто-то стучитъ въ крышу и царапается по стѣнѣ.

Нѣсколько лѣтъ прошло. Село наше стоитъ теперь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ творилась чертовщина, и кажись все спокойно; — а вѣдь еще недавно, еще отецъ и я даже запомнимъ, какъ возлѣ стоящаго въ захолустьи развалившагося шинка, которой черти долго еще поправляли на свой щетъ, нельзя было ни пройти,

ни проѣхать. Часто замѣчали, какъ густой дымъ валилъ клубомъ изъ обвалившейся трубы, и вмѣстѣ съ дымомъ подымалось какое то чудище, длинное, длинное, съ красными, какъ двѣ горячіе головни, глазами. Доставши такой высоты, что посмотрѣть такъ шапка валилась, съ шумомъ разсыпалось и мѣлкимъ, какъ горохъ изъ мѣшка, смѣхомъ, обдавало всю окрестность.

Объясненіе нѣкоторыхъ Малороссійскихъ словъ упомянутыхъ въ сей повѣсти.

Каганецъ — родъ ночника.

Великъ-день — Христовъ день.

Дрибушки — мѣлкія косы, обходящія нѣсколько разъ около головы.

Синдячки — ленты.

Полутабенекъ — въ старину употреблявшаяся въ Малороссіи матерія въ родѣ гроденапеля, волнистая лоснящая, по несравненно плотнѣе.

Горлица, *Гопакъ* — танцы въ Малоросіи.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ТРЕТІЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДІИ:

СВѢТСКІЙ БЫТЪ.

ДѢЙСТВІЕ I.

Явленіе I.

Графиня *(за туалетомъ)* Баронъ Шварцъ Копфъ и Лиза.

Баронъ.

Я въ удивленіи, нѣтъ! право чудеса!
Что сдѣлалось? едва за полдень два часа,
А вы за зеркаломъ? — Ахъ! вы бъ очаровали
Всѣхъ въ этомъ неглиже. Тихонько я къ крыльцу
Подъѣхалъ, думая, что вы еще не встали;
И чтоже говорятъ? вашъ туалетъ къ концу.

Графиня.

Такъ точно, я чѣмъ свѣтъ проснулась:
Въ двенадцатомъ часу; — почти что не спала.

Повѣрите ль, Баронъ, рѣсница не сомкнулась,
Такъ я отъ радости встревожена была.
Сего дня нашъ Сократъ къ намъ долженъ возвратиться
Изъ Лондона, куда отправленъ онъ учиться,
Иль лучше, — посланъ былъ, чтобъ довершить труды
Трехлѣтняго въ Парижѣ воспитанья. —
Чего сего дня же увидимъ мы плоды.

БАРОНЪ.

И такъ исполнились надежды и желанья!
Я поздравляю вась. И вотъ вы наконецъ
Дождались. Слышалъ я Сократъ вашъ молодецъ.
И если онъ ужъ былъ въ Парижѣ удивленьемъ,
То будетъ здѣсь у насъ — невиданнымъ явленьемъ.

ГРАФИНЯ.

Шутите или нѣтъ, но право нашъ Сократъ,
Всѣ говорятъ, что милъ, танцуетъ безпримѣрно,
Поетъ, ситируетъ, фехтуетъ совершенно.

БАРОНЪ.

Довольно этаго! Парижскій аттестатъ
У насъ уже давно прямой патентъ на счастье,
Успѣетъ онъ во всемъ, всѣ примутъ въ немъ участье.
О, вы увидите: тотчасъ ему чины
Посыплются, и онъ арендой завладѣетъ!
Въ нашъ мудрый вѣкъ всѣ тѣ, кто въ свѣтѣ жить умѣетъ,

Должны быть на виду, всегда отличены.
Какое торжество, когда на пышномъ балѣ
Вы въ первой парѣ съ нимъ появитеся въ залѣ,
И обратятся всѣхъ глаза — на васъ однихъ.

ГРАФИНЯ (*съ жеманствомъ смотрясь въ зеркало*).

Vous Vous moquez, Baron, по чести вы проказникъ!
Конечно мы дадимъ для гостя славный праздникъ;
Но мнѣ ли помышлять о торжествахъ какихъ,
Имѣя сына столь большаго . . . .

БАРОНЪ.

Нѣтъ сомнѣнья,
Что онъ, увидя васъ, самъ будетъ въ изумленьи;
Онъ не повѣритъ вамъ, васъ за сестру возметъ.

ГРАФИНЯ (*еще съ большимъ жеманствомъ.*)

Вы льстите, остроты въ васъ недостатка нѣтъ.

БАРОНЪ.

Графиня! никогда солдатъ не знаетъ лести:
Всѣмъ правду говорить — законъ воинской чести.

ГРАФИНЯ.

Да! правду говорить, чтобы любезнѣй быть,
И комплиментами разсудокъ ослѣпить.

БАРОНЪ.

Ахъ! если правда то, что вы теперь сказали,
То для чего сихъ словъ ничѣмъ не доказали!
Давнобъ у вашихъ ногъ я счастіе искалъ,
Давно бы свой вѣнокъ лавровый приковалъ —

Я къ колесницѣ той, чей взоръ прелестный, страстный
Наградой для меня . . . . .

ГРАФИНЯ (*съ притворнымъ страхомъ*).

Вы человѣкъ опасный;
Не только для враговъ и для друзей . . . . .

ЛИЗА (*въ сторону*).

Божусь
Коса на камень.

БАРОНЪ.

Я опасенъ! соглашусь;
Но черные глаза, признайтеся — опаснѣй.
И тѣмъ страшнѣе, чѣмъ прекраснѣй.
Ахъ! побѣдить ихъ, признаюсь,
Славнѣе битвы подъ Монмартромъ,
Гдѣ полкъ мой кинулся съ такимъ азартомъ,
Что тридцать тысячь смялъ, стопталъ.

ЛИЗА (*Въ сторону*)

Куда онъ цѣлымъ днемъ, не болѣ, опоздалъ:

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣже и слуга.

СЛУГА.

Его Сіятельство узнать желаетъ:
Позволилиль вы встать и можетель принять?

ГРАФИНЯ (*Барону.*)

Какъ Графъ мнѣ докучаетъ!

(*Слугѣ*) Скажи, что буду ждать,
Пускай придетъ онъ на минутку;
А васъ Баронъ, не въ шутку,
Прошу меня не оставлять,
Съ супругомъ tête-a-tête, мнѣ право будетъ скучно.

БАРОНЪ.

Я повинуюся и радъ вамъ угождать.

ГРАФИНЯ.

И видно кто провелъ въ Парижѣ неотлучно
Пять лѣтъ . . . . .

ЛИЗА (*въ сторону*).

Къ Парижу онъ верстъ на пять подъѣзжалъ.

БАРОНЪ.

Безъ хвастовства сказать, тамъ славно поживалъ.
Быть Русскимъ воиномъ превыгодно въ Парижѣ:
Вездѣ зовутъ тебя, всѣ кланяются ниже.
И Принцы крови тамъ почтутъ себѣ за честь,
Когда къ кому изъ нихъ зайдешь на часъ при-
сѣсть.
А Маршалы — бѣгутъ съ поклономъ,
Коль дружбу кто сведетъ, какъ я съ Наполеономъ.

ЛИЗА (*въ сторону*).

Безсовѣстный хвастунъ, а самъ вчера сказалъ,
Что онъ его лишь разъ въ театрѣ увидалъ.

БАРОНЪ.

Мнѣ такъ ужъ удалось, мы въ мнѣньяхъ повстрѣ-
чались,
И мудреноль потомъ, что мы не разлучались.

Бесѣда съ этимъ чудакомъ
Преинтересная: бывало, вечеркомъ,
Зайдешь къ нему на чашку чаю,
И мой Наполеонъ, обрадуясь случаю
Повывѣдать кой что, ласкается лисой,
Разложитъ карту предо мной,
Не выпуститъ до ночи,
Засыплетъ спросами; съ нимъ выбьешся изъ мочи.
Все разскажи ему: гдѣ въ битвѣ былъ? съ кѣмъ? какъ?
Ну словомъ полную исторію атакъ,
И штурмъ Очаковскій и славну переправу
Черезъ проливъ морской . . . .

ЛИЗА (*въ сторону*).

Лги, лги, дружёкъ — на славу!
Тамъ полкъ свой погубилъ, здѣсь губишь насъ тоской.

ГРАФИНЯ.

Вошли въ знакомство вы и съ Рикамье прекрасной!

БАРОНЪ.

Бездѣлица! нѣтъ! штурмъ вамъ разскажу ужасной.

ЛИЗА (*въ сторону*).

Которымъ каждый день штурмуешь не въ попадъ.

ГРАФИНЯ.

Лизета! не пора ль подать намъ шоколадъ!
Да не забудь еще о ваннѣ изъ мадеры.

(*Лиза уходитъ*).

Явленіе III. *(безъ Лизы).*

Баронъ.

Хоть я давно той вѣры,
Что мы безъ штурмовъ побѣдимъ . . . . .

Графиня (*съ улыбкой*).

Я также думаю, что лучше ихъ оставить;
Но вотъ мой мужъ и Князь Хирагринъ съ нимъ.

Явленіе IV.

Тѣже, Графъ Вздоровъ и Князь Хирагринъ.

Князь.

Спѣшу прелестную Графиню я поздравить;
Но зная нѣжность чувствъ, боялся, чтобы вѣсть
О гостѣ радостномъ васъ не могла привесть
Нечаянностію въ безпокойство,
И даже произвесть
При слабыхъ силахъ — первъ разстройство,
Истерику мигрень . . . .
(*Увидя Барона*).
Браниссимо, Баронъ, едва настанетъ день,
А вы штурмуете красавицъ будуары!
Вотъ нынѣ каковы гусары!
Любезность ихъ надъ всѣми верьхъ беретъ,
Отъ нихъ и красота, какъ крѣпости — падетъ.

БАРОНЪ.

Скорѣе, Князь, къ ней въ крѣпость попадешься,
И будь хотя съ ключемъ, а ужъ не увернешься.

ГРАФЪ.

Ну полно рѣзаться на каламбурахъ вамъ.
(*Графинѣ.*)
Послушай, душенька, не ѣхать ли всѣмъ намъ —
Сократа встрѣтить . . . . .

ГРАФИНЯ.

Я готова
Пуститься въ пятеромъ хотя до Петергофа.

ГРАФЪ.

Прекрасно! рѣшено! пусть наши всѣ друзья
Увидятъ, тронутся, какъ встрѣчусь съ сыномъ я.

ГРАФИНЯ.

Поѣдемъ же сей часъ, я также буду рада
Увидѣть нашего безцѣннаго Сократа.

БАРОНЪ.

Я въ нетерпѣніи скорѣй его обнять.

ГРАФЪ.

А между тѣмъ позвольте вамъ сказать,
Что нашъ Сократъ прошелъ два курса въ Един-
бургѣ,
Адама—Смита онъ вамъ наизусть прочтетъ.

БАРОНЪ.

Повѣрьте мнѣ, что въ Петербургѣ
Съ такой ученостью—въ Министры онъ шагнетъ.

ГРАФЪ.

Вы говорите справедливо;
Но впрочемъ то не диво:
Я денегъ не жалѣлъ, и сорокъ тысячь въ годъ
Платилъ Фелейзену на Гамбургъ въ переводъ,
Чтобъ голову обогатить Сократа.
Теперь осталося его бы намъ женить,
И ужъ невѣста есть, мила, умна, богата . . . .

БАРОНЪ.

Ужъ не Княжна ли?

ГРАФИНЯ.

Такъ! но чѣмъ тутъ пособить,
Вотъ два года теперь, а въ ней — при всемъ старанья,
Не вижу никакой отмѣны въ воспитаньи;
Все монастырское, съ мужчинами робка,
Краснѣетъ отъ всего — и право мнѣ жалка,
Блескъ свѣта въ тягость ей, быть дома только любитъ,
За книжкой, за шитьемъ день цѣлый часто губитъ.

ГРАФЪ.

А что еще смѣшнѣй, подумайте — Княжна,
Такъ ласкова ко всѣмъ, со всѣми такъ нѣжна,
Что слугъ по отчеству здѣсь въ домѣ называетъ,
За *все* благодаритъ и *вы* ихъ величаетъ.

ГРАФИНЯ.

Но это бы пускай, а вотъ порокъ большой:
Со всякимъ бѣднякомъ, съ послѣднею ханжой

Княжна моя готова прослезиться,
Готова шалею, браслетой подѣлиться;
И пріучить ее никакъ я не могла,
Чтобъ въ дружбѣ, равенствѣ со мной она была,
Мнѣ говорилабъ ты, кузиной называла,
И въ танцахъ никогда мнѣ мѣстъ не уступала.

КНЯЗЬ.

И этому всему, повѣрьте мнѣ, виной
Премудрой дядюшка ея.

БАРОНЪ.

Сѣдой
Размысловъ Генералъ, что при Царѣ-Горохѣ
Звѣздою награжденъ, и съ той поры въ берлогѣ
Въ деревнѣ заперся — копить рубли.

ГРАФИНЯ.

Да! такъ,
Къ несщастію Княжны, сей выписной чудакъ
Ужасно дѣйствуетъ на вкусъ ея и мнѣнье.

БАРОНЪ.

Да какъ же иначе? извѣстно что имѣнье —
Пять тысячь Польскихъ душъ и цѣлый милліонъ
Княжнѣ благословить по смерти прочитъ онъ.

ГРАФИНЯ.

Но прежде чѣмъ ее онъ надѣлить изволитъ,
Онъ ей несчастіе, погибель ей устроитъ.
Дурные навыки уже въ ней вкоренилъ.
Не страниолъ на примѣръ: Княжнѣ онъ запретилъ —

По модѣ слѣдуя — держать плеча открыты
И приказалъ носить капотъ до пятокъ сшитый.

КНЯЗЬ.

О варваръ, Каннибалъ! то хочетъ погребсти,
Что мода лучшаго могла изобрѣсти.

БАРОНЪ.

Нѣтъ мало этаго — онъ грѣховодникъ страшный:
Какъ смѣть утаивать природы даръ прекрасный.
(*Глядя на ножку Графини.*)
Ну не безбожно ли отъ взора то скрывать,
Что, я сошлюсь на всѣхъ — достойно обожать?

ГРАФИНЯ.

Полковникъ, право милъ; но еслибъ Генерала
Пришлось намъ слушаться, ни много бы, ни мало,
Запряталъ по уши всѣхъ въ бабушкинъ футляръ,
Въ чемъ написалъ ее домовой нашъ маляръ.

КНЯЗЬ.

Зоилы модъ еще приводятъ въ оправданье,
Что страждутъ тутъ мораль; какъ будто нѣтъ преданья,
Что въ Спартѣ дѣвушки ходили въ наготѣ,
А скромность тамъ была — подругой красотѣ.

БАРОНЪ.

Глубокомысленно! замѣчу въ дополненье,
Что нашъ костюмъ и тѣмъ достоинъ уваженья,
Что дѣвушка теперь какъ въ зеркалѣ видна,
Чегожъ не досмотрѣлъ, то жениха вина.

Графиня.

Но чтобы намъ Княжну отъ гибели избавить,
Съ Сократомъ поскорѣй къ вѣнцу ее отправить
Вокругъ налоя ихъ обвесть и съединить. . . .

Баронъ (*въ сторону*)

А тамъ отъ дядюшки мильоны залучить.

Графъ.

Вотъ, право, я забылъ — мы такъ заговорились,
Что съ часъ, какъ за городъ пуститься согласились.
Оставимте жену окончить туалетъ.
А я васъ, Господа, прошу въ мой кабинетъ —
И тамъ вамъ покажу диковинку, не въ шутку
Картину славную, чудесную покупку.
Извольте знатоки — зонды разрѣшить
Кто мастеръ? вмѣстѣ оцѣнить?
Сюжетъ — сраженіе. . . . .

Баронъ.

Такъ тутъ меня спросить.
Кто былъ на приступѣ какъ я при Май-Мачинѣ. . . .

Князь.

Безстрашно лезетъ тотъ на крѣпости въ картинѣ.

Баронъ.

Вы забываетесь. . . . .

(*Уходятъ*)

Явлѣніе V.

Графиня (*одна, садится къ зеркалу.*)

Что больше мнѣ къ лицу?
Надѣть бы черное и жемчуги — прелестно!
Мнѣ Графъ ихъ подарилъ къ вѣнцу . . . . .
Но ихъ ужъ нѣтъ; а Плутичи, извѣстно —
Не выпустить изъ рукъ
Такой находки безъ залогу.
Досада страшная, несноснѣе всѣхъ мукъ!
А право бы въ дорогу
Они такъ шли ко мнѣ. Всѣ въ голосъ говорятъ,
Что онъ разборчивъ страхъ. Ну если бы Сократъ—
Три года не видавъ, могъ до того забыться. . . .
Какіе пустяки! нельзя тому случиться!
А, право, мило бы съ нимъ шуточку сыграть,
И городъ о себѣ заставить покричать.

Явлѣніе VI.

Графиня и Лиза.

Лиза.

Мамзель Эскамоте пріѣхала съ тюрбаномъ,
Да платья принесли отъ трехъ другихъ мадамъ
И Биркенъ ювелиръ давно ждетъ съ сантиманомъ.
Прикажете ли ихъ теперь представить къ вамъ?

Графиня.

Нѣтъ, Лиза, не могу, страхъ голова кружится;
Я ѣду за городъ и нужно торопиться.

Скажи, чтобы они все отдали тебѣ,
Что завтра я ихъ жду со счетами къ себѣ.

Лиза.

Я это намѣкать старалась имъ и прежде,
А болѣе всего брилліантщику невѣждѣ
Нельзя вдолбить того, что *завтра* — черезъ день,
(*Смѣясь.*)
Ужъ это имъ словцо противно какъ ревень:
Начнутъ ворчать, вздыхать, крушиться,
Иной готовъ хоть прослезиться,
Какъ будто никому до *завтра* не дожить.

Графиня.

Ахъ! Лиза, перестань хоть ты меня бѣсить;
Мнѣ грустно ужасъ какъ, а лучшебъ постаралься
Еще разъ вымапить умненько намъ кредитъ.
Но если ихъ ни чѣмъ не можно убѣдить,
То съ баломъ завтрешнимъ придется мнѣ раз-
статься...

Лиза.

За платьями, кажись, не будетъ вамъ хлопотъ,
Вѣдь дюжина такихъ, что только примѣряли.

Графиня.

Вы ужасъ глупы всѣ, какъ будто не слыхали,
Что важенъ тутъ фасонъ, и тотъ,
Что въ модѣ былъ вчера, сего дня негодится.

Лиза (*въ сторону*).

А завтра можетъ быть, со всѣмъ другой родится,
И такъ не лучше ли намъ свѣжихъ заказать.

Графиня.

Оставить платья всѣ, а Биркену отдать
Мой фермуаръ въ залогъ и вмѣстѣ переправить
Велѣть по модному....

Лиза.

Позвольте вамъ представить,
Что только пятый день, какъ онъ
Доставилъ вамъ его за новенькой фасонъ.

II.

НОВОЕ СТИХОТВОРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ КРЕСТЬЯНИНА-ПОЭТА АЛИПАНОВА *).

ѲЕОФИЛЪ.

Легенда изъ Четиминеи, Іюня 23 дня.

Повѣсть о покаяніи Ѳеофила, Эконома церковнаго, во градѣ Аданѣ, иже въ Киликіи.

Весенній день блеститъ красой;
У всѣхъ живитъ сіяньемъ взгляды,
Одинъ лишь съ насмурной душой —
Ѳеофилъ, — нѣтъ ему отрады.

Его домъ славы — обращенъ
Уже въ унылую обитель,

(*) Читатели, безъ сомнѣнія, съ удовольствіемъ замѣтятъ успѣхи новаго Поэта-Крестьянина.

Покрова и друзей лишенъ —
Сиротъ несчастныхъ покровитель.

Въ его дому нѣтъ свѣта днемъ,
На окнахъ крѣпкіе затворы,
Склонясь Ѳеофилъ надъ столомъ
Сидитъ, его туманны взоры —

«Увы! онъ рекъ, не зрю я благъ,
Презрѣнъ суровою судьбою,
Гордится почестьми мой врагъ —
Меня лишивъ ихъ клеветою.

«Мой трудъ Епископомъ забытъ,
И всѣ мои благодѣянья.
Всё душу горестью томитъ,
Мнѣ нѣтъ къ блаженству упованья.

«Влачу я дни мои съ тоской,
Какъ плѣнникъ, въ мрачномъ заточеньи,
Отчаянье владѣетъ мной,
Отрады нѣтъ мнѣ въ Провидѣньи!

«Но въ комъ мнѣ помощи искать?
Рѣшусь идти я къ чародѣю,
Онъ можетъ почести мнѣ дать —
И моему отмстить злодѣю.»

Пошелъ.... вотъ скрылся день отъ глазъ,
Ночною мглой одѣлись стогны,
Уныло бьетъ полночный часъ,
Во мглѣ разносится гулъ томный.

Приближился къ двору, стучитъ —
У вратъ волшебника, клюкою;
Врата скрыпятъ, выходитъ Жидъ,
Старикъ съ сѣдою бородою.

Трясется дряхлый и возвелъ
Сурово на пришельца очи:
«Почто, сказалъ, ко мнѣ пришелъ
Ѳеофилъ, средь глубокой ночи?

«Я славы, почестей лишенъ,
Меня забыло Провидѣнье!
Къ унынью свѣтомъ осужденъ,
Пришелъ — въ тебѣ искать спасенья.

«Молю! премудрѣйшій Еврей,
Да буду избранъ Экономомъ,
Сей санъ похитилъ мой злодѣй,
Я не живу, влачусь со стономъ»

«Еврей въ отвѣтъ: въ надеждѣ будь,
Тебѣ помочь найду возможность,

Мы заградимъ противнымъ путь,
Ты завтра вступишь въ прежню должность.

«Теперь лишь билъ полночный часъ,
И лунный свѣтъ затмился мглою,
Сіяетъ блескомъ ада Князь —
Тебя онъ ждетъ къ себѣ съ любовью.

«Сей часъ идемъ къ нему съ тобой,
И ты его не устрашайся,
Онъ броситъ на тебя взоръ свой, —
Но ты крестомъ не ограждайся.»

Надеждою Ѳеофилъ льстясь
На будущу свою судьбину,
У бѣса быть, не оградясь —
Крестомъ, поклялся Жидовину.

Уже взаимное даютъ
Они другъ другу цѣлованье;
Схватясь рука съ рукой, идутъ....
Пришли на конское ристанье.

Но тамъ лишь темнота вокругъ,
Природа въ мертвенномъ молчаньи,
Вотъ.... вспыхнулъ огонекъ, — и вдругъ —
Раздались страшны завыванья.

Призывная труба гудитъ;
Брящаютъ бубны, и порою
Паръ черный клубомъ пролетитъ —
Надъ страшной пропастью землею.

Огромны зданья потряслись,
И вдругъ — какъ что-то застенало,
Крылаты молніи взвились,
И множество бѣсовъ предстало.

Горѣли факелы въ рукахъ,
Глаза какъ молніи сверкали;
Ѳеофила объемлетъ страхъ,
Въ немъ члены всѣ затрепетали.

Онъ къ персямъ преклонивъ главу,
Блѣднѣетъ, гаснетъ, какъ лампада . . . .
Къ нему подходитъ Вельзевулъ —
Бѣсовскій Князь, во блескѣ ада.

«Извѣстенъ, рекъ, мнѣ жребій твой!
Тебѣ Творецъ, грозящій мститель.» —
О! сжалься надъ моей судьбой!
«Тебѣ я буду покровитель.»

«Тебѣ и должность прежню дамъ
И паче прежняго прославлю,

Ты будешь страхъ твоимъ врагамъ,
Въ твоей я власти ихъ поставлю.

«Но только съ тѣмъ, чтобъ заключилъ
Одно условіе со мною,
Чтобъ Матерь Божію не чтилъ,
Не чтилъ бы и Христа мольбою.

Ѳеофилъ бѣсомъ обольщенъ,
Все то исполнить обѣщался;
Служить онъ бѣсу посвященъ,
Своей рукою подписался.

Условье Князю тьмы даетъ,
Цѣлуя Вельзевула руки,
Съ восторгомъ хоръ бѣсовъ поетъ,
Раздались торжества ихъ звуки.

Плесканіе тамъ слышно рукъ,
Трескъ бубновъ, звонкія свирѣли . . . .
Но вотъ вблизи запѣлъ пѣтухъ,
Мгновенно бѣсы всѣ изчезли.

Лишь слышно въ пропасти земной
Ужасно грома грохотанье,
И сумракъ бродитъ тамъ густой,
И сѣры слышно клокотанье.

Пошелъ Өеофилъ робко въ домъ,
Оставя пагубы жилище.
Еще покоится онъ сномъ,
У вратъ сидитъ убогій нищій.

Послы Епископа стоятъ
И граждане пришли толпами,
Единодушно всѣ гласятъ,
«Почтенъ Өеофилъ Небесами.»

Ключи отъ злата вотъ несутъ,
И ихъ Өеофилу вручаютъ,
Его согласія — всѣ ждутъ —
И Экономомъ поздравляютъ.

Хвалою чтутъ его одни,
Всѣ воздаютъ ему почтенье.
Съ тѣхъ поръ ведетъ Өеофилъ дни
Въ самолюбивомъ упоеньи.

Проходитъ мѣсяцъ и другой,
Өеофилъ гордый, восхищенный,
Еще не чувствуетъ душой,
Что имъ презрѣнъ законъ священный.

Вотъ третій мѣсяцъ наступилъ,
Противъ него возстала совѣсть, —

И свѣтъ — уже ему не милъ,
Въ душѣ его таится горесть.

Онъ видитъ страшный Божій Судъ,
И совѣсти онъ слышитъ пѣни,
И громы страхъ ему несутъ,
И собственной страшится тѣни!

Ужасна вѣсть къ нему летитъ —
Народной шумною молвою,
Что другъ его, волшебникъ Жидъ —
Постигнутъ страшною судьбою.

Что онъ закономъ осужденъ
За пагубныя злодѣянья,
И что огнемъ живой сожженъ,
И стонетъ духъ его въ изгнаньи.

Себя Өеофилъ заточилъ
Въ безмолвное уединенье,
Рыдая, горько возопилъ:
«Почто презрѣлъ я Провидѣнье?»

«Лишенъ обители небесъ,
За временну мою отраду,
Меня прельстилъ лукавый бѣсъ —
И адъ готовитъ мнѣ награду.

«Предѣлъ меня ужасный ждетъ,
Онъ присужденъ мнѣ въ наказанье;
Но кто спасетъ меня отъ бѣдъ?
Лишенъ на вѣкъ я упованья.

«Къ кому прибѣгну я съ мольбой
И въ комъ искать могу покрова?
Чуждъ Богоматери святой,
Отступникъ имени Христова!

«Но чтожъ колеблюсь и не твердъ —
Въ надеждѣ я на Провидѣнье,
Творецъ раскаянія ждетъ;
Для грѣшныхъ въ немъ одно спасенье.»

Спѣшитъ Ѳеофилъ въ Божій храмъ,
Градскаго шума отдаленный,
Повергся предъ Иконой тамъ —
Владычицы благословенной.

Потоки слезъ предъ ней ліетъ,
Вериги грудь его стягчили,
Онъ дни свои въ постѣ ведетъ,
И очи мирный сонъ забыли.

Завоетъ ли протяжно лѣсъ —
Ѳеофилъ въ ужасѣ блѣднѣетъ.

Затмится ль мглою сводъ небесъ,
То мщенье неба пламенѣетъ.

Блеснетъ ли молнія изъ тучь,
Преступникъ ждетъ въ грѣхахъ отмщенья;
Когдажъ проглянетъ солнца лучь,
Еще надѣется прощенья.

Уже провелъ онъ сорокъ дней,
Въ постѣ, молитвахъ предъ иконой,
Колѣна преклонивъ предъ ней,
Возноситъ къ Небу гласъ покорной.

Настала ночи тишина,
Но слезы грѣшникъ проливаетъ;
Сквозь окны брежжется луна
И полъ церковный осребряетъ.

Столпъ радужный съ высотъ Небесъ —
На землю тихо нпспустился,
Алмазами блестящихъ звѣздъ
Сіяньемъ яркимъ озарился.

Разверзся чистый Неба сводъ,
Раздалось Ангельское пѣнье,
Къ молящемуся въ храмъ грядетъ,
Надежда грѣшныхъ и спасенье,

Уже во храмѣ предстоитъ
Владычествующая міромъ:
Порфира пурпуромъ горитъ,
Виссонъ ея блеститъ сафиромъ.

Взошла! рекла: «предъ Вышній тронъ
Дошло преступника покаянье,
Но праведенъ Творца законъ:
Презрѣвшимъ оный — наказанье.

«Не ты ль отвергнулся меня,
Отрекся отъ Творца Вселенной!
Еще веди ты дни стеня,
Вноси на небо гласъ смиренный.

«Моли Спасителя Христа,
На крестъ онъ за тебя вознесся.»
Страшусь отверсть я тѣ уста,
Которыми его отрекся.

Увы! лукавому я далъ
Писаніе моей рукою,
Невольникъ ада — волей сталъ,
Страшусь притечь къ Христу съ мольбою.

Внемли! Владычица небесъ!
Прими преступника моленье!

Внеси къ Творцу превыше звѣздъ —
Да узрю отъ него прощенье.

— «Бѣднякъ! смягчится жребій твой,
Предъ Вышнимъ сильно покаянье: —
Тьмы Князю данное тобой
Получишь ты рукописанье.»

Сіе Владычица рекла
И вдругъ невидимою стала;
На небѣ звѣздочка взошла,
И ярко, ярко возсіяла.

Блестятъ Ѳеофилу лучи
Въ душѣ спасительной надежды.
Прошло шесть дней, въ седьмой ночи,
Слетаетъ сонъ къ нему на вѣжды.

Какъ бы въ Эдемскомъ былъ раю,
Онъ въ сладкомъ сна успокоеньи,
Въ вѣнцѣ Ходатайцу свою
Предъ нимъ, онъ въ сонномъ зритъ видѣньи.

Кругъ облачный стоитъ предъ Ней,
Съ чела ея лилось сіянье,
Кладетъ десницею своей —
Предъ нимъ — его рукописанье.

*

Онъ съ благодарною душой
Небесной Дѣвѣ поклонился,
Дрожащей хартію рукой
Хотѣлъ лишь взять — вдругъ пробудился.

О радость сердца! о восторгъ!
Предъ нимъ лежитъ рукописанье!
Вскричалъ: — «Спаситель грѣшныхъ, Богъ!
Мое пріемлетъ покаянье.»

Спѣшитъ Ѳеофилъ въ Божій храмъ
Во градъ, и ставъ предъ всѣмъ Соборомъ:
Онъ милосердье Бога тамъ
Въ слезахъ повѣдалъ предъ народомъ.

Разрушивъ хартіи печать,
Читаетъ Дьяконъ на налоѣ,
Благодаренія летятъ —
Предъ Провидѣніе святое.

Ѳеофилъ тамъ предъ алтаремъ
Священныхъ тайнъ пріобщился.
Съ тѣхъ поръ отшедъ смиренно — въ домъ
Въ уединенье заключился.

И свято чтилъ небесный гласъ
Творца усерднѣйшій служитель.

Когдажъ насталъ послѣдній часъ,
Отшелъ въ небесную обитель.

Улыбка рая на устахъ,
И мирнымъ сномъ закрылись вѣжды,
Не возмутилъ духъ, смертный страхъ,
Исполненный въ Творца надежды.

СМѢСЬ.

УМОРИСТИКА.

ПОѢЗДКА ВЪ МАСКЕРАДЪ.

Въ четвергъ я взялъ жалованье за прошедшій мѣсяцъ, и получилъ деньги съ нашего жильца, который за двѣ комнатки въ небольшомъ нашемъ домикѣ — платитъ намъ *сто* рублей *въ треть*.

Я пересчитывалъ деньги въ бумажникѣ, между тѣмъ двѣ дочери мои сидѣли въ залѣ съ работой за столикомъ, и что-то толковали о маскерадахъ.

Ахъ! еслибъ батюшка вздумалъ поѣхать, сказала младшая.

Маминька обѣщала уговорить его. . . молвила старшая.

И тетинька сбирается попросить . . .

Въ это время — жена моя вошла ко мнѣ въ кабинетъ съ газетнымъ листкомъ. . .

Читалъ ли ты другъ мой 15-ый номеръ Сѣверной Пчелы? спросила жена моя.

Не помню.... но кажется читалъ, а что такое ты нашла тамъ?

Боже мой! ты забываешь, что у тебя есть жена, двѣ дочери и сестра.

Очень помню, но какую связь имѣетъ это съ Сѣверною Пчелою?

Какъ? — Ты не замѣтилъ извѣстія объ учрежденіи *новаго общественнаго заведенія*? Хорошій муженекъ! хорошій батюшка! хорошій братецъ! Прочелъ — и промолчалъ. — Я не знала бы объ этомъ, еслибъ не попался мнѣ листокъ Пчелы.

Вижу, другъ мой, что тебя взманило описаніе залъ въ домѣ Г. Енгельгарда.

— Не отпираюсь. — Это милость для публики. — Въ Пчелѣ пишутъ, что *заведеніе общественныхъ собраній было бы большимъ благодѣяніемъ для Петербурга, наполненнаго чиновниками, изъ коихъ весьма многіе, даже въ высшихъ чинахъ, живя однимъ жалованьемъ, или имѣя небольшое состояніе, не могутъ поддерживать связей съ богачами и должны осуждать семейство свое на нѣкоторый родъ удаленія отъ свѣта.*"

Слава Богу теперь заботятся объ удовольствіи небогатыхъ людей,

сказала жена моя, прочитавъ сіи строки. Можно насмотрѣться на лучшее общество и повеселиться, не имѣя надобности сзывать гостей — и ѣздить на церемонные балы. — Знатные и богачи пренебрегаютъ небогатыми людьми, но теперь можно обойтись безъ ихъ приглашеній.

Однакожъ, Графиня Крылецкая къ намъ очень благосклонна, и ты не однажды ѣздила къ ней на вечера. Мы обязаны также доброй Княгинѣ Любской. . . .

Но мнѣ совѣстно ѣздить къ нимъ, когда нѣтъ возможности звать къ себѣ. — Въ нынѣшнемъ году у насъ не было ни одного вечера. Послушай душа моя, надобно съѣздить въ этотъ маскерадъ. — Я соберусь съ дочерьми, да и сестрицѣ очень хочется. Доставь намъ это удовольствіе.

Другъ мой, отвѣчалъ я, дорогая цѣна, положенная за входъ въ этотъ маскерадъ, — со всѣмъ не по карману небогатыхъ семейныхъ людей. ....

Но это благодѣтельное заведеніе, имянно учреждено для удовольствія небогатыхъ семействъ чиновниковъ, *живущихъ однимъ жалованьемъ.* Послѣ этаго намъ стыдно не ѣхать, какъ будто мы нищіе.

Однако подумай, *десять* рублей за входъ.

Десять рублей съ однихъ мущинъ, а съ дамъ теперь убавлено, всего *пять* рублей . . . .

Хорошо, я посмотрю. . . . .

Нѣтъ, какъ хочешь мой ангелъ, а въ воскресенье поѣзжай съ нами . . .

Такъ и быть, соглашаюсь. . . .

Жена моя весело улыбнулась, потрепала меня по щекѣ; дочери слушавшія нашъ разговоръ у дверей, вбѣжали въ комнату, бросились меня обнимать, цѣловать, крича: *шеръ папа! шеръ папа!* и начались сборы.

Между тѣмъ, какъ мнѣ поручено было взять билеты, жена моя съ дочерьми заботилась объ нарядахъ, сестрица также. Домашнее хозяйство забыто; ни о чемъ болѣе не толковали, ни о чемъ недумали, какъ объ маскерадѣ.

За день до Маскерада пріѣхалъ къ женѣ моей двоюродный братецъ изъ Москвы. Жена посовѣтовала мнѣ пригласить его съ нами — посмотрѣть Петербургскаго Маскерада *для не богатыхъ чиновниковъ*. — Чтобъ сдѣлать угожденіе женѣ — я взялъ билетъ и для братца. — Въ воскресенье собрался я идти къ обѣдни, но жена просила меня съѣздить въ магазинъ и взять заказанныя нарядныя платья. Къ удивленію съ меня потребовали за три платья *полтораста* рублей

за работу, за фасонъ и за отдѣлку. Ну! подумалъ *я*, порядочно же отдѣлали мой бумажникъ, что-то останется для домашнихъ расходовъ?

Проѣздивъ по магазинамъ я опоздалъ къ обѣдни, и возвратясь домой, встрѣтилъ сестрицу, съ просьбою дать ей *сорокъ* рублей, которыхъ не достало ей для наряднаго сбора. —

Я замѣтилъ женѣ, что приготовительные расходы для Маскерада слишкомъ значительны. Ахъ Боже мой! отвѣчала она, вѣдь не ѣхать же въ ситцовомъ платьѣ? развѣ ты хочешь, чтобъ на насъ указывали пальцами?

Едва было не позабылъ я взять на прокатъ венеціаны, еще надобно было нанять экипажъ; наконецъ мы, шестеро, поѣхали въ четвероместной каретѣ.

Великолѣпно убранныя залы, блистательное освѣщеніе, отражаемое въ зеркалахъ, гремящая музыка, стеченіе публики не много разсѣяло мое уныніе, однакожъ я не могъ удалить печальной мысли, что у меня почти ничего не остается на домашніе расходы, благодаря заведенію для небогатыхъ семействъ. — Въ Маскерадѣ было жарко; мы выпили по стакану аршада. — Совѣстясь не попотчивать

Московскаго пріѣзжаго, я спросилъ вина. Мнѣ подали Шампанскаго Русской фабрики, говоря, что другаго вина не имѣютъ, а взяли въ тридорога по французски.

Мы долго ходили по заламъ — желая за свои деньги по болѣе насмотрѣться, но привычка ужинать такъ овладѣла нами, что апетитъ сманилъ насъ сѣсть за столъ и потребовать ужина. — Съ насъ взяли за великое терпѣніе и засамый скромный ужинъ по шести рублей съ каждаго.

Послѣ того мы еще ходили по заламъ, еще слушали музыку; еще смотрѣли на освѣщеніе и бродящія толпы, но глаза устали смотрѣть, уши слушать, ноги ходить, и мы поѣхали домой. — Дорогою жена моя, сестрица и дочери расхваливали маскерадъ, братецъ дремалъ, а я молчалъ, и соображая всѣ расходы того дня, каялся въ своемъ легкомысліи, съ которымъ вовлекъ себя въ раззореніе.

У меня не достало денегъ заплатить за экипажъ и въ лавку за венеціаны. Чтобъ расплатиться на другой день и дать женѣ на столовые расходы, я принужденъ былъ заложить въ Ломбардѣ свои Англинскіе часы и серьги моей жены.

Поѣздка въ Маскерадъ обошлась намъ около трехъ сотъ рублей. Прі-

ѣхавъ домой жена моя раскаялась въ своей необдуманности, и согласилась со мною, что еще нѣсколько такихъ вечеровъ, еще двѣ или три поѣздки въ *благодѣтельное учрежденіе для небогатыхъ семейныхъ чиновниковъ* и мы останемся. — нищими.

Чиновникъ 9 класса.

ПРАВИТЕЛИ ГОРОДА КІЕВА ОТЪ ЗАВОЕВАНІЯ СЕГО КНЯЖЕНІЯ ВЕЛ. КНЯЗЕМЪ ЛИТОВСКИМЪ ГЕДЕМИНОМЪ — съ 1320 до 1828 года.

Литовскіе Удѣльные Князья.

Годъ.

1320. По завоеваніи Кіева Вел. Княземъ *Гедеминомъ*, первый опредѣленъ Князь Гоишанскій *Миндовгъ*.

1337. Въ отсутствіи Миндовга управлялъ внукъ Гедеминовъ Князь Ѳедоръ *Скирнятовичъ*.

1383. Удѣльный Кіевскій Князь Владиміръ *Олгердовичъ*.

1393. Вмѣсто Владиміра, опредѣленъ Княземъ *Скиргайло* братъ Вел. Князя Витольда.

1396. По смерти Скиргайла, Гоишанскій Князь Иванъ Борисовичь или *Ольгимунтовичь*, убитый съ Тамерланомъ на брани, въ 1398 году; и тогда Кіевъ непосредственно принадлежалъ Вел. Князю Витольду.

1429. По смерти Витольда присвоилъ себѣ сіе Княженіе двоюродный братъ его *Свидригайло* или *Скиргайло* до 1437 года, или смерти его.

1440. Великій Князь Литовскій Казимиръ возвратилъ Кіевъ, съ другими областями, управленію Александра *Оленька*, сына прежде бывшаго Князя Владиміра.

1455. По смерти Оленька Король Казимиръ IV отдалъ Кіевъ сыну его Симеону *Олельковичу*, который возстановилъ разоренную Батыемъ Печерскую церковь въ 1471 году и въ ней погребенъ.

Воеводы отъ Князей Литовскихъ.

1471. Первый Воевода былъ Мартинъ *Гастольдъ*, человѣкъ жестокій;

вмѣсто его опредѣленъ Юрій *Пацъ* безъ показанія годовъ.

1478. Иванъ *Хоткевичъ*, при раззореніи Кіева Татарами отведенъ въ полонъ.

1483. Воевода Дмитрій *Путятичъ* слабаго характера.

1496. Сигизмундъ *Казимировичъ*, братъ Польскаго Короля Іоанна Албрехта и Литовскаго Вел. Кн. Александра: въ его время Руские съ Татарами овладѣли было Кіевомъ.

1503. Георгій *Монтовтовичъ*, начались беспокойства Диссидентовъ.

1511. Воевода Андрей *Немеровскій* или *Немеровичъ*, человѣкъ благоразумный, въ отсутствіи его управлялъ Кн. Юрій *Радзивилъ* до 1523 года, и опять *Немеровичъ*; при немъ утверждены права гражданъ и Монастырей Кіевскихъ.

1541. Воевода Андрей *Коширскій*: въ слѣдующемъ году его перемѣнилъ Князь Янъ *Думбровицкій*.

1544. Воевода Фридрихъ Князь *Пронскій*; утверждены права Кіевскому Магистрату.

1555. По смерти Пронскаго Григорій *Хоткевичъ*, ревностный поборникъ Католиковъ противу православныхъ: по удаленіи его

правили Кіевскіе городничіе и старосты.

Воеводы отъ Королей Польскихъ.

1577. Король Стефанъ *Баторій* опредѣлилъ Воеводою благочестиваго Князя Константина *Острожскаго*; въ отсутствіи его до 1606 года правили городомъ урядники: угнѣтенія отъ Уніятовъ.
1608. По смерти погребеннаго въ Лаврѣ Князя Острожскаго, Воевода Андрей *Сапега*, принявшій законъ Католическій.
1612. Коронный Гетманъ Станиславъ *Жолкевскій* болѣе былъ занятъ войною.
1621. Воевода Томашъ *Замойскій*, гонитель Православныхъ; скоро послѣ его Александръ *Заславскій*.
1628. По смерти Заславскаго, Стефанъ *Хмѣльницкій*, а въ слѣдующемъ году поступилъ Янушъ *Тишкевичъ*; въ отсутствіи его правили городничіе, потомъ опять поступилъ Тишкевичъ въ 1634 и 1640 годахъ, ревностію противъ Диссидентовъ возбудилъ войну гражданскую въ Польшѣ.

1649. Король Іоаннъ Казимиръ опредѣлилъ Воеводою Адама *Киселя*, который еще назначенъ былъ въ 1646 году. Во время его Поляки разорили Кіевоподольскъ. По смерти Киселя въ 1653 году еще были Воеводы Кіевскіе, титулярные; но сей городъ уже былъ возвращенъ къ Державѣ Россійской.

Воеводы Россійскіе и Стольники.

1654. Первый опредѣленъ Воеводою въ Кіевъ Кн. Ѳедоръ Семеновичь *Куракинъ* и его помощникъ Кн. Ѳедоръ *Волхонскій*.
1656. Окольничій Андрей *Бутурлинъ*, во время похода Куракина.
1658. Воевода Бояринъ Василій Борисовичь *Шереметевъ*; послѣ плѣненія его Поляками, имѣлъ правленіе Стольникъ Князь *Борятинскій*.
1660. Опредѣлены два Стольника *Ржевскій* и *Мещеряковъ*; продолжалась война съ Польшею по причинѣ измѣнныхъ Гетмановъ.
1662. Думный Дворянинъ Иванъ *Чаадаевъ*.
1665. Вмѣсто Чаадаева, Окольничій КнязьНикита Яковлевичь*Львовъ*.

Гражданская война нѣсколько успокоилась.

1666. На мѣсто Львова Воеводою Намѣстникъ Смоленскій Петръ Васильевичь *Шереметевъ*.

1669. Воевода, Намѣстникъ Звенигородскій, Князь Григорій *Козловскій;* городъ въ разорительномъ бѣдномъ состояніи.

1673. Воевода, Намѣстникъ Нижегородскій, Князь Георгій Петровичь *Трубецкой*, Окольничій *Великогагинъ* и два Стольника.

1675. Намѣстникъ Болгарскій Алексѣй *Голицынъ* и при немъ одинъ Стольникъ.

1676. Вмѣсто Голицына Окольничій Алексѣй Петровичь *Головкинъ*.

1677. Царь Ѳедоръ Алексѣевичь опредѣлилъ Воеводою Боярина Князя Ивана Борисовича *Троекурова* и Стольника *Ржевскаго*.

1678. Вмѣсто Троекурова Бояринъ Михайло *Голицынъ* и Стольникъ *Каркадиновъ*.

1679. Воевода Князь Никита Семеновичь *Урусовъ* и Окольничій Данило *Борятинскій*; во время Чигиринской осады Турками предводительствовалъ войсками у Кіева *Троекуровъ*, а потомъ съ арміею прибылъ Князь *Черкаской*.

21*

1680. Окольничій, Намѣстникъ Вятскій, Иванъ *Большой* и два Стольника.
1681. Правительствовалъ Намѣстникъ Карачевскій Леонтій *Неплюевъ*, въ томъ же году Воевода, Намѣстникъ Смоленскій, Петръ Васильевичь *Шереметевъ*, и подъ исходъ того же года поступилъ Намѣстникъ Бѣльскій Иванъ *Волынскій*.
1682. Воевода Князь Петръ Семеновичь *Прозоровскій* и Окольничій Князь Борисъ *Горчаковъ*; безпокойства въ Кіевѣ отъ стрѣльцовъ.
1684. Воевода Алексѣй Петровичь *Салтыковъ* и въ томъ же году, вмѣсто Салтыкова, Бояринъ и Намѣстникъ Кондійскій Ѳедоръ Петровичь *Шереметевъ* и Окольничій *Жировозасѣкинъ* и одинъ Стольникъ; возстановлено спокойствіе и городъ началъ отстраиваться.
1686. Вмѣсто Шереметева прибылъ въ Кіевъ для мирныхъ договоровъ о границахъ съ Польшею, Князь *Урусовъ* и одинъ Думный Дворянинъ.
1687. Воевода, Намѣстникъ Суздальскій, Иванъ Васильевичь *Бутур-*

линъ, при немъ Думный Дворянинъ.

1689. Воевода Князь Михайло Григорьевичь *Ромодановскій*.

1691. Стольникъ Князь Лука Ѳедоровичь *Долгорукій* съ Помощникомъ и другимъ Стольникомъ *Ржевскимъ*.

1693. Бояринъ Князь Петръ Ивановичь Меньшой *Хованскій*, съ однимъ Стольникомъ. Производились укрѣпленія Кіевоподола отъ набѣговъ Татарскихъ.

1695. Бояринъ, Намѣстникъ Дорогобужскій, Князь Данило *Борятинскій*.

1697. Воевода Князь Петръ Ивановичь Большой *Хованской*: производились каменныя строенія нѣкоторыхъ церквей и монастырей Козацкими Старшинами.

Губернаторы, Генералъ-Губернаторы и Коменданты.

1700. Губернаторъ Ген. Маіоръ *Фонмендинъ*.

1701. По смерти Фонмендина Губер. Ген. Маіоръ *Гулицъ*, имѣлъ два полка для защиты отъ Шве-

довъ. Въ 1706 году Петръ I-й заложилъ Кіевопечерскую крѣпость. Главнокомандующій войсками *Шереметевъ*.

1707. Генералъ Губер. Намѣстникъ Смоленскій Князь Дмитрій Михайловичь *Голицынъ*, начальствовалъ и войсками. Въ 1710 году Петръ I-й въ Кіевѣ былъ. (Моровая язва); попеченія Губ. *Голицына* объ устроеніи города; его благодѣтельныя дѣянія.

1710. Первый Комендантъ Полковникъ *Геренкъ*.

1718. ПослѣГеренкаОберъКомендантъ Бригадиръ *Штокъ*.

1719 Военный Начальникъ Ген. Губ. Сенаторъ Князь Петръ Алексѣевичь *Голицынъ*.

1723. По смерти Голицына Ген. Губ. Генералъ - Аншефъ Князь Иванъ Семеновичь *Трубецкой* — Комендантъ Капитанъ Гвардіи Георгій *Пороськовъ*.

1726. Вмѣсто Трубецкаго правилъ бывшій Оберъ Комендантъ *Штокъ*.

1730. Губернаторъ Ген. Лейтенантъ Владимиръ Петровичь *Шереметевъ*.

1731. Оберъ Комендантъ Бригадиръ *Наумовъ* и въ томъ же году вмѣсто его Ген. Маіоръ *Нейбушъ*.

1730. Генералъ - Губернаторъ Графъ Фонъ *Гейсбаръ*, умеръ 1730 г.
1737. Губернаторъ Ген. Маіоръ Семенъ Ивановичь *Сукинъ*.
1738. Ген. Губерн. Генералъ Лейтенантъ Михаило Ивановичь *Леонтьевъ*. Укрѣпленія стараго Кіева Графомъ Фонъ *Минихомъ*.
1740. Губернаторъ Тайный Совѣтникъ *Неплюевъ*; въ его отсутствіи правилъ Оберъ Комендантъ *Нейбушъ* до 1741.
1743. Оберъ Комендантъ Ген. Маіоръ *Юрьевъ*.
1744. Государыня Елисавета Петровна посѣтила Кіевъ.
1747. Оберъ Комендантъ Ген. Маіоръ *Костюринъ*.
1752. По смерти Леонтьева *Костюринъ* въ званіи Вице - Губернатора до 1753 года.
1756. Губернаторъ Графъ Петръ Семеновичь *Салтыковъ*, а въ его отсутствіи управлялъ *Костюринъ* и Помощникъ Полковникъ *Марковъ*..
—— Оберъ Комендантъ Ген. Маіоръ *Лопухинъ*, который съ 1756 года управлялъ и Губерніею.
1760. Губернаторъ Ген. Поручикъ Иванъ Ѳедоровичь *Глѣбовъ*, который съ 1761 г. въ чинѣ Аншефа былъ ГенералъГубернаторомъ.

Вице - Губернаторъ Ген. Маіоръ *Власьевъ*

1761. Оберъ Комендантъ Ген. Маіоръ *Чечеринъ*.

1766. Генералъ Губернаторъ Ѳедоръ Матвѣевичь *Воейковъ*.

— Вмѣсто *Чечерина* Оберъ-коменд. Ген. Маіоръ *Елчаниновъ*.

1770. По случаю бывшей моровой язвы присланъ для управленія Ген. Маіоръ *Шиповъ*.

1776. По упраздненіи Кіевской Губерніи городъ Кіевъ, Таможенная Застава и слободы поступили въ вѣдомство Малороссійкой Коллегіи, коея Президентъ Графъ Петръ Александровичь *Румянцовъ* поручилъ правленію Губернской Канцеляріи.

1781. По смерти *Елчанинова* Оберъ-Комендантъ Ген. Маіоръ *Кохіусъ*.

1782. Намѣстникъ двухъ Малороссійскихъ и Кіевской Губерніи Графъ П. А. *Румянцовъ*. Гражданскій Кіевскій Губернаторъ Ген. Поручикъ Семенъ Ермолаевичь *Ширковъ*. 1787 года Императрица Екатерина II. зиму провела въ Кіевѣ.

1788. Оберъ-Комендантъ Ген. Маіоръ Филиппъ Лаврентьевичь *Ви-*

гель, въ 1797 году переименованъ Комендантомъ

1790. Намѣстникъ Тульскій и Калужскій и трехъ Малороссійскихъ Губерній въ званіи Генералъ Губернатора Генералъ Аншефъ Михайло Никитичь *Кречетниковъ*, до смерти 1793 года.

1795. Послѣ *Ширкова* Губернаторъ Ген. Маіоръ Василій Ивановичь *Красно-Милашевичь*.

1797. Военный Губернаторъ и правящій Гражданскою частію Графъ Петръ Ивановичь *Салтыковъ*.

1798. Военный Губер. Генералъ Лейт. *Розенбергъ*, а съ 31 Августа послѣ его Ген. Лейт. К. *Дашковъ*.

— Малороссійскій Генералъ Губернаторъ и Кіевскій Военный Губернаторъ Генералъ отъ Инфантеріи Александръ Андреевичь *Беклешовъ*.

1799. Военный Губернаторъ Ген. Лейтенантъ Сергей Андреевичь *Беклешовъ*.

1800. Военный Губер. Генералъ Лейт. *Павлошвейковскій*, того же года отъ 24 Сент. Военный Минскій и Кіевскій Губернаторъ Генералъ отъ Инфантеріи Андрей Семеновичь *Фенишъ* и въ должности Генералъ Губернатора до 1803 года.

1798. Комендантъ Ген. Маіоръ *Рахмановъ*, скоро послѣ его Ген. Маіоръ Александръ Осиповичь *Массе*.

1799. На мѣсто *Милашевича* Гражданской Губ. Тайный Совѣтникъ Алексѣй Григорьевичь *Тепловъ* и того же года отъ 27. Сентября Дѣйств. Стат. Совѣтникъ Михайло Степановичь *Карабинъ*.

1802. Гражд. Губер. Дѣйств. Стат. Совѣтникъ Петръ Прокофьевичь *Панкратьевъ*, до смерти 1810 г.

1803. Военный Губер. и Гражданской части Генералъ отъ Кавалеріи Александръ Петровичь *Тормасовъ*.

1806. Военный Губер. Генералъ отъ Инфантеріи Михайло Ларіоновичь *Голенищевъ - Кутузовъ*, до 1808 года.

1810. Военный Губернаторъ Генералъ отъ Инфантеріи Михайло Андреевичь *Милорадовичъ* и щитался таковымъ въ отсутствіи до 1815 года.

—— Гражданской Губер. Дмитрій Семеновичь *Ланской*.

1811. Вице - Губернаторъ, исправлявшій должность Губернатора, Дѣйств. Стат. Совѣтникъ *Андріевскій*. 9 Іюля выгорѣлъ Кіево-подолъ.

1812. Марта 9, Гражданскій Губернаторъ Александръ Львовичь *Десанти.*
1814. Марта 21. Гражд. Губер. Павелъ Сидоровичь *Черепановъ.* 1816 г. Государь Александръ I посѣтилъ Кіевъ.
1817. Маія 9. Гражд. Губер. Дѣйств. Стат. Совѣт. *Назимовъ.*
1818. По смерти Массе, Комендантъ Ген. Маіоръ Петръ Андреевичь *Аракчеевъ* до 1829 года.
1820. Сентября 13. Граждан. Губер. Иванъ Яковлевичь *Бухаринъ.*
1822. Сентября 24. Граждан. Губер. Дѣйств. Стат. Совѣт. Иванъ Гавриловичь *Ковалевъ.*
1827. Іюня 26. Военный Губер. и управляющій Гражданскою частію Генералъ-Лейтенантъ Петръ Ѳедоровичь *Желтухинъ,* до смерти его, восп. 1829 года.
1828. Марта 11. Граждан Губ. Дѣйст. Стат. Сов. Василій Семеновичь *Катериничь*; въ семъ году Кіевъ имѣлъ щастіе видѣть у себя Ея Величество Императрицу Александру Ѳеодоровну; на другой годъ самаго Государя Императора Николая Павловича, и потомъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ И. И. В. Великаго Князя Михаила Павловича и Елену Павловну.

Извѣстія о Литовскихъ Князьяхъ и Польскихъ Воеводахъ бывшихъ правителями въ Кіевѣ взяты изъ исторіи Стриковскаго, исторіи Несѣцкаго, de corona polska и изъ исторіи Кіевоподольскаго Магистратскаго Архива. О Россійскихъ Воеводахъ извѣстія почерпнуты изъ записей, бывшей Кіевской Губернской Канцеляріи и указовъ тѣхъ временъ въ Магистратскомъ архивѣ находящихся. Послѣдніе правители Кіева, со времени открытія въ 1782 году намѣстническаго правленія, выбраны изъ современныхъ предписаній.

М. Б.

ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Историческій романъ соч. Ѳ. Булгарина.

Руководствуясь тѣми же правилами, кои наблюдалъ я при обьявленіи мыслей моихъ о романѣ Г. Загоскина: *Юрій Милославскій*, т. е., предоставляя другимъ изыскивать погрѣшности и недостатки, укажу вкратцѣ на достоинство или по крайней мѣрѣ на тѣ мѣста, кои понравились мнѣ въ новомъ романѣ Ѳадея Венедиктовича Булгарина.

Прежде всего отдадимъ справедливость трудолюбію Г. Сочинителя, ибо оное нужно въ высшей степени, чтобъ написать Русской романъ въ 4 тома. Матеріялы, относящіеся къ отдаленнымъ временамъ нашего Отечества, разбросаны по клочкамъ въ скучныхъ фоліянтахъ, такъ, что нерѣдко послѣ утомительнаго чтенія въ продолженіи четырехъ, пяти дней, найдешь для себя только нѣсколько строкъ. Если сочинитель съ большимъ искуствомъ дополнилъ воображеніемъ и наблюдательностію сію скудость Русскихъ лѣтописей, то еще съ большимъ искуствомъ воспользовался богатыми источниками Польскихъ Историковъ и Археологовъ, трактовавшихъ сей предметъ въ разнообразныхъ видахъ и измѣненіяхъ. Черпая изъ нихъ съ разборомъ и осторожностію — онъ вездѣ является творцемъ самобытнымъ: картины Польскихъ сеймовъ, пировъ, бесѣдъ, раздоровъ, ратоборствъ шляхтичей — превосходны. Одно молчаніе Сигизмунда въ Верховномъ Совѣтѣ — стоитъ многихъ краснорѣчивыхъ страницъ.

Эта утонченность въ произведеніи желаемаго дѣйствія на читателей, это глубокое знаніе драмматическаго искуства, вполнѣ является въ

первомъ томѣ, когда хитрый Иваницкій бросаетъ первыя семена народнаго раздора, разсѣявая молву о существованіи Царевича Димитрія, когда вѣсть сія, подобно давно-тлѣвшему огню, вдругъ вспыхиваетъ и распространяется по всему Государству.—Равномѣрно суевѣріе Царя Годунова — слѣдствіе мученій совѣсти, описаніе ненавистнаго Боярина Семена Никитича и его достойной подруги Ѳедосьи — могутъ быть признаны образцемъ романтизма и знанія сердца человѣческаго. Тутъ всё такъ живо, такъ естественно, что кажется совершается предъ нашими глазами, кажется — видишь предъ собою этаго злаго, мстительнаго Боярина, коего терпѣлъ и даже ласкалъ Борисъ, яко жертву народной ненависти, думая, по ложному расчету, что подобные Вельможи могли *поглощать* въ себя все зло, всѣ несправедливости, всѣ ошибки, имъ содѣланныя; между тѣмъ, какъ напротивъ, Семенъ Никитичь своею холодною жестокостію, охлаждалъ любовь народную къ Царскому Дому, а покровительствуя клеветѣ и доносамъ — удалялъ отъ Престола людей достойныхъ, добродѣтельныхъ, служащихъ оному твердѣйшею опорою.

Г. Булгаринъ лучше всѣхъ ознакомилъ насъ съ Дворомъ Самозванца, и перенося читателя въ Царскіе палаты Кремлевскіе, гдѣ, вмѣсто священныхъ пѣній, раздавались одни звуки бубнъ и цимбаловъ, гдѣ бражничество, шутовство и скоморохство составляли первое достоинство, награждались наравнѣ съ заслугами Государственными, гдѣ гордые иноземцы съ презрѣніемъ смотрѣли на Русскихъ и заняли всѣ почтеннѣйшія и выгоднѣйшія мѣста и званія — раскрылъ главную причину тогдашняго бѣдствія Государства, показалъ, сколь опасно испытывать мѣру народнаго терпѣнія и пренебрегать національною гордостію. А хитрости политики Эзуитовъ, а оригинальный бытъ Запорожской Сѣчи, разгаданы и изображены авторомъ съ неменьшею живостію и подробностями, нигдѣ еще вмѣстѣ не находящимися.

Изданіе сего романа весьма тщательно; картинки нарисованы и выгравированы прекрасно.

ИЗВѢСТІЯ

по части изящныхъ художествъ.

I.

Въ мастерской знаменитаго Скульптора нашего Ивана Петровича Мартоса, любители изящнаго восхищались новыми произведеніями сего отличнаго, неутомимаго Художника,—двумя монументами, изъ коихъ одинъ покойному Императору Александру, заказанный городомъ Таганрогомъ, а другой Князю Потемкину - Таврическому, воздвигаемый жителями Южнаго Новороссійскаго края. Первый уже отлитъ изъ гипса, а другой еще конченъ только въ глинѣ.

Памятникъ Императора Александра состоитъ изъ колосальнаго изображенія покойнаго Государя, вышиною въ 3½ аршина, выльется изъ бронзы и поставится на мраморномъ пьедесталѣ съ гранитными ступенями. Онъ будетъ стоить 57 тысячь 500 рублей, изъ коихъ 20 тысячь пожалованы Императрицами Елисаветою Алексѣевною и Маріею Ѳеодоровною, а 12,500 Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, остальныя 25 тысячь рублей пожерт-

вованы жителями Таганрога, въ знакъ чувствъ живѣйшей ихъ признательности къ благодѣяніямъ, изліяннымъ покойнымъ Императоромъ на ихъ городъ, во время Его въономъ пребыванія.

Памятникъ сей убѣждаетъ паки въ истинѣ, что нынѣшняя Европейская одежда весьма неблагопріятствуетъ Художествамъ; для скрытія оной Зодчій вынужденнымъ нашелся накинуть на большую часть фигуры плащь, но этимъ скрылъ величавую красоту Александра, могшую служить идеаломъ для рѣзца художника.

Орелъ кладетъ перуны у ногъ примирителя Европы; не понятно, почему не сдѣланъ Русскій двуглавый орелъ, равномѣрно сожалительно, что художникъ не присоединилъ къ сему памятнику воспоминанія о кончинѣ Императора Александра въ Таганрогѣ?

2.

Монументъ Князя Потемкина-Таврическаго удовлетворительнѣе во всѣхъ сихъ отношеніяхъ. Онъ будетъ состоять изъ пяти колоссальныхъ фигуръ, по срединѣ коихъ возвышается изображеніе самаго Героя, одинаковой вышины съ фигурою Гер-

кулеса Фарнескаго, т. е. въ 4 аршина и 4 вершка. Кавалергардскіе латы и длинное нижнее платье, живописно выказывая мощныя мышцы Потемкина, припоминаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и преобразованіе, учиненное симъ великимъ мужемъ въ одеждѣ Русской арміи. Въ правой рукѣ онъ держитъ Фельдмаршальскій жезлъ, а лѣвую положилъ на мечь. И это положеніе выражаетъ мысль о завоевателѣ Тавріи. Легкій плащь, накинутый сзади искусною рукою, открываетъ вполнѣ величественную, благородную поступь сего исполина Екатеринина вѣка, равно какъ въ обликѣ его счастливо сохранены сходство и идеалъ великаго генія. Остальныя четыре Миѳологическія фигуры въ натуральную величину, изъясняютъ эмблематически свойства и дѣянія Потемкина, онѣ будутъ представлять: Марса, Нептуна, Аполлона и Геркулеса.

Памятникъ сей, безъ сомнѣнія, будетъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ въ Европѣ, а потому желательно, чтобъ поставленъ былъ въ Одессѣ, — самомъ многолюдномъ и процвѣтающемъ портѣ Южнаго Края, коего Потемкинъ, такъ сказать, былъ творцемъ. Симъ вполнѣ выполнится и намѣреніе жителей, воздвигающихъ сей

Памятникъ благородной признательности.

Архитектурныя части, какъ то: пьедесталы, ступени и проч., отдѣлаются на мѣстѣ изъ гранита, открытаго недавно въ Крыму.

3.

Въ Книжномъ Магазинѣ И. В. Сленина съ нѣкотораго времени извѣстная картина Рафаэля, принадлежавшая Генералу Сабиру, привлекаетъ вниманіе и удивленіе всѣхъ знатоковъ и любителей живописи. Картина сія представляетъ Божію Матерь съ младенцемъ неимовѣрной красоты и пріятности. Вѣроятно, что картина сія есть также добыча революціи, расхитившей превосходную галлерею Герцога Орлеанскаго, коей составляла она украшеніе, и извѣстна была всѣмъ любителямъ по гравюрѣ съ нее снятой.

Конецъ

третей книжки сорокъ первой части.

СОДЕРЖАНІЕ

Сорокъ первой части.

Стран.

Взглядъ на Одессу (*съ видомъ города*) . . . . 3.

Договорная окончательная грамота, составленная и подписанная въ 1634 году полномочными Русскими и Польскими Послами объ отреченіи Владислава отъ Царства Русскаго . . . . 47, 194 и 376.

Памятныя записки В. А. Нащокина . . . . 76.

Практическій Механикъ въ Грязовцѣ, Василій Максимовичь Лебедевъ . . . . 179.

Отрывки изъ дневника Егерскаго Офицера . . . . 221.

Бисаврюкъ, или вечеръ на канунѣ Ивана Купала. (*Малороссійская повѣсть*). . . . . 238 и 421.

Наставленіе выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ коммисію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, Г. Кол. Сов. и члену той Коллегіи Наталину. 348.

Записки Ген. Маіора Броневскаго, о Киргизъ-Кайсакахъ Средней Орды . . . . 400.

Стихотворенія:

Стран.

Новый Поэтъ-крестьянинъ Алипановъ . . . . 105.
Первый отрывокъ изъ Комедіи *Свѣтскій бытъ* . . . . 119.
Вторый отрыв. изъ к. *Свѣт. бытъ.* 261.
Отрывки изъ сельской поэмы Слѣпушкина: *Четыре времяни года Русскаго поселянина* . . . . 273.
Третій отрыв. изъ к. *Свѣт. бытъ.* 443.
Өеофилъ, Легенда изъ Четьименеи, Іюня 23 дня. соч. Алипанова. . . . 458.

Переписка:

Письма изъ отдаленной Сибири . . . . 130 и 289.
Изъ Архангельска, о излеченіи ума лишенной, Г. Протопоповымъ. 137.
Отъ Г. Б. о шалевой фабрикѣ П. Е. Елисѣевой . . . . 141.

Смѣсь.

Умористика: Люди не на своихъ мѣстахъ 319.
Поѣздка въ маскерадъ . . . 472.
Нѣсколько общихъ словъ о новомъ романѣ: Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 г. 166.
Къ родителямъ . . . . 170.
Объявленіе отъ Издателя От. Зап. . . 171.
Списокъ авторовъ, учавствовавшихъ въ 10 лѣтнемъ изданіи Отеч. Записокъ . 173 и 337.

Стран.

Присяга Самоядовъ . . . . 327.
Кудеси или колдовство Самоядовъ . . . . . 327.
Еще безденежный курсъ на Русскомъ языкѣ о Лѣсоводствѣ. . . . . 321.
Словцо объ актерахъ — волонтерахъ . . . . 336.
Правители города Кіева отъ Завоеваній сего Княжества Вел. Кн. Литовскимъ Гедеминомъ, съ 1326 до 1828 года. . . . . 478.
Димитрій Самозванецъ Истор. романъ соч. Ѳад. Булгарина . . . . 492.
Извѣстія по части Изящныхъ Художествъ. 496.
Военныя событія. (*Окончаніе*). . . . . . 297.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи доставлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. С. Петербургъ, 4 Марта 1830 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

лѣшнимъ трудомъ Издателя, — трудомъ, наполняющимъ всю его душу и воображеніе, составляющимъ все его честолюбіе; трудомъ, бывшимъ однимъ изъ предметовъ и побужденій для поѣздокъ его по Россіи; однимъ словомъ: *съ Исторіею царствованія Петра Великаго*, которая приводится имъ къ окончанію.

Добавлю, что Отечественныя Записки неизмѣнятся ни въ наружномъ видѣ своемъ, ни во времени своего выхода въ свѣтъ, ни въ самой цѣнѣ, хотя многіе Журналисты находятъ большія выгоды въ ежегодныхъ измѣненіяхъ того и другаго.

Цѣна годовому изданію Отечественныхъ Записокъ, состоящему изъ двенадцати книжекъ, каждая по 7 и болѣе печатныхъ листовъ, съ четырьмя и болѣе видами и планами замѣчательнѣйшихъ отечественныхъ городовъ, монастырей и т. п., *по прежнему*: въ С. Петербургѣ 25 рублей, а съ пересылкою во всѣ города Имперіи, 30 рублей ассигнаціями.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: у самого Издателя Павла Петровича Свиньина, живущаго въ Садовой улицѣ, въ домѣ Жербина, и въ книжныхъ лавкахъ А. Ф. Смирдина и И. В. Сленина и прочихъ значительнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ: у содержателя Университетской книжной лавки — А. С. Ширяева.

Господа иногородные благоволятъ относиться съ требованіями своими въ Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамта; впрочемъ, могутъ подписываться и во всѣхъ Почтамтахъ и Конторахъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, коими приняты мѣры къ исправнѣйшему доставленію сего Журнала.

Павелъ Свиньинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Наставленіе Выборному отъ Малороссійской Коллегіи въ Коммисію о сочиненіи проэкта новаго уложенія, Г. Коллежскому Совѣтнику и Члену той Коллегіи Натальину. 347

Договорная окончательная Грамота, составленная и подписанная въ 1634 г. Полномочными Русскими и Польскими Послами, объ отреченіи Владислава отъ Царства Русскаго. *(Окончаніе.)* 377

Записки Генералъ-Маіора Броневскаго, о Киргизъ-Кайсакахъ Средней Орды 400

Бисаврюкъ, или вечеръ наканунѣ Ивана-Купала *(Малорос. повѣсть.)* *(Окончаніе.)* 421

Стихотворенія.

Третій отрывокъ изъ комедіи: Свѣтскій Бытъ 443

Өеофилъ, новое стихотворное произведеніе крестьянина-поэта Алипанова 458

Смѣсь.

Умористика. Поѣздка въ маскерадъ. 472

Правители города Кіева отъ завоеванія сего Княженія Великимъ Княземъ Литовскимъ Гедеминомъ — съ 1320 до 1828 года. 478

Дмитрій Самозванецъ, Истор. романъ соч. Ѳад. Булгарина. 492

Извѣстія по части Изящныхъ Художествъ. 496